

*РАЗОБЛАЧАЯ МИФЫ –
ПРЕОДОЛЕВАЯ СОМНЕНИЯ*

ВЕРУЮЩИЙ И РАЗУМ 5/2015–2016

Зачем читать придуманные молитвы

Бог один – религий много

Искажен ли текст Библии?

Закон веры – закон молитвы

**История дома Романовых:
веи служения России**

ПЕРВУЮЩИЙ РАЗУМ 5/2015–2016

*Журнал Отдела
религиозного образования
и катехизации
Санкт-Петербургской
епархии*

Тема выпуска:

Разоблачая мифы – преодолевая сомнения!

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации,
ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви,
архиепископ Петергофский АМВРОСИЙ

Заместитель главного редактора:

Исполнительный директор Епархиальных курсов
религиозного образования и катехизации
имени св. прав. Иоанна Кронштадтского
иерей Илия МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

иерей Игорь ИВАНОВ – научный консультант

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович – научный консультант

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович – художественный редактор

ЧЕРНЫХ Аким Анатольевич – выпускающий редактор

иерей Сергей ГРИГОРЯНЦ – консультант

ШАРАПОВА Елена Павловна – куратор

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

*Журнал издается при поддержке
Союза православных предпринимателей
(Санкт-Петербург)*

Содержание

АМВРОСИЙ, архиепископ Петергофский, главный редактор
Слово главного редактора 4

РАЗОБЛАЧАЯ МИФЫ – ПРЕОДОЛЕВАЯ СОМНЕНИЯ: ВОПРОСЫ БОГОСЛОВИЯ

Протоиерей Александр Дягилев
Жертва Богу и церковная десятина 6

Священник Игорь Иванов
Бог один – религий много 21

Протоиерей Михаил Браверман
Закон веры – закон молитвы 33

ВОПРОСЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Д. А. Бобров
Реально ли жить по заповедям в современном мире? 38

В. А. Капитонов
Зачем читать придуманные молитвы? 41

И. Д. Межов
Нужен ли мне посредник-священник,
если я могу говорить с Богом напрямую? 44

ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Д. Г. Добыкин
Искажен ли текст Библии? 60

Н. Г. Тельпис
Основатель Христианской Церкви –
Господь Иисус Христос 64

АКТУАЛЬНО

Протоиерей Игорь Аксенов
Репродуктивная свобода человека
и Божественный Промысл 94

ИСТОРИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Б. Н. Тарасов
«Венчание с Россией...»
(о некоторых аспектах христианской политики
Николая I) 102

Ю. В. Кудрина
Ф. М. Достоевский, Император Александр III
и Русская идея 124

А. Н. Боханов
Император Николай II: опустевший трон 149

Е. В. Пчелов
История дома Романовых: вехи служения России 185

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

М. А. Емельянов-Лукьянчиков
Три служения Константина Леонтьева 202

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

С. В. Алексеев
Кумиры падают...
Христианские мотивы в картине Карла Брюллова
«Последний день Помпеи» 215

ИНТЕРВЬЮ

А. А. Черных – М. В. Михайлова
Александр Мень: вестник Царства Божьего. 222

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Ирэна Сергеева
Стихи 232

Наши авторы 236

От редакции 239

Дорогие читатели специального выпуска журнала «Верующий Разум»: «Разоблачая мифы – преодолевая сомнения!»

Ритм современного мира требует от человека напряжения всех его сил, чтобы соответствовать быстро меняющимся условиям жизни. Огромное количество информации, поступающей из разных источников, разобраться в которой порой сложно даже хорошо образованному человеку, экономическая и политическая ситуация, кризисные явления, навязываемая потребительская культура всё больше отрывают

человека от его духовной жизни. Не всегда хватает времени уделить внимание самому главному – своей душе. Нематериальные потребности современного человека перестали являться основополагающими для личности.

Тем не менее, за суетой будничных дней в каждом из нас звучит божественный голос нашей души. Все мы на определённом этапе задумываемся о смысле своей жизни, о том, какой путь мы выбрали для себя и что мы после себя оставим. К сожалению, за обилием собственных проблем мы не всегда замечаем тех, кто рядом с нами, кто нуждается в нашей любви и поддержке. Для ответов на эти вопросы мы, по зову нашего сердца, идём в церковь. И для тех мирян, кто бывает в храме на службе очень редко, и для некоторых постоянных прихожан зачастую непросто понять смысл происходящего в храме.

Прихожанин, стараясь самостоятельно разобраться в церковном каноне, богословии или догматах Православной веры, может испытывать затруднения в их понимании. И причина этого – не в недостатке веры. Чаще трудности возникают из-за неправильного представления о Православии, христианских ценностях, о практической духовной жизни.

С самого рождения каждый человек начинает учиться, приобретать те навыки и знания, которые ему пригодятся в жизни. Сначала за

ребенком присматривают воспитатели детского сада, затем учителя школы, после обучают преподаватели высших учебных заведений. Труд этих людей очень важен для становления человека как личности. Но, помимо светских учителей и преподавателей, нам необходимы и духовные наставники, которые окажут содействие в становлении нашего духовного мира, помогут укрепить нашу веру, направить нас на праведный путь.

Современная жизнь сложна и полна противоречий. И нам всем нужна поддержка и мудрый совет: как поступать в той или иной неоднозначной ситуации. Так же и в духовной жизни. Порою, акцентируя свое внимание на обрядовости и излишнем символизме, мы можем упустить истинный смысл Православия, забыть о том неземном счастье и радости, которые приносят Христос и Церковь в жизнь своих чад.

Поэтому актуальность катехизаторской и миссионерской деятельности не вызывает сомнений. Всё меняется к лучшему, и любой человек может почувствовать радость полноценной духовной жизни. Для этого каждый должен найти внутри себя тот источник света, добра и нравственной чистоты, который заставляет нас задуматься о своём предназначении; пересмотреть свои ценности и осознать, что наша материальная жизнь не вечна и коротка, а вечна только душа. Изменить свою жизнь и преодолеть сомнения, неверие, безразличие возможно только в том случае, если перестать смотреть на своё существование сквозь призму материально-прикладного мировоззрения.

Тема специального выпуска нашего журнала: «Разоблачая мифы – преодолевая сомнения» посвящена разрешению вопросов церковной жизни в современной ситуации, возникающих как у воцерковленных людей, так и у мирян, находящихся в начале своего духовного пути. На страницах журнала в доступной форме освещаются сложные вопросы: о единстве Бога в многообразии религий, о молитве, о назначении священника и многое другое. Хочется верить, что эти сведения окажутся тем необходимым источником «воды жизни», который поможет обрести вечную радость всем жаждущим истины.

Божие благословение да пребывает со всеми вами!

АМВРОСИЙ,
 архиепископ Петергофский,
 главный редактор

Протоиерей Александр Дягилев

Жертва Богу и церковная десятина (о церковных доходах)

Первое упоминание о жертве в Священном Писании мы встречаем в 4 главе книги Бытие – когда принести жертву Богу решили Авель и Каин. Что интересно, заповеди о жертве на тот момент Бог не давал. Что же подвигло их к этой идее? Давайте прочитаем эту историю в библейской книге Бытие, 4 глава, стихи со 2 по 7. Я намеренно представлю её в трёх вариантах:

По-русски (Синодальный текст)	По-церковнославянски	В переводе с церковнославянского
<p>И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина же и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? И отчего поникло лице твоё? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.</p>	<p>И бысть Авель пастырь овец, Каин же бе делаяй землю. И бысть по днех, принесе Каин от плодов земли жертву Богу: и Авель принесе и той от первородных овец своих и от туков их. И призре Бог на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят. И опечалися Каин зело, и испаде лице его. И рече Господь Бог Каину: вскую прискорбен был еси; и вскую испаде лице твоё; еда аще право принесл еси, право же не разделил еси, не согрешил ли еси; умолкни: к тебе обращение его, и ты тем обладаеши.</p>	<p>И был Авель пастухом овец, Каин же был земледельцем. И когда прошли дни, было так, что принёс Каин от плодов земли жертву Богу: и Авель тоже принёс, только от первородных овец своих и от жира их. И призрел Бог на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не обратил внимания. И Каин сильно опечалился, и поникло лицо его. И сказал Господь Бог Каину: почему ты исполнился скорби; и почему поникло лицо твоё; не согрешил ли ты тем, что хоть и правильно жертву принёс, но не разделил её; успокойся: всё равно он будет тянуться к тебе, и ты будешь обладать им.</p>

При сравнении двух текстов – русского Синодального и церковнославянского очевидна разница в концовке данной истории. Чем вызвана эта разница? Она вызвана тем, что русский текст был переведён в XIX веке с текста на еврейском

Для восточных христиан издревле Септуагинта была более авторитетным текстом, чем Масоретский оригинал, несмотря на то, что она являлась переводом, но зато переводом с более древних рукописей еврейского текста

языке в том варианте, как он известен сейчас в иудейской традиции, и как его читают и слышат в современных синагогах. Этот вариант текста называется Масоретским и обозначается буквой М. А церковнославянский текст когда-то был переведён с древнегреческого перевода, выполненного ещё в III веке до Рождества Христова, и известного, как Септуагинта – обозначается буквой Σ. Разница между М и Σ долгие годы объяснялась ошибками переводчиков III века до Рождества Христова, пока в 1947 году в пещерах Вади Мураббахат и Хирбет-Мирде, в местности, известной как Кумран, не были найдены древние свитки, многие из которых оказались списками Священного Писания на древне-еврейском и арамейском языках. Тогда-то и выяснилось, что в чём-то эти древние свитки ближе к Масоретскому тексту, в чём-то к Септуагинте, об этом писались и защищались диссертации, было выпущено немало книг и статей, но самое главное – был доказан факт – не все различия между Масоретским текстом и Септуагинтой можно объяснить ошибками перевода, тем более, что в некоторых местах речь идёт не об одном, или двух спорных словах, а о полной разнице смыслов. Для восточных христиан издревле Септуагинта была более авторитетным текстом, чем Масоретский оригинал, несмотря на то, что она являлась переводом, но зато переводом с более древних рукописей еврейского текста.

Вернёмся к разбору повествования о жертвоприношениях Авеля и Каина. Из русского текста (а также и из еврейского) совершенно непонятно, почему Бог не принял жертву Каина. Бог представлен Владыкой, Который у кого-то жертвы принимает, у кого-то нет, не объясняя причин. Каину говорится о том, чтобы он делал добро, а иначе – у дверей лежит грех. У каких дверей? Можно сказать, что у дверей его души – он чувствует зависть, но пока ещё не грешит. Важно, что он будет делать с этим чувством – его последующие помыслы и действия, которые могут быть греховными или нет, будет ли он господствовать над этим чувством зависти или нет... интересно, что крупнейший средневековый толкователь Торы – Раббейну Шоломо Ицхаки, более известный под именем Раши, толкует библейский стих Быт. 4, 7 как то, что грех лежит

Дар – как подарок в знак искренней благодарности. А жертва – это что-то вынужденное, дабы избежать каких-то худших для себя последствий, но не с любовью в Богу.

у порога входа в гробницу Каина, и выглядит привлекательно, он побуждает на злые дела, пытается сбить с пути, но в итоге заманивает в эту самую гробницу – в смерть.

Христианские толкователи имели дело с текстом Септуагинты. Толкуя его, в частности святитель Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Авель приносит Господу дар, а Каин – жертву. Дар – как подарок в знак искренней благодарности. А жертва – это что-то вынужденное, дабы избежать каких-то худших для себя последствий, но не с любовью в Богу. Согласно Септуагинте, и это видно также из славянского текста, грех Каина заключался в том, что он не разделил плоды – хорошие от плохих, и принёс в жертву Богу, свалив всё вместе – и хорошее, и плохое. Касаемо же дара Авеля, подчёркивается, что он избрал лучших однолетних откормленных агнцев. Таким образом, греческий текст Библии объясняет, почему Бог принял дар Авеля, а на жертвы Каина не обратил внимания. Бог – не деспот сумасброд. Он объясняет Каину, что произошло – «не согрешил ли ты тем, хоть и правильно жертву принёс, но не разделил её». Действия и решения Бога оказываются понятны и поучительны для нас. В дар Богу нужно приносить только с любовью, благодарностью и самое лучшее. Принцип «на тебе, Боже, что нам негоже» изначально греховен и ведёт к большому осуждению.

В дар Богу нужно приносить только с любовью, благодарностью и самое лучшее

Характерно, что, согласно свт. Иоанну Златоусту, Каин начинает беспокоиться, что перестанет пользоваться авторитетом у младшего брата, что потеряет власть над ним, несмотря на первородство. Всякому, у кого есть младшие братья и сёстры, это чувство может быть знакомо: когда тот, кого ты помнишь малышом, для кого ты был всегда старшим и авторитетом, вдруг делает то, чего не можешь сделать ты... Поэтому Бог говорит Каину: успокойся, всё равно он будет тебя любить, уважать, всё равно он будет тянуться к тебе... То есть, согласно греческому тексту, не грех тянет Каина в могилу, а Авель тянется к Каину и продолжает считать его старшим братом несмотря на неудачу... Вряд ли такое разночтение можно объяснить просто ошибкой перевода – слишком большая разница смысла, видимо и правда, в древних рукописях был такой вариант прочтения этой истории.

Теперь давайте вновь зададим себе вопрос – что же подвигло Каина и Авеля к идее жертвоприношения? Ведь нет никаких признаков того,

чтобы они совершали это действие по чьему-то приказу. И ответ спрашивается сам – это был знак благодарности и любви к Богу, о Котором они помнили, когда получали плоды от трудов своих.

Это был знак благодарности и любви к Богу, о Котором они помнили, когда получали плоды от трудов своих

Адаму, изгоняемому из Едема, было сказано: «...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Быт. 3:17–17). «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю...» (Быт. 3:23).

Выходит земля была проклята, но не до конца. Кроме волчцов и терниев, через труды Адама и его потомков, она, всё же, производила и хорошие плоды. Только, если раньше эти плоды Адам с Евой имели даром и не ценили, теперь они доставались им «в поте лица». Тот факт, что Бог не уничтожил людей после грехопадения, дал им возможность выживать, обещание, что семя жены сокрушит голову змея (см. Быт. 3:15),

Всё, что мы можем принести в жертву Богу – и так Его творение.

давало первым людям надежду на то, что Бог их не оставил, что у них есть будущее, и что когда-нибудь Рай вновь откроется

для них. За это они благодарили Бога и на каком-то этапе решили принести Ему в жертву что-то из того, что они считали ценным для себя, хотя, конечно, они отдавали себе отчёт, что «Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней» (Пс. 23:1).

Всё, что мы можем принести в жертву Богу – и так Его творение. Об этом же Сам Бог говорит в 49-м Псалме: «Слушай, народ Мой, Я буду говорить; Израиль! Я буду свидетельствовать против тебя: Я Бог, твой Бог. Не за жертвы твои Я буду укорять тебя; всесожжения твои всегда предо Мною; не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих, ибо Мои все звери в лесу, и скот на тысяче гор, знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною. Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе, ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее. Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов? Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои, и призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49:7–15).

В Книге пророка Исаи сказано: «К чему Мне множество жертв ваших? Говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение (ладана) от-

вратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю.» (Исх. 1:11–18).

Таким образом, жертва Богу является формой почитания Бога и выражением любви к Нему, но Сам Бог не нуждается в наших жертвах, – это мы нуждаемся в том, чтобы как-то выразить любовь к Нему. В Книге Притч сказано: «Чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих, и наполнятся житницы твои до избытка, и точила твои будут переливаться новым вином» (Прит. 3:9–10). Иначе говоря, Бог от-

Жертва Богу является формой почитания Бога и выражением любви к Нему, но Сам Бог не нуждается в наших жертвах

кликается на жертву человека и воздаёт ему многократно за эту любовь.

Но поскольку Бог не нуждается в наших жертвах, то Его невозможно купить, Он ждёт от

нас только любви и благодарности. И жертву Каина, как мы теперь знаем, Он не принял именно потому, что Каин принёс её без искренности, не проявив любовь, не выделив лучшее от плодов, в то время, как для себя любой из нас, покупая фрукты и овощи в магазине, пытается отобрать те, что получше, и яблоко для себя мы с дерева срываем самое спелое и крупное. И только тому, кого мы по-настоящему любим, мы будем отбирать плоды с той же тщательностью, что и для себя самого. Выходит, в жертве Каина мы видим первый пример проявления «коррупции» – Каин пытается купить благорасположение Бога, но вместо обращения с молитвой к Тому, Кому в этот момент приносится жертва, он подглядывает за Авелем, и начинает ревновать. Пример такой же «коррупции» – те, о ком говорил пророк Исаия, пересказывая слова Господа Бога: «К чему Мне множество жертв ваших? Говорит Господь. Я пресыщен всежожениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои?» (Исх. 1:11–12). Пример тому – фарисеи, о которых говорил Иисус Христос: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оста-

вили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф. 23:23). То есть эти книжники и фарисеи отделяли тщательно из всего аниса, тмина, мяты каждый десятый стебелёк,

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять

чтобы принести его в жертву Богу и исполнить заповедь о десятине, но при этом забыли о том, что «как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Не нужна Богу жертва из рук того, кто потерял суд, милость и веру, потому и через пророка Исаию Он призывает: «Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову...» (Исх. 1:17).

Некоторые люди искренне считают, что Бог и деньги – вещи несоместимые. Но это не совсем так. Действительно, есть такие слова Спасителя: «Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13). Однако здесь речь о том, кому ты служишь, кого считаешь Богом для себя? Является ли целью твоей жизни сделать угодное Богу или обогатиться?

Давайте, проанализируем бухгалтерию первоапостольской общины, когда апостолы странствовали за Господом, и им негде было приклонить голову (см. Мф. 8:20). Так ли уж они нищенствовали? Мы знаем, что у апостолов был ящик для сбора пожертвований, его хранителем был Иуда, апостолы знали, что он подворовывал из него, но Господь не делал ему замечаний – Он не дал ему ни одного повода для обиды и предательства. (см. Ин. 12:6). Видимо, именно эти деньги – из этого ящика – упоминаются в Ин. 6:7: «Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу». Что такое 200 динариев? Мы знаем по историческим данным, что один динарий в день получал обычный рядовой легионер в римской армии, помимо того, что его кормили. Это была его дневная зарплата. Эта же сумма упомянута в качестве обычной дневной оплаты труда сельскохозяйственного работника в Мф. 20:1–16. Если взять среднюю зарплату по Санкт-Петербургу на ноябрь 2015 года (см. <http://ppt.ru/info/10>) как 43 479 руб., то в среднем один работающий житель Санкт-Петербурга имеет около 1450 руб. в день. И если стоимость древнеримского динария привязать к этой сумме в рублях, то выходит, что апостолы имели с собой около 290 000 современных рублей (или около 22 300 руб. на каждого, включая Господа). Это, согласитесь, не так уж много, но и не так уж мало. На хлеб насущный им хватало, нет никаких свидетельств, чтобы они голодали, а, вот, ночевать в гостиницах и караван-сараях на такие деньги было дорого. Видимо, эта казна регулярно пополнялась после

проповедей Господа, после совершённых Им исцелений, но при этом из неё же, видимо, давали милостыню нищим (см. Ин. 12:4-5). И, разумеется, если бы они «грохнули» все свои средства на то, чтобы накормить 5000 человек, да ещё и «кроме женщин и детей» (см. Мф. 14:21), то получилось бы 58 рублей на человека – согласитесь, на это накормить взрослого мужчину сложно, а сами апостолы после этого остались бы совсем без пропитания. Это беспокоит апостола Филиппа (Ин. 6:7). Господь решает данную проблему через чудо умножения хлебов – единственное, упомянутое во всех четырёх Евангелиях, таким образом и кормит людей, и позволяет апостолам не остаться без денежных средств.

Во времена пророка Моисея Бог устанавливает правила – какие жертвы как и когда надо приносить. При этом, за исключением Мирной жертвы и жертвы Всесожжения, какая-то часть от жертвы оставалась священникам. И вот здесь стоит обратить внимание – до Моисея и Скинии собрания жертву Богу мог принести любой мужчина, но от Моисея Бог устанавливает институт священства, даёт заповеди о богослужениях и жертвах. В качестве служителей Богу выбирается одно из

За исключением Мирной жертвы и жертвы Всесожжения, какая-то часть от жертвы оставалась священникам

колен Израиля – потомки Левия или Левиты, а чтобы быть священниками и первосвященниками из Левитов выбирают потомки Аарона. На иврите священников называют коэны

(כֹּהֲנִים), а первосвященник – коэн-гадоль (הַכֹּהֵן הַגָּדוֹל). В их обязанности входит:

- совершать богослужения и жертвоприношения;
- учить народ
- судить народ.

По сути те же функции возлагаются и на новозаветного пресвитера, которого христианская традиция очень быстро стала атрибутировать с новозаветными коэнами (по гречески – иереями, от *iereús*, что дословно означает «жрец» или «приносящий жертву»). Теперь священство – это то, что через преемство возложения рук апостольских (см. 1 Тим. 4:14) передаётся в Церкви, оно больше не зависит от того, в каком народе или племени рождён человек. Новозаветный священник выполняет те же функции:

– **священник совершает богослужения**, главное из которых – Евхаристия – жертва Благодарения Богу и Причастие Тела и Крови Христовых;

– **священник учит народ** – проповеди, воскресные школы, внебогослужебные собрания, библейские группы, паломнические поездки –

это всё не менее важно, чем совершение богослужений для священника. К сожалению, эту функцию в советские годы пытались полностью устранить из жизни православных священнослужителей, и некоторые батюшки так и восприняли, что главное в их жизни – «махать кадиллом и вовремя подавать правильные возгласы в тон с хором». Стали крестить взрослых без подготовки, а детей – без подготовки крёстных, что происходит, к сожалению, кое-где до сих пор. Таким образом выполняется половина заповеди, касающаяся обрядовой стороны – Крещение, но не исполняется другая половина заповеди, касающаяся научения. Не случайно, возможно, Господь слово «научите», «уча» повторил дважды.

– **священник судит народ.** В древности были случаи, когда священники и архиереи буквально исполняли функции судий. В наши дни это относится, скорее, к морально-нравственной оценке человеческих поступков и происходящих вокруг событий. Как и в случае любого судьи, священнослужитель призван возвышаться над собственными земными представлениями и пристрастиями, дабы дать оценку с точки зрения Заповедей Божиих и канонов Церкви (а не чего-нибудь другого). Священник не выносит приговоров, но вправе засвидетельствовать о чьей-либо неправоте и даже обязан назвать грех грехом, хотя бы даже ради спасения души грешника, пусть даже если этот грешник – тот человек, от которого сам священник находится в зависимом положении.

Плюс, к трём ветхозаветным, в Новом Завете добавлена четвёртая функция, которой не имели ветхозаветные священники – *миссионерская*:

– «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19–20).

То есть теперь учить нужно не только тех, кто и так к тебе приходит – представителей твоего народа, но ВСЕ народы, и к ним надо идти, а не ждать, пока они придут к тебе сами.

Христиане, особенно священнослужители, не имеют права успокаиваться, пока на свете есть люди, не слышавшие о Христе и о Его учении. Мы можем, к сожалению, констатировать, что в наши дни миссионерская функция в Церкви находится в упадке или сводится к борьбе с еретиками и сектантами, к их поиску в собственных рядах, а Церковь пытаются привязать к национальностям и культурам – «православие для русских, ислам для татар и т. д.». Если в храме вдруг окажутся инородцы, а батюшка, движимый миссионерским духом постарается

Если в храме вдруг окажутся инородцы, а батюшка, движимый миссионерским духом постарается на службе донести до них содержание Священного Писания на понятном для них языке – его потом могут «распять» собственные же прихожане.

Когда мы говорим о десятине в законе Моисеевом, нам нужно осознать, что на самом деле существуют три десятины.

на службе донести до них содержание Священного Писания на понятном для них языке – его потом могут «распять» собственные же прихожане. А это признак центробежной тен-

денции на замкнутость, на привязанность к земным городам, странам, народам, культурам, традициям... И это противоречит словам Основателя Церкви: «...идите, научите все народы».

Но вернёмся к теме жертвы. И в Ветхом Завете, и в Новом Завете появились профессиональные священнослужители. За счёт чего они должны жить? За счёт чего должен был содержаться храм Божий и его персонал? Бог установил такое понятие, как десятина.

Когда мы говорим о десятине в законе Моисеевом, нам нужно осознать, что на самом деле существуют три десятины:

– **Первая или общая десятина** описывается в Книге Левит 27:30–33. «И всякая десятина на земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу: это святыня Господня; если же кто захочет выкупить десятину свою, то пусть приложит к цене ее пятую долю. И всякую десятину из крупного и мелкого скота, из всего, что проходит под жезлом десятое, должно посвящать Господу; не должно разбирать, хорошее ли то, или худое, и не должно заменять его; если же кто заменит его, то и само оно и замен его будет святынею и не может быть выкуплено».

– **Вторая десятина** описана во Второзаконии 14:22–27. «Отделяй десятину от всего произведения семян твоих, которое приходит с поля [твоего] ежегодно, и ешь пред Господом Богом твоим, на том месте, которое изберет Он, чтобы пребывать имени Его там; [принеси] десятину хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и первенцев крупного скота твоего и мелкого скота твоего, дабы ты научился бояться Господа, Бога твоего, во все дни. Если же длинна будет для тебя дорога, так что ты не можешь нести сего, потому что далеко от тебя то место, которое изберет Господь, Бог твой, чтоб положить там имя Свое, и Господь, Бог твой благословил тебя, то променяй это на серебро и возьми серебро в руку твою и приходи на место, которое изберет Господь, Бог твой; и покупай на серебро сие всего, чего пожелает душа твоя, волов, овец, вина, сикера и всего, чего потребует от тебя душа твоя; и ешь там пред Господом, Богом твоим, и веселись ты и семейство твое. И левита, который в жилищах твоих, не оставь, ибо нет ему части и удела с тобою».

– **Третья десятина** описана во Второзаконии 14:28–29. «По прошествии же трех лет отделяй все десятины произведений твоих в тот год и клади [сие] в жилищах твоих; и пусть придет левит, ибо ему нет части

и удела с тобою, и пришелец, и сирота, и вдова, которые *находятся* в жилищах твоих, и путь едят и насыщаются, дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которое ты будешь делать».

Причём, десятина, собственно говоря, не считалась жертвой, она воспринималась как долг

Иначе говоря, первая десятина жертвовалась Богу, вторая – собиралась на самого себя – но только потратить её можно было лишь для паломничества в то место, где находился храм Божий. Причём, из этих средств предписывалось выделить хоть что-нибудь для того, чтобы паломничество мог совершить не только ты, но и священнослужитель, который живёт рядом с тобой. Третья – собиралась один раз в три года – на благотворительные и социальные цели.

Причём, десятина, собственно говоря, не считалась жертвой, она воспринималась как долг – как арендная плата Богу за те блага, которые я получаю, живя на земле, обладая собственностью, при том, что всё, что я обладаю – на самом деле лишь творение Божие. Не я создал землю, на которой живу, которая даёт мне урожай, недра которой дают мне полезные ископаемые. Не я создал глину, из которой сделаны кирпичи, составляющие мой дом. Всё это я называю своей собственностью – но это всё, на самом деле, Божие творение. Настоящая жертва или дар (в значении, как принёс жертву Авель) – это то, что я приношу сверх долга – добровольно.

Необходимость такой «арендной платы» Богу за пользование землёй и её благами осознавалась праведниками ещё и до дарования Закона Моисея: «И положил Иаков обет, сказав: если Бог будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться, и я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет Господь моим Богом, – то этот камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим; и из всего, что Ты, *Боже*, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть» (Быт. 28:20–22).

Остаётся ли актуальной заповедь о десятине в Новом Завете? Можно сказать точно, как заповедь – нет. На Апостольском Соборе в Иерусалиме, когда рассматривали, что надо, и что не надо соблюдать из Ветхого Завета новообращённым христианам из язычников, заповеди о десятине нет. «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы» (Деян. 15:28–29).

Настоящая жертва или дар (в значении, как принёс жертву Авель) – это то, что я приношу сверх долга – добровольно

Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог

Однако, несмотря на отсутствие такой заповеди у христиан, остаётся сам принцип. Если у нас есть организация, есть храмы, есть профессиональные служители, есть богослужения –

должны быть организованы и финансовые потоки, и сборы средств. И если ещё до Закона Моисея совесть подсказала Авелю и Каину принести жертву Богу в знак благодарности, а св. прав. Иакову совесть подсказала отдавать Богу именно десятину, то не тем ли паче мы – христиане – должны показывать пример служения Богу и Церкви не только молитвою и постом, но и от своего имущества и средств? Только «каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:7).

Выходит, заповедь отменена не ради того, что можно перестать жертвовать, а чтобы вернуть в отношения с Богом принцип добровольности, чтобы жертва вновь стала даром. Теперь нет конкретной суммы и конкретных процентов, нужно исходить из того, что позволяет состояние кон-

При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет

кретного христианина (см. 1 Кор. 16:2). «При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (1 Кор. 9:6).

Когда мы читаем книгу Деяний Апостолов – мы можем восхищаться многочисленными путешествиями и приключениями апостола Павла. Но мало кто задумывается о том, что все эти поездки на кораблях, да ещё и групповые, жизнь в других городах, в гостиницах и постоялых дворах, прежде чем люди обратятся и кто-то из них пустит апостолов в свой дом – всё это было недешёвым «удовольствием». Значит у первых христиан была отработана система сбора средств и распределения их как на гонимых христиан Иерусалима, так и на миссию апостолов.

Из послания к Римлянам: «А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном» (Рим. 15:25–27).

Апостол Павел прямо говорит, что если человек получил в дар столь великое сокровище, как спасение души, то нет ничего зазорного, если подаривший ему этот дар миссионер воспользуется для своих целей материальными возможностями новообращённого (см. 1 Кор. 9:11).

Трудящийся достоин награды за труды
СВОИ

Да и Сам Господь Иисус Христос говорит: «Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему; и если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш, а если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом. И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: приблизилось к вам Царствие Божие» (Лк. 10:3–9). Эти евангельские слова означают, что ученики Иисуса Христа не должны были иметь с собой запасов (ни мешка, ни сумы), а должны были есть и пить то, чем будут угощать их люди в ответ на их евангельскую проповедь и творимые ими чудеса исцелений.

Впрочем, апостол Павел старался не пользоваться этим правом писаться за счёт новообращённых им же христиан, ради пользы миссии, ради того, чтобы не давать повод быть обвинённым в тунеядстве. «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и *нуждам* бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20:33–34). «...ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, – не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам» (2 Фес. 3:7–9).

Из Деян. 18, 3 мы знаем, что апостол Павел был обучен ремеслу шить палатки, и когда он многократно упоминает о том, что ему приходилось трудиться своими руками, он имеет в виду, вероятно, именно это ремесло. Однако шитьё палаток покрывало все потребности апостола Павла и его спутников в их путешествиях. В противном случае, вместо христианской миссии, ему пришлось бы стать странствующим изготовителем палаток, а не апостолом Иисуса Христа. Изготовление палаток явно не было его целью жизни. В одном месте он упоминает: «Другим церквям я причинял издержки, получая *от них* содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал, ибо недостаток мой восполнили братия, пришедшие из Македонии; да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость.» (2 Кор. 11:8–9). В послании к Филиппийцам 4:10–16 упоминается их помощь ему. Значит, материальная помощь от христиан на его миссию всё же приходила регулярно.

При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских

святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и берегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду» (1 Кор. 16:1–2).

Выводы таковы. Слово «Церковь» – «Экклесия» (ἐκκλησία) переводится как собрание. В античных городах – полисах – все свободные люди, собирались на центральной площади, чтобы решить какое-то дело, касающееся всего города и его обитателей. Это дело, ради решения которого собрались люди назвалось словом «Литургия» (λείτουργία) – оно так и переводится: «общее дело». Каждый житель города – член экклесии – собрания – заявлял о том, каков будет его вклад в решение этой общей задачи. Этот вклад назывался словом «Просфора» (προσφορά). Сейчас этим термином мы называем литургический хлеб, но изначальное значение этого слова шире. Вино, на котором мы служим – это тоже Просфора. Процесс принесения человеком своего вклада в общее дело назывался «Проскомидия» (προσκομιδή). Нам эти термины хорошо знакомы по церковному обиходу, но полезно знать их изначальный смысл.

Мы собираемся в Церковь – в собрание народа Божьего, являющего собой Тело Христово (1 Кор. 12, 27). По сути, Литургию совершает сам Иисус Христос, действуя нами, как своими членами, но чтобы Литургия состоялась нужно, чтобы каждый из нас принял участие в реализации этого общего дела через исполнение взятых на себя обязательств (в переводе на церковную терминологию: нужно, чтобы каждый из нас принял участие в Проскомидии, принеся свою Просфору).

В чём может заключаться наша Просфора? Чтобы это понять, нужно рассмотреть, а что нужно для совершения Литургии?

1. Нужно место, где совершение Литургии будет безопасно, где не будут падать на голову камни и кирпичи из разрушающегося потолка. Значит вклад в строительство, реставрацию или сохранение храма Божия – это вклад в Проскомидию.

Не будем забывать о важном указании на необходимость сбора пожертвований и о том, как это делать организованно: «При сборе же для

Чтобы Литургия состоялась нужно, чтобы каждый из нас принял участие в реализации этого общего дела через исполнение взятых на себя обязательств

2. Нужно, чтобы был материал для совершения Таинства – хлеб и вино. Раньше люди сами пекли хлеб и делали вино из своего винограда. Сейчас и то, и другое закупает Приходской совет, за счёт приходских денег. Когда Вы прикладываете деньги к Вашей записке о здравии или о упокоении, когда Вы кладёте деньги в кружку для пожертвований – Вы выкупаете хлеб и вино у Прихода. Теперь это на отчасти Вашем хлебе и отчасти Вашем вине совершается Литургия. Теперь из Вашей просфоры вынимается частица (важен не столько факт выемки частицы за имя из вашей записки, сколько то, что это из Вашей просфоры она вынута). Ваша просфора – Ваша Проскомидия.

3. Нужны вспомогательные вещи – без которых не обойтись – престол, жертвенник, сосуды, антиминс, кадило, уголь, ладан, лампы, облачения, иконы, книги, особенно Евангелие и Апостол... Обеспечить храм необходимой утварью – вклад в Проскомидию.

4. Сейчас свеча – это скорее символ, но ещё не так давно электричества в храмах не было, и свеча была реальным вкладом в то, чтобы в том месте, где собирается Церковь было светлее, чтобы можно было служить, не спотыкаться в темноте, читать священные тексты, видеть иконы. Сейчас вклад в то, чтобы в храме были свет и тепло (например, в виде помощи в оплате коммунальных услуг) – это тоже вклад в Проскомидию.

5. Нужно, чтобы были священнослужители, церковнослужители, чтобы они не падали с ног от голода или усталости, чтобы нужды их самих и их семей были обеспечены, иначе они не смогут должным образом совершать своё служение. Поддержка служителей Церкви – это тоже вклад в Проскомидию.

6. Очень желательно, чтобы там, где служится Литургия, было чисто и опрятно. Вымыть пол в храме – это вклад в Проскомидию.

Вы видите, сколько вариантов совершения жертвы Богу у Вас есть в Церкви – и материально, и через работу руками своими. И, возможно, действительно есть смысл, дабы следовать Библейским принципам (Лев. 27:30–33), хотя бы десятую часть своих доходов тратить на эти и другие нужды Вашего приходского храма, воспринимая это, как Ваш долг перед Богом (включая Ваши жертвы на

Но я несу ответственность за то, чтобы в том месте, где я регулярно причащаюсь, не оскудевало то, что необходимо для служения Литургии

свечи и записки). Ещё десятую часть можно тратить на паломничества и на всё, что способствует вашему духовному развитию и приближению к Богу. Это будет вторая

десятина, согласно Заповеди (см. Втор. 14:22–27). И третья десятина, собираемая один раз в три года, (или чуть более 3% от Вашего регулярного дохода) – это то, что можно было бы тратить на благотворительность (см. Втор. 14:28–29).

В ветхозаветные времена эти три десятины воспринимались как обязательный минимум, а дополнительные пожертвования только приветствовались, однако они не должны были разорять семью человека, оставлять его без хлеба насущного. Возможно именно для того, чтобы оградить людей от чрезмерного и самоубийственного религиозного фанатизма, Бог и установил когда-то при Моисее размеры жертв в десятинах.

Для нас в Новом Завете остается принцип добровольности, ибо именно такую жертву ждёт от нас Бог (2 Кор. 9:7), но я несу ответственность за то, чтобы в том месте, где я регулярно причащаюсь, не оскудевало то, что необходимо для служения Литургии. В любом случае, выделять следует на пожертвования столько, сколько позволяет состояние (1 Кор. 16:2), и указанные десятины являются лишь примерным ориентиром, а не обязанностью. Тем не менее о них стоит знать и иметь их в виду как ориентиры при планировании своих ежемесячных и еженедельных расходов на храм, на своё духовное развитие и на благотворительность.

«Бог – один, а религий – много...» (философское осмысление)

«Бог – один, а религий – много...». Эта фраза звучит в устах людей по-разному: с недоумением, с удивлением, с возмущением, с цинизмом и т.д., и т.п., прикрывая то ли малове-

рие, то ли агностицизм, то ли атеизм, то ли индифферентизм. Сама постановка вопроса «Если Бог один, то почему же люди почитают Его (верят в Него, учат о Нем) столь различно?» предполагает некое исследование и размышление, а не равнодушное снятие этого нарочито предъявляемого противоречия, в котором, возможно, кому-то желательно видеть софистическую уловку, нежели разглядеть присутствие здравого смысла.

Если все-таки посмотреть на эту фразу объективно, то о чем она? Разве не о том, что 1. есть единственный истинный Бог, Творец мира; и 2. есть различные учения о религиозном поклонении Ему и соответствующие практики? То есть вопрошающий как бы не сомневается в бытии Творца, он сомневается в том, какую религиозную практику он мог бы принять как истинную. Но при этом, если для него таковой не окажется, он готов отказаться от поклонения Богу вообще. То есть интерпретировать этот отказ можно только в ключе: «для меня истинной религии нет», а не так, что «вообще истинной религии нет»

Кроме того, фраза «Бог – один, а религий – много...» содержит в себе и такой момент: «Бог – один» (и, значит, есть одна истинная религия адекватная Его о Себе Откровению), «а религий – много», то есть много: а) человеческих мнений о божестве (либо божествах); б) много искажений в силу отклонений от истинной богооткровенной веры; в) много неадекватных мнений, навеянных в силу общения с падшими духами. То есть эта фраза говорит о *двух типах*¹ религиозной установки:

Поэтому религий только две (согласно сущности нашего вопроса): монотеизм и политеизм. А в последнем всегда найдется остаток от первого

¹ Как замечает в своей книге Александр Станкевичус, «вот еще что важно и чего нельзя допускать в данном вопросе: нельзя сравнивать несравнимое. Бог-Творец, не важно, из какой монотеистической религии или даже политеистической, не стоит и никогда не стоял наравне с божествами реки, огня, воды, домашнего очага, богами-героями и т. д. Поэтому религий только две (согласно сущности нашего вопроса): монотеизм и политеизм. А в последнем всегда найдется остаток

Вси бози язык бесове: Господь же небеса сотвори

1. Богооткровенный монотеизм (в силу общения духа человеческого с Духом Божиим, и в контексте явления и восприятия

человеком Силы, Премудрости и Славы Божией, видимых как в Природе, так и в Истории).

2. Заблуждающийся политеизм («заслоняющий» или «подменяющий» почитание Премудрости, Силы и Славы Божией почитанием аспектов мира и / или почитанием «некоей безличной космической силы», а также общением («магией») с многоразличными «божествами» и / или «духами»². Именно об этом различии Богообщения и «духообщения» размышлял царь, пророк и псалмопевец Давид: «...вси бози язык бесове: Господь же небеса сотвори...» (Пс. 95).

Но есть здесь и некая промежуточная ситуация: умозрительное принятие *идеи* Творца без реальной практики Богообщения, но и с отказом от всякой иной языческой политеистической и «окультурной» практики.

Таковой *монотеистический афидеизм* сейчас весьма популярен. Но отличие этой «безрелигиозной веры философов» современности от таковой же «философской веры» времен эллинизма в том, что в те времена она хоть немного помогала человеку перейти от политеизма к христианству, а теперь она не только «блокирует» человеку возврат к христианству, но и оставляет его равнодушным к постижению сути всякого иного религиозного опыта. А, значит, и делает его слабым к противостоянию радикальным квазирелигиозным тоталитарным системам.

Таким образом, многие античные мудрецы, говоря о безрелигиозной вере, расчищали путь от политеистического язычества к умозрительному монотеизму, а затем и к персоналистическому христианству. Хотя говорить о какой-либо эволюции в религии не приходится. С самого начала истории «очевидное» монотеистическое богословие было

от первого» (Станкевичус А. 53 самых живучих мифа атеизма о христианстве. СПб.: «Реноме», 2014. С. 44).

² А. Станкевичус видит эту ситуацию так: «Необходимо прояснить разницу между Богом и богами. Бог и бог – сути разные. Бог – один, не рожден, вечен, пребывает в вечности, творец бытия, благ и всемогущ, трансцендентен, не ограничен пространством, Его существование не зависит от существования мироздания, личностен. Божество (боги) рождены, не являются творцами бытия, женятся, разводятся, умирают, перерождаются, совокупаются с земными женщинами, могут быть ограничены другими богами, отвечают за манифестации чего-то одного, занимают определенную роль и нишу в пантеоне, воюют и проигрывают» (Станкевичус А. 53 самых живучих мифа атеизма о христианстве. СПб.: «Реноме», 2014. С. 127).

доступно всякому здравомыслящему человеку так же, как было изначально уклонение от него в практику *контактов* с различными «силами»³.

В качестве примера можно вспомнить рассуждение древнегреческого философа Платона (ок. 427 – 347 до н.э.) из его диалога «Софист», в котором некий Чужеземец говорит с Теэтетом о Боге-Творце через аналогию с искусством:

«...»

Теэтет. Я пока не понял.

Чужеземец. Творческое искусство, говорили мы, если вспомнить сказанное вначале, есть всякая способность, которая является причиной возникновения того, чего раньше не было.

³ Как пишет А. Станкевичус, «эволюционный подход к религии нельзя назвать правдоподобным, потому что многие племена, сохранившиеся до нашего дня самобытными, так и остались на стадии анимистических верований и шаманизма. По какой-то причине у них вообще не произошло эволюции религиозных представлений. Нам могут возразить, что эти племена не прошли необходимых для эволюции исторических этапов развития: объединения племен, появления государственности и сильной власти, – но мы не видим эволюции к монотеизму и там, где все эти этапы были пройдены. Римляне получили христианство извне, а не развили его из своей религии, и, более того, христианство было враждебно по отношению к императорской власти языческого Рима. То же можно сказать о греках. Хотя у них и сформировались *чисто философские околomonотеистические концепции* (например, у Платона не было собственно монотеизма в учении), они продолжали чтить свой пантеон как в древний свой период, как во времена возвышения Афин, так и во времена войны с Персией и установления единоличной власти Александра Македонского. Ни одно из эллинистических государств с сильной царской властью в Азии не пришло к монотеизму: ни Селевкидская империя, ни государство Птолемея, ни Греко-Бактрия. За время своего существования греки также не пришли самостоятельно к монотеизму, получив его извне. То же можно сказать и о Китае: тысячи лет этой цивилизации так и не «родили» сколько-нибудь развитого монотеистического учения. Более того, в Китае до сегодняшнего дня сохранилась вера в духов предков, что напоминает нам о воззрениях совсем диких племен Океании. А ведь китайцы и эти племена прошли совсем разные исторические стадии. Поэтому эволюционный подход к этому вопросу не дает нам выдерживающих критику ответов. Лучше всего обращаться к фактам: мы знаем, что в Древнем Египте существовал монотеизм (неважно, наряду с политеизмом или до него, а может, он вообще потерпел вырождение до политеизма, тогда тут вообще не может быть и речи об эволюционной модели!), мы знаем, что у древних евреев существовал монотеизм. Это два довольно надежно зафиксированных и не спорных примера, но их достаточно, чтобы отказаться от мифа эволюционной модели и новизны монотеизма» (Станкевичус А. 53 самых живучих мифа атеизма о христианстве. СПб.: «Реноме», 2014. С. 125–126).

Теэтет. Да, мы это помним.

Чужеземец. Станем ли мы утверждать относительно всех живых существ и растений, которые произрастают на земле из семян и корней, а также относительно неодушевленных тел, пребывающих в земле в текучем и нетекучем виде, – станем ли мы утверждать, говорю я, что все это, ранее не существовавшее, возникает затем благодаря созидательной деятельности кого-либо иного – не бога? Или же будем говорить, руководствуясь убеждением и словами большинства...

Теэтет. Какими?

Чужеземец. Что все это природа порождает в силу какой-то самопроизвольной причины, производящей без участия разума. Или, может быть, мы признаем, что причина эта одарена разумом и божественным знанием, исходящим от бога?

Теэтет. Я, быть может, по молодости часто меняю одно мнение на другое. Однако теперь, глядя на тебя и понимая, что ты считаешь, что все это произошло от бога, я и сам так думаю.» (Платон, Софист, 265b-d)⁴.

«Почитание Творца мира» – религиозная аксиома во всех доступных ученому исследователю культурах

Оказывается, нужно всего лишь при благоговейном рассмотрении мира просто обратить (и обращать!) внимание не собственно на сами предме-

ты этого мира, а на Того, Кто их сотворил. В этой проблеме духовной «близорукости» и коренится ключевое заблуждение язычества.

В XX веке крупнейшим религиоведам (А. Лэнгу, В. Шмидту, М. Элиаде и пр.) понадобилось написать десятки тысяч страниц, чтобы доказать культурной элите (да и всем интересующимся этим вопросом) очевидную истину: «Почитание Творца мира» – религиозная аксиома во всех доступных ученому исследователю культурах. Но параллельно с этим достойным и праведным убеждением соседствуют близорукие мнения, наделяющие различными «божественными» свойствами различные аспекты сотворенной Богом Вселенной. И где-то они даже уводят мысль в противоположную от созерцания Творца сторону.

Образованнейший святой апостол Павел так поясняет эту ситуацию:

«Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили,

⁴ Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Общ. ред. А.Ф.Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегр. М.: «Мысль», 1993. С. 340–341.

но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь» (Рим. 1:19-25).

Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки

Итак, мир, сотворенный Богом (даже после грехопадения!), представляет собой постоянно находящуюся перед глазами человечества величественную икону Премудрости Творца. Разве слова благодарения так трудно произнести?

«Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклонятся на всяком месте владычества Твоего...» (молитва Евхаристического канона из Литургии святителя Иоанна Златоуста).

Сам Творец – Бог-Троица – саможестивен и открывается как «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир»

Сам Творец – Бог-Троица – саможестивен и открывается как «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9).

И человек устроен так по образу и подобию Божию, что способен адекватно воспринимать смыслы, заложенные в мир и в него самого, Творцом.

Вот как об этом пишет св. преп. Максим Исповедник (580–662): «Весь мир ограничивается своими логосами, а существа, обитающие в нем, определяются местом и временем. Мир обладает этими логосами в качестве образов умозрения, присущих ему по природе, которые делают возможным частичное постижение Премудрости Божией, пребывающей во всех тварях».⁵

Наша планета – это обитаемое людьми, ищущими смыслы, жизненное место. Бог создал этот мир (и человека в нем) как Храм, наполненный Высшей Премудростью. Да, ареалы жизни людей на Земле различны, также как и различны *точки зрения*, с которых обозревается та или иная местность.

Наша планета – это обитаемое людьми, ищущими смыслы, жизненное место. Бог создал этот мир (и человека в нем) как Храм, наполненный Высшей Премудростью. Да, ареалы жизни людей на Земле различны, также как и различны *точки зрения*, с которых обозревается та или иная местность.

⁵ Творения преподобного Максима Исповедника в 2-х книгах. Книга I: Богословские и аскетические трактаты. М.: Изд-во «Мартис», 1993. С. 227.

То, на что смотрят, не меняется по сути в зависимости от угла зрения

вании, сопричастности) чего-либо может только мировоззрение, но не сам мир.

Также и Бог, который «во веки Один и Тот же»⁶ не меняется по природе в зависимости от людского угла зрения на Его действия в мире.

Измениться при рассматривании (вглядывании, сопричастности) Божественных проявлений в мире и в жизни каждого конкретного человека или общества может только мировоззрение, но не сам Бог, ни Его действия.

Таким образом, постановка вопроса: «Бог – один, а религий – много...» настраивает нас самих на внятное и адекватное выстраивание реалистичного мировоззрения, в котором снимаются все мнимые противоречия между миром как иконой Творца в его творческих деяниях и тем образом Творца, который человек способен творчески раскрыть через данные ему символы, явленные смыслы и откровенные истины.

С другой стороны, эта фраза призывает нас быть весьма осторожными при сличении образа Бога, как Он Себя нам отрывает в мире, истории и в Своем Откровении⁷ с теми «идолами», которые навязываются нам баснями (мифами) человеческими, порожденными интеллектуальными спекуляциями, экстатическими фантазиями, inferнальной одержимостью и т. п. Как говорит святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, «не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4: 1).

Итак, дело не в самой Реальности, а в том, что нам мешает ее адекватно воспринимать.

Реальность существует, и поэтому она есть всегда. Познание же зависит от наведения, от поля зрения, от кругозора, от опыта восприятия. Ну, и конечно, от намерений. Можно увидеть цветок, наклониться к нему, полюбоваться и даже рассмотреть, можно его сорвать, разрезать и посмотреть, что у него внутри, можно его растоптать. И здесь познание связано с отношением, причем вполне личным, – ограничен-

Но то, на что смотрят, не меняется по сути в зависимости от угла зрения. Измениться при рассматривании (вглядывании, сопричастности)

Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире

⁶ Ср.: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8).

⁷ «Тайну цареву добро хранить, дела же Божии открывать славно» (Тов. 12:7).

ным, правда, одним немаловажным следствием – гибелью или жизнью познающего и (или) познаваемого. Реальность – это *алетейя* (непотоптенное). При этом можно констатировать: реальность всегда наличествует, познание же не всегда наличествует. Реальность (бытие) первично, познание (сознание) вторично. Вещи мира существуют до наших слов о мире, но после сотворения мира Божественным Словом. Бог Слово сотворил нас, даровал нам словесность, умер и воскрес за нас, и самым достойным Богопочитанием поэтому и является Литургия Воплотившегося Слова.

Но разграничение внешней (познаваемое) и внутренней (познающий) реальностей указывает и на некую третью реальность. Между внешним и внутренним есть связь, улавливание смысла. Иными словами, то, что заложено (как смысл) в одной реальности (познаваемом) сообщается другой реальности (познающему). Это ярче всего видно на самопознании, когда и познающий и познаваемое – одна реальность. Но при этом как познание внешней, так и внутренней реальности возможно при двух условиях – актуальной динамичности, дающей различие

Язык – это, прежде всего, гармонично воспринятое единство мироздания, выраженное гармонией звуков, указующих на явленные человеку смыслы

признаков, и смысловой статичности, дающей критерий для самого различия. Иными словами, источник смысла не может находиться ни в познаваемом, ни в познающем, как не может быть источником

смысла задачи сама задача или же решающий ее ученик.

Все вещи в мире, что попадают в поле внимания человека (в силу его деятельности на земле), получают от него имена, при чем происходит философское осознание гармонии и осмысленности мироздания, все доступные восприятию явления осознаются в своей взаимосвязи, как пространственной (существительные и предлоги), временной и действующей (глаголы и наречия), качественной – преходящей и непреходящей (прилагательные). Сами вещи указывают на наличие этих парадигм. Человек их воспринимает органами чувств и выражает понятое им доступным ему образом. Например, гора, существуя помимо воли и мысли о ней человека, несет в себе целую палитру, гамму смыслов. Тем не менее, можно определенно сказать, что гора указывает на реальность «высоты». Слова «высокий, выситься, высоко, высь, Всевышний» возникают непосредственно из осознания этой реальности. Таким образом, язык – это, прежде всего, гармонично воспринятое единство мироздания, выраженное гармонией звуков, указующих на явленные человеку смыслы.

Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь

Внешний мир, своей явленностью возбуждая в человеке определенные мысли о себе, отсылает его к некоей иной реальности

смыслов, Премудрости, стоящей тут же, виновнице этих самых смыслов, хранящихся в логосах вещей. Осознание этого приводит человека в возвышенное состояние, характеризующееся устремленностью к этой Премудрости, к этой непостижимой, таинственной, но в то же время чудно сказывающейся в мироздании Личности. Человек испытывает чувство близости Творца, на его лице играет нездешняя радость – ликование. Восторг от постижения новехонького трепещущего мира и внимающее предстояние Богу творятся в молчании, а выражаются в хвалебном пении – музыки и поэзии. «Всякое дыхание да хвалит Господа». И только по духовном осознании связанности внешнего и внутреннего мира и их отношения к Богу, Адаму дается задание нарекать имена живым существам, чтобы он мог глубже познать себя, сравнив их с собой (учитывая внешнее их преимущество в ловкости, силе, скорости, определить свою устремленность не к земле, а к небу, точнее к Богу, о Котором возрадовалось его сердце). «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь» (Пс. 18).

И здесь возникает вопрос о двойственности и многозначности слова, связанного с появлением в словесном жизненно-энергийном ядре онтологической *порчи*.

Первичное восприятие реальности мира и Бога, зафиксированное в реальности языка, выражающего целостность и подлинность мировоззрения, подверглось сомнению через этот самый язык. Ведь так просто. Есть слово, значит, есть и реальность, на которую оно указывает. Невозможно назвать то, чего нет. Смерти не было. Но Господь назвал ее неким словом. Смерть была не реальна, а возможна, потенциальна. Как некое состояние отсутствия жизни. В мире, полном жизни, такое представить было невыносимо. Реальность не подтверждала этого слова. Здесь знания о мире было недостаточно. Требовалась вера Божию слову. Именно свободная вера, а не знание от доказательств, представляемых органами восприятия (ни пять чувств, ни сердце, ни ум не могли их представить). Но для практического явления этой веры требовалось исполнение некоего действия. Как благословение и жизнь связывались с вкушением плодов от древа жизни, так и неведомая смерть связана была с запрещением вкушения от плодов древа познания. Познанием того, чего нет. Это было непонятно, это вызывало раздумья и любопытство. Неужели есть что-то, чего нет? Вместо того, чтобы помышлять о Том, Кто Есть, Ева, может быть, начинает размышлять

о том, чего нет, мечтать. Это желание, это стремление скоро оформилось словесно устами говорящего (!) змея. То, что логосность твари проявилась таким странным образом, Еву не поразило и не отрезвило. Она не обратила внимание на эту виртуальную реальность, на внутренний смысл обращенных к ней слов – ее не удивил парадоксальный вопрос, говорящий, что определенная до этого реальность может быть иной. Взаимосвязь реальности, смысла и слова подверглась опасности распастся. Отрицательный ответ на вопрос «А так ли оно есть, как оно есть?» нанес сокрушительный удар по всему мирозданию. Слово Божие было отвергнуто, слово человеческое утратило силу являть правду, возникли новые негативные чувства и желания в человеке, вызывающие мрачные представления и мысли. Неуверенность и неведение (вместо отвергнутых веры и доверия) бросили человечество в пучину рационализма, сенсуализма и мистицизма. В языке появилась путаница, смешение понятий и индивидуализм: «Как я считаю, так и есть». Отныне язык стал фиксировать воображаемую, виртуальную, абстрактную, идеальную и в то же время плоско материальную и конкретную *псевдо-реальность*, обволакивающую реальность живую и сотворенную. Смерть вошла в мир, и *неправда о Боге, мире и человеке выразилась в сотворении кумиров*.

Кумиры, идолы, фетиши и т. п. – это *симулякры* подлинной Реальности, их может быть весьма много, они могут быть очень популярны, они могут подменить собой Абсолютную реальность, но по своей онтологии они всегда будут виртуальной подделкой Абсолюта.

Вопрос «что есть истина?» подразумевает именно выяснение максимально естественной картины мира, то есть такой картины мира, которая учитывала бы все данные опыта, присущего человеческой природе и зафиксированного в человеческой истории, культуре и языке. Если рассматривать мир как целое, то будет очевидно, что в нем присутствуют одновременно и процессы жизни, и процессы смерти. Значит, нужно признать, что мир не просто есть (как *Космос* – абсолютное обожествленное одушевленное вечное «вселенское тело» эпохи Античности, в гармонии с которым следует жить человеку) или его нет (как *Хаос* – абсолютно бесформенная, бесконечно расплзающаяся *неживая материя* – вечное, но мертвое тело Вселенной в концепциях Нового времени, которое человеку нужно успеть одушевить абсолютным духом, пока сам человек-демиург не испустит дух), а что в нем *есть*, и в то же время *нет* жизни, то есть *жизнь мира не зависит от него самого, она не абсолютна, также как не абсолютна и смерть, а относительна*. Но если есть относительная жизнь и относительная смерть, значит, есть и абсолютная жизнь и абсолютная смерть. Но «есть» этих послед-

них это иное (трансцендентное) «есть». И это уже вопрос об абсолютной религии, дарующей Жизнь (и возрождающей и утверждающей в Богообщении) и относительных религиях, дающих иллюзию жизни, а, значит, и не побеждающих абсолютную смерть как абсолютный разрыв отношений с Источником и Подателем Жизни – Богом-Троицей.

Художественное приложение к статье

«Разговоры с последовательными атеистами»

Я ни разу не встречал последовательного атеиста... Возможно, таковых просто нет? Посмотрим...

Итак, разговоры с последовательными атеистами.

Разговор 1

- Позвольте уточнить, а почему Вы себя называете атеистом?
- Потому что я не верю в бога.
- А в какого именно бога Вы не верите?
- Никакого!
- То есть Вы хотите сказать, что Вы не знаете свойств реальности, называемой «богом»? – Не знаю!
- Тогда речь идет не о вере, а о знании, точнее о не-знании.
- Да, в самом деле, раз я могу говорить, только о том, что я не знаю бога, значит, я не атеист, а просто религиозный невежда или религиозный агностик, но вовсе не атеист!

Разговор 2

- Позвольте уточнить, а почему Вы себя называете атеистом?
- Потому что слово «бог» придумано людьми!
- То есть Вы хотите, чтобы было не только понятие, но и сама реальность?
- Было бы неплохо ее обнаружить, чтобы убедиться в том, что слово «бог» может и не быть нулевым понятием!
- Ну, тогда Вы религиозный искатель, не так ли?
- Да, Вы правы! Похоже, что я не атеист!

Разговор 3

- Позвольте уточнить, а почему Вы себя называете атеистом?
- Потому что я не верю, что бог проявляет свою волю!

- Но ведь есть же пророчества и их исполнение?
- Это все было в прошлом!
- Тогда давайте проэкспериментируем в настоящем! Вы хотите получить личное пророчество, личный опыт общения с Богом?
- Поскольку я честный ученый, вероятно, я должен согласиться на проверку опытом! Что я должен делать?
- Начать религиозную жизнь...
- Согласен... Ну, значит, я уже не буду атеистом!
- Скорее всего, да...

Философская поэзия

Непотопленная Открытость

О, Господи, какое счастье
на косных наших языках
являть возможность со-участья
в неизглаголаных делах!

Со властью, силой и любовью –
чрез тех, кто к Логосу приник –
Дух Божий просвещает в слове –
испить Себя даёт Родник!

К Источнику Воды Живой
тот в подлинности припадает,
кто подлинно испить желает...
Свободен тот, кто Богу свой...

О человеческом величии

Велик в деяньях человек! –
то здесь, то там своею властью
он мнит преодолеть напасти
и плавный дать прогрессу бег!

Планета целая – владенье
для всех потребностей его.
Свет ждет его произвольенья
как приговора своего!

И, соблазняя братьев раем,
сей Тувал-Каин строит ад. –
Он мира скрепы разрушает,
ковач искусственных преград.

Но вор поймет ли в своем хамстве,
 что не по воле червяка
 Творенья движется река, –
 вразрез безумному коварству.

Взгляни на мир...

Взгляни на мир, до боли нам привычный, –
 в нем открывается всех любящая Личность.
 Всё созданное Ею – единично,
 и нет в природе суеты фабричной.

Но человек надменною рукою
 круг очертил и стал творить фигуры.
 Все формы наполнял он пустотою,
 сводя гармонию к безликой партитуре.

Писались книги с трепетной заботой,
 и буквы были в них неповторимы.
 Но вот печатник дал станку работу,
 и понеслись слова слепой лавиной.

Своим безумьем гений не смутился.–
 Стремясь напасть на след деяний Бога,
 он создает фантомы и подлоги,
 забыв о том, что падают кулисы.

Все созданное нами – утопично,
 пока мы мним, что правим самолично. –
 Лишь руки распластав крестом по-птичьи,
 возлюбим мир, до боли нам привычный.

Проза и стихи автора статьи

Lex credendi est lex orandi – закон веры есть закон молитвы Эпоха Вселенских Соборов

О том, что мы не чужие, а родные Богу, преподобный Макарий Египетский написал удивительные слова: «Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом, и у Бога с душою» (Беседа 45.5). И в этом запредельная высота христианского призвания.

Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом, и у Бога с душою

И ответить на любовь Бога, «даже до Креста и погребения снисшедшего» к нам, мы можем только любовью. Учиться любить Бога «всем сердцем, всею душою, всеми силами и всем разумением» означает еще знать о предмете любви. Наличие «разумения» о Боге подтверждает то, что мы ищем Его в своей жизни. И до того момента, когда последователей Христа стали именовать христианами (было это в сирийской Антиохии), их называли учениками. И путь христианской учебы, путь познания Божественного Откровения, путь молитвы и покаяния – это вся наша жизнь. И «потому что искомое, – по слову святителя Григория Нисского, – выше всякого познания» (жизнь Моисея Боговидца. Гл. 33), и потому, что Бог – не предмет науки, а наш Творец и Спаситель, «мы Им живем, и движемся и существуем» (Деян. 1:28).

В духовной жизни нет мелочей, в ней сосредоточены все душевные, интеллектуальные и даже физические силы человека. И путь к Богу – это молитва, это аскетический труд, и это богословие. В IV веке ученик великих капподокийцев, авва Евагрий написал: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты богослов» (Слово о молитве. 61). Именно из знания о величии Бога и Его святости проистекает наше славословие и смиренное представление о самих себе, именно молитвенная обращенность к Богу делает так, что вероучительные формулы – догматы, становятся не отвлеченными определениями, но частью нашей духовной

Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты богослов

Узнавая о Боге, мы познаем и самих себя, открываем подлинный смысл нашей жизни

жизни. Неслучайно поэтому, что Никео-Цареградский Символ веры, молитвой не являющийся, тем не менее, входит и в утреннее молитвенное правило и в по-

следование самой главной службы Церкви: Божественной литургии.

И конечно, знать учение Церкви, ее богословие, догматы, в которых очерчены границы православного – правильного ведения Бога, необходимо не только потому что в них отразилась история нашей Церкви, а прежде всего потому, что они открывают для нас правое мнение о Том, Кто находится в центре всей жизни Церкви и в центре всего мироздания – о Христе Спасителе. Узнавая о Боге, мы познаем и самих себя, открываем подлинный смысл нашей жизни, то, ради чего, мы пришли в этот мир и ради чего его покинем. Ведь наш Бог стал человеком, и Тот, Кто, по слову отцов I Вселенского собора, является «единосущным» Отцу по Божеству, согласно с вероопределением III Вселенского собора «единосущен» и нам, по Своей человеческой природе.

В основе всех богословских споров, которые волновали и сотрясали византийское общество и в итоге приводили к созыву Вселенских соборов, лежал не просто конфликт различных взглядов на Личность Христа, исторические особенности древних богословских школ или несогласованности терминологии – это был вопрос спасения. Ведь освобождение человека от рабства греха и вечной гибели возможно только тогда, когда Иисус Христос – Бог и Человек. Если бы Он не был Богом, то не смог бы победить смерть Воскресением, но если бы при этом не был и Человеком, то между Ним и нами не было бы ничего общего, и следовательно не было бы реального общения со Христом в Церкви и ее Таинствах. Поэтому в преддверии IV Вселенского собора папа Лев Великий писал: «Не полезно для спасения и одинаково опасно – признавать во Христе Иисусе или только Бога без Человека, или только Человека без Бога» (Послание к Флавиану, архиепископу Константинопольскому).

Господь Иисус Христос, по слову Писания, не только краеугольный камень мироздания, но также «камень преткновения и камень соблазна» (Рим.9:31). И вся проблематика эпохи Вселенских соборов вращается вокруг Личности Христа Спасителя, сначала как споры о Его Божестве, а затем о Его человеческой природе – вопросы христологии – как сосуществуют в Единой Личности Христа две природы. «В христологических спорах, – по слову протоиерея Георгия Флоровского, – в действитель-

В христологических спорах в действительности обсуждалась и решалась антропологическая проблема.

ности обсуждалась и решалась антропологическая проблема. Ибо спор шел о человечестве Спасителя, о смысле восприятия Единородным Сыном и Словом человеческого естества. И тем самым, – о смысле и пределе человеческого подвига и жизни. Может быть, именно поэтому христологические споры получили такую исключительную остроту, и затянулись на три столетия» (Византийские отцы V–VIII веков).

Церковь выразила свое знание о Спасителе – Истинном Боге и подлинном человеке в знаменитом оросе IV Вселенского собора, согласно с которым Бог и человек пребывают и познаются в Личности Господа Иисуса Христа «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

Эти четыре слова сохраняют полную антиномию для разума тайны Личности Спасителя как Бога и человека, и в тоже время ограждают от двух полярных взглядов на Господа породивших две самые грубые христологические ереси: несторианство, разделяющее Христа на отдельно Бога и человека, и монофизитство, утверждавшее полное растворение человеческой природы в Божественной. Вероопределение Халкидонского собора – это еще и ответ на наше вопрошание о Богочеловеческой при-

Таким образом, догмат о Богочеловечестве Спасителя, это не отвлеченный богословский вопрос, а то, что должно помочь нам приходить к Богу и осознавать наше с Ним единство

роде Церкви, о пребывании Бога в Таинствах и о нашем с Ним соединении – нашем спасении. Таким образом, догмат о Богочеловечестве Спасителя, это не отвлеченный богословский вопрос, а то, что должно помочь

нам приходить к Богу и осознавать наше с Ним единство.

Также и учение VI Вселенского собора, утвердившее наличие человеческой воли у Христа Спасителя, и то, что эта «Его воля следует, а не противоречит, или противоборствует, скорее же и подчиняется Его божественной и всемогущей воле», говорит и о нас. О нашей воле, о необходимости нашего следования за волей божественной, как научил нас Господь, и о чем мы призваны просить Отца Небесного: «Да будет воля Твоя...»

Одним словом, как гласит древняя христианская поговорка: «закон веры – есть закон молитвы». Богословие должно быть неотделимо от практики христианской жизни. И наверное лучше всего это иллюстрирует догмат иконопочитания в соответствии с которым «честь воздаваемая образу восходит к Первообразу и поклоняющийся иконе покланяется Ипостаси изображенного на ней». Восстановление иконопочитания, которое потребовало молитвенного, бо-

Честь воздаваемая образу восходит к Первообразу и поклоняющийся иконе покланяется Ипостаси изображенного на ней

гословского и мученического подвига, тогда в IX веке назвали «воскресением Православия», теперь это праздник Торжества православия, отмечаемый в первый воскресный день Великого поста. И сегодня, спустя века после VII Вселенского собора икона является неотъемлемой составляющей нашей домашней молитвы и храмового богослужения.

Все богословие есть осмысление и раскрытие Евангельской истины. Причем богословие формируется в истории и следовательно связано с условиями (культурными, языковыми) в которых проходило его становление. И в то же время результат богословия не плод труда одного лишь человека, его разума и опыта. Это продолжение действия Бога в мире – это сотрудничество с Богом. «Изволилось Святому Духу и нам» (Деян. 15:28), – так писали участники апостольского собора в Иерусалиме в середине I века и этими же словами начинали свои вероопределения участники Вселенских соборов. Автор древнего памятника христианской письменности (послания к Диогнету) свидетельствовал о христианах: «Их учение не есть плод мысли или изобретение людей ищущих новизны, они не привержены к какому либо учению человеческому как другие».

Результат богословия не плод труда одного лишь человека, его разума и опыта. Это продолжение действия Бога в мире – это сотрудничество с Богом

ны к какому либо учению человеческому как другие».

И даже вся сложная богословская полемика между святителем Григорием Паламой и Варлаамом, проходившая в XIV веке, сводилась к самому

главному и насущному вопросу духовной жизни – богообщению. Согласно святителю, общение между Богом и человеком возможно потому, что существует ипостасное единство человеческой и божественной природ в Господе Иисусе Христе. Бог остается непреступным, но Его божественная сила сообщается человеку и может восприниматься нами. Троичный Бог обладает одной природой, а следовательно общими энергиями. Поэтому в каждом Божественном действии участвуют все Три Лица – Единый Бог. И раз Христос обладает Божественной природой, то значит для нас Он источник нетварных божественных энергий. И приобщаясь Христу – Его человечеству, мы причащаемся Его божественной энергии, сопричастной Его человеческой природе. И значит в одно и то же время Бог остается непреступным, неопишымым, непознаваемым, и в то же время Он открывается в даре Своей любви – Благодати, так что мы в Нем, а Он в нас может пребывать. И в этом наше высшее призвание – стать «причастниками Божеского естества» (2 Петр. 1:14).

И если совершенное видение Бога в полноте откроется лишь в жизни будущего века, то начинается оно уже здесь и сейчас. И потому со-

вершенно естественно, что вопросы вероучения были настолько важны для древних христиан, что их разрешению они посвящали не только время, но иногда и свои жизни. Святитель Григорий Нисский иронично описывал ситуацию, когда «все полно людьми, рассуждающими о непостижимом. Спросишь: сколько оболгов надо заплатить, – философствует о рожденном и нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб – отвечают: Отец больше Сына. Спрашиваешь: готова ли баня? Говорят: Сын произошел из ничего».

Учение о Троичном Боге и Богочеловечестве Христа актуально и сегодня, и чтобы его воспринять, чтобы чеканные формулы догматических формулировок стали частью нашей молитвенной жизни, требуется усилие. Но ведь разве можно быть христианином и не знать о Христе?

Чтобы чеканные формулы догматических формулировок стали частью нашей молитвенной жизни, требуется усилие

Наверное люди просто измелъчали духовно, если курс валют и подробности жизни телезвезд сегодня интересуют их более нежели знание о Боге.

А вот византийцев волновало то, что приводит к Богу или отдаляет от него, то самое главное в жизни, то что Господь назвал «единым на потребу». Это и сегодня самый насущный вопрос бытия, просто человек забывает, что ничего не возьмет с собой из этого мира, ни автомобиль, ни айфон – ничего кроме собственной души, которая должна еще здесь, в нашем мире, встретить Бога и войти в Его любовь. И Господь открывается нам в Священном Писании, прежде всего в Евангелии, и мы познаем Бога в молитве и, наконец, мы узнаем Его в учении Церкви.

Учение о Боге, выраженное в эпоху Вселенских соборов, есть ничто иное как осмысление, сохранение и незамутненное выражение Евангельской истины о Боге, ставшем человеком и пришедшем к нам. И если Пресвятая Богородица Мария дала Свою пречистую плоть, чтобы Слово стало человеком, то трудами святых отцов Благовестие Христа обрело выражение в богословии и стало православным – правым мнением о Боге и Его прославлением.

В одно и тоже время Бог остается неприступным, неопишваемым, непознаваемым, и в то же время Он открывается в даре Своей любви – Благодати, так что мы в Нем, а Он в нас может пребывать

Учение о Боге, выраженное в эпоху Вселенских соборов, есть ничто иное как осмысление, сохранение и незамутненное выражение Евангельской истины о Боге

Д. А. Бобров

Возможно ли жить по заповедям в современном мире?

А реально ли жить без заповедей, находясь в современном мире, где все вокруг построено на законах купли-продажи, и где люди, в большинстве своем, руководствуются лишь инстинктом самосохранения. Я делаю акцент на слове жить, так как не уверен, что люди, о которых идет речь, живут именно в том смысле, в котором должен жить человек.

Нам не придется далеко ходить за примерами. Гордецов встречали все и все понимали, насколько они ужасны в своем поведении: с ними

Гордость ненавистна и Господу и людям и преступна против обоих

сложно, и порой легче убеждать от такого человека, чем иметь с ним что-либо общее. «Гордость ненавистна и Господу и людям и преступна против обоих»

(Сир. 10:7). Вряд ли кто-то хотел бы оказаться на месте гордеца, но мы все, в своей мере, страдаем этим или каким-либо другим пороком. Эти недостатки, как раны на теле, которые, если не лечить, начинают гнить и своим зловонием отстраняют от нас окружающих, делая нас невосприимчивыми к пониманию действительности: мы начинаем судить по меркам собственного состояния, тем самым отталкиваем от себя искренних, добрых и любящих людей, подозревая их в неискренности, наигранности, лукавстве и лицемерии, «А у кого сердце в страстях, пред тем никто не свят, но по страстям, кои в сердце его, думает он, что и всякий человек таков же» (прп. авва Исаия).

Бог пришел в мир не по причине любопытства, но мы нуждались в Нем, наша жизнь совсем перестала походить на то произведение искусства, которое Он вложил в нас при сотворении. И как скульптор бесполезен без тех многочисленных инструментов, которые необходимы для создания идеальных форм, так

У кого сердце в страстях, пред тем никто не свят, но по страстям, кои в сердце его, думает он, что и всякий человек таков же

и человеческая жизнь будет похожа на неотесанный камень, если будет пытаться обходиться без заповедей, предназначенных для преобразования нашей жизни. Придя к нам, став человеком, Христос явил нам Собой тот идеал, к которому каждый из нас должен стремиться. Он дал нам и инструменты – его заповеди, которые служат для нас лестницей добродетели, ведущей ко Христу, в Его обитель. «Бог никогда никого не приводит к Себе понуждением и насилием. Он хочет, чтобы спаслись все, но никого не неволит» (свт. Иоанн Златоуст).

Бог никогда никого не приводит к Себе понуждением и насилием. Он хочет, чтобы спаслись все, но никого не неволит

Сложно ли соблюдать заповеди? Св. Феодор Едесский пишет: «Никто из нас собственными силами не может избежать обходов и козней лукавого; но – только непобедимую силою Христовою. Потому опасно заблуждаться, мечтая силою воли своею упразднить грех, упраздняемый одною благодатию Божией. И опять никакой не будет пользы от помощи свыше, если не будет собственного усилия». Размышляя над словами святого, мы понимаем, что, в первую очередь, нам необходимо

Возлюбить – вот что есть сердцевина каждой заповеди

признать нашу немощь и слабость, и то, что нам не хватит собственных сил для изменения себя. «Не надейся на крепость свою, и помощь Божия будет всегда содействовать тебе» (прп. авва Исаия).

Вверяя себя Богу, нам необходимо прилагать собственные усилия, которые есть соблюдение заповедей, а вот какие они? Вспомним отрывок из Евангелия, где фарисеи, искушая Христа, задают ему вопрос о самой большей заповеди в законе. Его слова и теперь, спустя уже два тысячелетия, обращены к нам: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:35–46). Возлюбить – вот что есть сердцевина каждой заповеди. Преподобный Ефрем Сирийский пишет: «Если не возлюбишь ближнего, то не узнаешь, как любить самого себя». Значит, любовь это то, без чего любая наша добродетель будет лишь как гнилая ступень на лестнице, ведущей ко Христу. Визуально она не будет отличаться от остальных, но внутри будет готова обломиться при первой нагрузке.

Вверяя себя Богу, нам необходимо прилагать собственные усилия, которые есть соблюдение заповедей, а вот какие они? Вспомним отрывок из Евангелия, где фарисеи, искушая Христа, задают ему вопрос о самой большей заповеди в законе. Его слова и теперь, спустя уже два тысячелетия, обращены к нам: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:35–46). Возлюбить – вот что есть сердцевина каждой заповеди. Преподобный Ефрем Сирийский пишет: «Если не возлюбишь ближнего, то не узнаешь, как любить самого себя». Значит, любовь это то, без чего любая наша добродетель будет лишь как гнилая ступень на лестнице, ведущей ко Христу. Визуально она не будет отличаться от остальных, но внутри будет готова обломиться при первой нагрузке.

«Царствие Божие есть истребление всякого греха» (прп.

Царствие Божие внутри вас есть

Царство Небесное силою берется

авва Исаия), «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21). Наша задача взрастить в

себе это Царство – царство Христа. Но что же нас останавливает? Почему мы, имея желание стать лучше, соединиться с Абсолютом, сию же секунду не откидываем все лишнее и не начинаем действовать? Мы пытаемся, скажете вы. Но тогда непонятно, зачем задаваться вопросом, ответ на который и так вам ясен?

Современный мир диктует свои тенденции, как и любая другая эпоха. «Нет ничего нового под солнцем», – сказал мудрец, и этой фразой разбил все наши попытки оправдать временными рамками наше несоблюдение заповедей. Признание этого является положительным моментом, так как нам необходимо осознать свое положение, чтобы двигаться дальше, это напоминает болезнь, для излечения которой, больному необходимо признать ее в себе, или же заниматься самообманом и дожидаться летального исхода. В связи с этим, давайте задумаемся, как часто мы обманываем самих себя и как часто нам легче искать оправдания своему бездействию, нежели тратить усилие на действие? «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11:12). Эта сила есть в каждом человеке, и как мы говорили ранее, даётся она лишь Христом. Как физическая сила требует упорства, старания и тренировки, так и духовная жизнь приобретает с практикой. Осознанность нашей веры заключается не в здравых рассуждениях о Боге и его творении, не в громких словах «Я православный!» и годового посещения храма, но в постоянстве общения со Христом, стремлении жить в Его Церкви, среди единомышленников.

«Если посвящаем себя чистоте жизни, Бог вспомоществует нам в очищении себя от страстей, усовершенствовав нашу старательность и ревность о добре» (свт. Василий Великий).

Если посвящаем себя чистоте жизни, Бог вспомоществует нам в очищении себя от страстей, усовершенствовав нашу старательность и ревность о добре

Зачем читать придуманнные молитвы

Случилось, что когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: «Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих». Он сказал им: «Когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».

Евангелие от Луки: глава 11, стихи 1–4

Этот Евангельский отрывок рассказывает нам о том, как появляется самая известная молитва христианского мира. Она не стала плодом длительных философских размышлений или мгновенного творческого порыва. Она просто была дана. Как в детстве, перед тем как идти в школу, мама приносит нам утром завтрак, и мы не спрашиваем, как она его приготовила и можно ли его вообще есть. Он просто оказывается перед нами и мы едим, потому что знаем, что он дан мамой, которая нас любит и не предложит дурного. Конечно, мы можем начать капризничать, говоря, что не хотим есть на завтрак кашу или мюсли – нам подавай вкусных сосисок или чего-то подобного. Но мама найдет способ нас урезонить в этих желаниях. Мы, конечно, не согласимся, но в итоге сделаем так, как скажет она, и будем ей потом за это благодарны.

Господи! научи нас молиться

Этот простой пример иллюстрирует одну универсальную модель поведения, которая не покидает человека с течением времени. Получая из внешнего источника нечто, называемое объективно полезным для нас, мы способны подвергнуть эту «полезность» сомнению. Однако, в случае с мамой и завтраком мы все же в какой-то степени отдаем себе отчет в том, что мы дети, и мама знает что-то лучше, нежели мы.

Эту мысль можно развить на примере школы. Учитель физики говорит: «Итак, записывайте: законы Ньютона», – и далее начинаются объяснения. Что важно в этот момент? Ученик, который может быть впервые сейчас услышал имя этого ученого, наделяет это имя авторитетом, чтобы

Ученик совершает гносеологический акт веры

принять его умозаключения на веру. Более того, он наделяет авторитетом своего учителя, и это дает тому право излагать умозаключения Ньютона, не

будучи заподозренным в фальсификации или злом умысле. Ученик совершает гносеологический акт веры.

Может быть, спустя годы и после высшего технического образования, ученик сможет понять, каким образом из опытных наблюдений выводятся эти уравнения, но будем откровенны, теперь он уже вряд ли будет возвращаться к ним, чтобы проверить. Они так навсегда и останутся принятыми на веру.

Для дальнейших рассуждений предлагаю обратиться к аристотелевскому понятию потенции и применить его к нашему примеру. Возможность приобретения знания (в нашем случае знания законов Ньютона) неразрывно связана с отсутствием знания: если у ученика нет нехватки знания об этих законах, то он не может приобрести его, ведь если ему его хватает – он его уже имеет.

Возможность приобретения знания неразрывно связана с отсутствием знания

Таким образом мы получаем довольно простую схему: ученик должен отдавать себе отчет, что в данный конкретный момент времени он не обладает знанием, но обладает потенцией к его получению. Тогда он наделяет авторитетом того, кто уже обладает этим знанием и для его получения совершает гносеологический акт веры.

Но вот что мы наблюдаем с течением времени. Наш ученик становится старше и по мере взросления все меньше признает за собой недостаток знания. Значит он начинает отрицать в себе саму потенцию его приобретения, что неумолимо приводит к потере возможности наделять авторитетом подлинного обладателя знания и совершить гносеологический акт веры с целью его обретения. Тогда он и начинает без разбора подвергать сомнению «полезность» всего приходящего извне.

Именно так и обстоит дело, когда мы слышим вопрос: «Зачем молиться написанными молитвами, если я прекрасно могу это сделать своими словами?» Этот вопрос вовсе не о праве выбора. Он о том, что человек, утверждая, что хочет пойти дорогой богопознания, не признает за собой недостатка знания. А значит, на этом пути он не готов наделять авторитетом ни священников, ни святых, ни Церковь, ни Бога. Уже изначально он ставит под сомнение «полезность» всего, что может здесь получить. Тогда лучше не произносить слов «да будет воля Твоя», ведь такой человек по-настоящему не считает, что должен дать Божественной воле место в своей жизни.

Опыт богопознания, продолжающийся от самого сотворения человека, говорит нам, что без доверия Богу этот путь приведет лишь к разрушению нашей личности. Преподобный Андрей Критский в своем Великом покаянном каноне неустанно перечисляет примеры такого самовольного и в итоге губительного стремления к обретению того, что нам обещано в перспективе, но к чему мы уже сейчас так страстно протягиваем свои руки. Желание по-хитрому срезать угол, найти короткую тропу, на которой не требуется усилий, но достаточно употребить какой-то механический алгоритм – вот отчего мы никак не хотим прислушаться к разумному голосу векового опыта Церкви и довериться ее словам.

Ибо без трудов ни душа, ни деятельность, ни созерцание не будут совершенствоваться

В упомянутом Великом каноне есть тропарь, в котором вспоминается ветхозаветный патриарх Иаков и две его жены: Лия и Рахиль. Творец канона уникальным образом толкует эту библейскую историю. Под многочадной, но нелюбимой Лией он призывает увидеть образ деятельности. Под возлюбленной Рахилью, которую Иаков получил лишь после Лии и спустя еще семь лет работы на своего тестя, он призывает понимать созерцание. Заканчивается тропарь такими словами: «Ибо без трудов ни душа, ни деятельность, ни созерцание не будут совершенствоваться».

Толкуя этот отрывок в одной из великопостных проповедей, архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков) говорит следующие слова: «Лия – символ деятельной жизни. Рахиль – символ созерцательной жизни. Прежде, чем родить плоды созерцания, нужно много поработать и получить плоды деятельности. Это плоды послушания, смирения, повседневной борьбы, поста, молитвы, в которой ты пока еще не видишь Бога. Только после рождения таких «чад» деятельной духовной жизни, Бог даст дар жизни созерцательной».

Почему вдруг зашла речь о деятельности и созерцании? Но ведь как в целом на пути духовного возрастания, деятельность неизменно предшествует созерцанию, и просто не существует обходного пути, так и в одной из составляющих духовной жизни – молитве – не получится миновать то, с чего в ней все начинается – молитву словами других людей.

Мы все понимаем, что начинающему художнику сначала предстоит освоить азы, затем долгое время копировать мастеров и лишь после этого начать создавать свой уникальный стиль, в котором все равно будет прочитываться влияние предшественников. Мы признаем, что таков путь художественного творчества, но упорно отказываем в таком пути творчеству молитвенному.

Нужен ли мне посредник-священник, если я могу говорить с Богом напрямую?

Данный вопрос можно услышать не только из уст людей, которые, пусть и допускают бытие Божие, но отвергают идею Церкви. Также что-то подобное звучит, когда говорят: «Зачем мне нужна Церковь, если Бог у меня в душе?» Однако, вопрос о роли священников вполне логичен, когда мы вообще пытаемся понять

– что такое Христианство. Православная вера должна быть осознанной, иначе она может быстро и незаметно превратиться в фанатизм и идолопоклонство. Теме «священство» посвятили свои исследования многие христианские богословы. Мы предложили слушателям Епархиальных курсов – будущим катехизаторам ответить на этот вопрос. Мы же попробуем разобраться – каким образом сочетается таинство священства в Православной Церкви и возможность непосредственного общения человека с Богом? Тем более, что катехизаторам предстоит не раз отвечать на подобные и многие другие непростые вопросы.

Но сначала выделим одну проблему, которая нередко возникает в сознании человека, стремящегося вникнуть в богословские тайны. На этом пути может возникнуть соблазн подгонки христианского богословия под уже сформировавшееся собственное мировоззрение. Это, разумеется, гораздо проще, чем изменять себя, свои привычки, в том числе на умственном и особенно на духовном уровне. Не следует упрощать Христианство, пытаясь найти некую формулу, в которую его можно заключить. Христианство настолько глубоко, таинственно и запредельно, что никаким гностикам не удастся най-

ти универсальный ключ к открытию всех его тайн. Тем не менее, Христианство очень близко к нам. И единственный способ хотя бы приблизиться к осознанию этого явления – войти вовнутрь его,

Я знаю лишь то, что ничего не знаю» и Заповеди блаженств: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»

впитывать в себя всё то, что Церковь Христова рада подарить ищущим Христа. Именно тогда и начинают открываться все тайны Христианства. Будем же на этом пути исповедовать, в первую очередь, сократовский принцип «Я знаю лишь то, что ничего не знаю» и Заповеди блаженств: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»¹.

Итак, зачем мне нужен посредник-священник, если я могу говорить с Богом напрямую? Начнем с самых простых логических умопостроений. Да, действительно – зачем? Как бы было всё просто и ясно – захотел пообщаться с Богом – помолился. Захотел снова пообщаться – снова помолился. И больше ничего. Хорошо, если молитва будет представлять собой действительно общение, а не просто список прошений или некое магическое заклинание, как это, увы, не так уж и редко бывает. Но и общение в нашем понимании тоже может быть разным. Одно дело, когда общение с моей стороны выглядит, как сплошной монолог без попытки услышать ответ. Тогда это – скорее психологический акт, когда мне становится легко от того, что я вывалил на собеседника ворох своих эмоций, «поговорил» с Богом. Либо это – тот же магизм, когда я уговариваю Бога сделать то, что мне нужно. Другое дело, если общение всё же подразумевает какой-то ответ. В данном случае – ответ не просто собеседника, но Самого Бога! Бог, отвечая человеку на самый важный вопрос: «Где Ты? Как Тебя найти?», устроил Свою Церковь. И устроил ее чудным образом, давая возможность не только общаться с Собой напрямую, но и совершать множество других действий, которые также необходимы человеку, стремящемуся к Богу. Иными словами, общение с Богом – не только молитва, но скорее вся жизнь в Церкви во всей своей полноте, где священники играют важнейшую роль. Даже в обычной жизни наше общение друг с другом носит не только вербальный, непосредственный характер. Мы можем молча смотреть на любимого человека, восхищаясь им. Мы заботимся

¹ Мф. 5:3, 6.

И как некоторый маяк на этом нелегком пути, всегда показывающий правильный ориентир, Бог Сам благословил нашему земному миру иметь священство

друг о друге. Мы, наконец, живем друг для друга. И это есть жизнь во всей ее многогранности, где каждое явление занимает свое место. Если мы попробуем оставить в ней только общение, пусть даже очень близкое и

доверительное, а после такого общения мы даже не будем замечать того, с кем мы общались, картина будет весьма безрадостной. Так что даже обычная логика приводит нас к выводу: если вопрос «Зачем мне нужен посредник-священник, если я могу говорить с Богом напрямую?» человек превратил в жизненный принцип, то либо он не хочет реально, по-настоящему общаться с Богом, либо не хочет слышать и видеть ответ Бога. Что, в общем-то, – одно и то же.

Человек не только может, но и должен сам общаться с Богом, никакие посредники и переводчики ему здесь не нужны. Такова воля нашего Божественного Отца о каждом из нас – достичь совершенного духовного возраста, самостоятельности и ответственности в духовной жизни. В конечном счете, именно для этого нам и дана земная жизнь – пройти путь самосовершенствования и подготовиться к вечному общению с Абсолютным Благом. Бог хочет видеть в нас интересных собеседников, духовно взрослых и самостоятельных, глубиной и широтой своего внутреннего мира являющих образ и подобие Самого Творца. Но чтобы стать таковыми, нужно пройти определенный путь. И как некоторый маяк на этом нелегком пути, всегда показывающий правильный ориентир, Бог Сам благословил нашему земному миру иметь священство.

Но такова уж отличительная особенность нашего века, что мы все спешим упростить, свести к элементарному, совершить профанацию священного, поскольку для действительно глубоких и серьезных вещей у нас уже не осталось ни сил, ни времени, ни способностей души. Поэтому и раздаются ныне возгласы, что для общения с Богом священники не нужны, что для духовной жизни не нужно посещать церкви и так далее. Подобные люди мне представляются столь же наивными, как и те, кто покупают учебник «Английский за две недели» или «Немецкий для домохозяек», полагая, что через месяц уже начнут читать Шекспира и Гете в оригинале².

Вот, что пишет на эту тему слушатель Епархиальных курсов Андрей Николаевич Удалов. В среде наших несведущих современников

² Епископ Гатчинский Амвросий о Таинстве священства и священническом служении. URL:<http://www.patriarchia.ru/db/text/2621078.html>.

бытует мнение, что присутствие священнослужителей в религиозной жизни верующих лишено всякой целесообразности. Мол, человек сам способен молиться Богу без участия какого-либо «посредника», роль которого «берет на себя» священник. «Это моя жизнь и мои взаимоотношения с Богом, – говорит такой человек. – Зачем мне посредник?» Это суждение достаточно поверхностно.

Попробуем разобраться в этом вопросе. Для начала, давайте, рассмотрим несколько жизненных ситуаций, которые возникали практически у любого современного человека, независимо от того, живет ли он в большом мегаполисе или в небольшом населённом пункте. К примеру, мы собираемся куда-либо съездить, пункт назначения нам известен, там мы ни разу еще не были, но многое слышали об этом месте и читали, и вот возникло желание туда съездить. Сразу возникает вопрос: по какой дороге нам туда проехать? Мы пытаемся посмотреть дорогу в интернете по картам, набираем пункт назначения в навигаторе, но это все какая-то суховатая информация, неполная. И тут мы находим человека, который имеет опыт путешествия туда,

куда мы хотим проехать, и не просто опыт, а он практически профи в этом вопросе. И он во всех подробностях нам рассказывает о пути, где какие опасности, куда лучше не заезжать, где лучше остановиться, где объехать ямы и т. д. Другой вариант. Мы решили научиться играть, к примеру, на гитаре. Есть множество самоучителей, однако мы для более качественного решения этой проблемы опять ищем специалиста в этой области. Так и в других жизненных ситуациях мы ищем опытного врача, учителя, сантехника, строителя и так далее. То есть, когда мы хотим получить качественный результат решения той или иной проблемы, мы стараемся найти специалиста в той или иной области, да еще проверить его или собрать отзывы о нем. Но почему-то думаем, что путь к Богу мы сможем пройти без посредников и на этом пути мы не уйдём куда-либо в сторону и не попадём в болото. Даже просто для прогулки по лесу мы стараемся взять опытного проводника, чтобы не погрязнуть в трясине или не заблудиться...

Теперь постараемся дать развернутый анализ нашей темы. В первую очередь нужно отметить, что в определенном смысле каждый человек призван быть священником. В раю человек был священником в самом полном смысле слова. Человек, созданный по образу и подобию Божию, призван освятить весь окружающий мир. И только через человека может происходить это освящение. «Христос <...>

Теперь постараемся дать развернутый анализ нашей темы. В первую очередь нужно отметить, что в определенном смысле каждый человек призван быть священником. В раю человек был священником в самом полном смысле слова. Человек, созданный по образу и подобию Божию, призван освятить весь окружающий мир. И только через человека может происходить это освящение. «Христос <...>

Только человек, которому Бог вручил этот мир с благословением привести его к состоянию совершенства, может и должен освятить его, освящая каждое мгновение своей жизни

являет то, чего Бог ждет от творения – полноту человечности, «человека максимального», по выражению Николая Кузанского. Он исполняет то призвание человека, которому изменил Адам: жить только Богом и Богом питать вселенную»³. С первых мгновений своего существования тварный мир нуждался в человеке: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли»⁴. И, образно говоря, даже Сам Святой Дух только касался первозданной материи, но никак не пронизывал ее насквозь: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»⁵. Здесь вместо глагола «носился» в оригинальном еврейском тексте стоит редко употребляемый глагол «эфод», означающий полет птицы над гнездом, где сидят только что вылупившиеся ее птенцы – новая жизнь. Только человек, которому Бог вручил этот мир с благословением привести его к состоянию совершенства, может и должен освятить его, освящая каждое мгновение своей жизни. Причем, это относится не только к мужчине, но и к женщине. Удивительное свойство андрогинности подчеркивает не столько наличие в каждом человеке как мужского, так и женского начала, сколько целостность, полноту бытия. (Из данного утверждения, однако, автоматически не следует, что женщина может стать священником в сакраментальном смысле, то есть быть причастником церковного таинства священства. Однако, это – совершенно другая тема, которой мы здесь не будем касаться). Но после грехопадения человек перестал быть священником в широком смысле. И, тем не менее, Церковь не только ведет человека в Царствие Небесное, но и максимально приближает его к состоянию первозданного бытия, в котором каждый христианин по-своему освящает собой окружающий мир: «...вы – род из-

³ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1990. С. 285.

⁴ Быт. 2:4–5.

⁵ Быт. 1:1–2.

бранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»⁶. Интересно, что еще за 13 веков до прихода на землю Спасителя, нечто подобное было сказано Богом народу израильскому через пророка Моисея: «В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую. И двинулись они из Рефидима, и пришли в пустыню Синайскую, и расположились там станом в пустыне; и расположился там Израиль станом против горы. Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым: вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях, и принес вас к Себе; итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым»⁷.

Теперь попробуем ответить на вопрос – кто же такой священник в более привычном для нас понимании, то есть человек, занимающий особое место в церковной иерархии и в жизни всех православных христиан? Первое упоминание в Библии о священнике мы видим в книге Бытие (здесь он уже выступает в явном, а не в сокровенном виде, как во время пребывания человека в раю): «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, - он был священник Бога Всевышнего, - и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. [Аврам] дал ему десятую часть из всего»⁸.

Хлеб и вино, которые вынес Мелхиседек, были прообразом Крови и Тела Христа на Тайной вечери: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»⁹. Поэтому

Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя

⁶ 1 Пет. 2:9.

⁷ Исх. 19:1–6.

⁸ Быт. 14:18–20.

⁹ Мф. 26:26–28.

В Ное мы видим не только человека, приносящего жертвы Богу, но по воле Бога спасающего всё человечество (через спасение своих близких), в чём явно просматривается вневременное значение священства

и написано: «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом [месте] говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека»¹⁰, «и, совершившись»

сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека»¹¹. Имя Мелхиседек означает: «малк» – «мой царь» и «цедек» – «справедливость», т.е. Мелхиседек был священником Бога – Того, Кто, являясь Царем мира, управляет всем и всеми, и Его принцип правления – высшая справедливость. И уже Мелхиседек, загадочный библейский персонаж, являет необходимые качества священника, для которого бытовые признаки жизни отходят на второй план: «Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых, по знаменованию [имени] царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда»¹².

До Мелхиседека некоторые священнические функции выполняет уже Ной: «И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всеожжение на жертвеннике. И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его»¹³. Бог не просто возложил на Ноя священническое служение, Ной снискал к себе такое особое отношение Бога чистотой своей жизни: «Ной же обрел благодать пред очами Господа. Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом»¹⁴. И еще один интересный момент. В Ное мы видим не только человека,

¹⁰ Евр. 5:5, 6.

¹¹ Евр. 5:9–10.

¹² Евр. 7:1–3.

¹³ Быт. 8:20–21.

¹⁴ Быт. 6:8–9.

приносящего жертвы Богу, но по воле Бога спасающего всё человечество (через спасение своих близких), в чём явно просматривается вневременное значение священства. Может возникнуть вопрос – почему же тогда Ной спас от потопа не всех? Ответ очевиден – не потому, что Бог велел только родственникам Ноя зайти в ковчег, но потому что практически никто не поверил Ною, не захотел спастись: «Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и в пришествие Сына Человеческого»¹⁵. Не напоминает ли эта картина сегодняшний день, наше небрежное отношение к священникам и их делу?

Начиная с эпохи Моисея, священство стало наследственным. Во главе всех священнослужителей стоял первосвященник. Он должен был происходить из рода Ааронова по прямой линии. И носил свое звание пожизненно. Обычные священники должны были быть тоже из рода Аарона, но необязательно по прямой линии. И если от Аарона происходит кровная родословная ветхозаветного священства, то в Православной Церкви существует так называемая духовная родословная – от Самого Иисуса Христа, Его первых апостолов, на которых сошел Святой Дух в Сионской горнице, и далее – через рукоположение до сегодняшнего дня.

Связь между ветхозаветным священством и новозаветным прослеживает слушательница Епархиальных курсов инокиня Ангелина (Татьяна Всеволодовна Панирева), работа которой явилась результатом удачно подобранных цитат из богословской литературы: «В апостольских посланиях дар Святого Духа, которым обладают все христиане, иногда называется “помазанием”»¹⁶.

В Ветхом Завете через помазание совершалось поставление человека на царство: «И взял Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его, и поцеловал его и сказал: вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего»¹⁷. Поставление на священническое служение совершалось тоже через миропомазание: «...возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны самоточной пятьсот [сиклей], корицы благовонной половину против того, двести пятьдесят, тростника благовонного двести пятьдесят, касии пятьсот [сиклей], по сиклю священному,

¹⁵ Мф. 24:37–39.

¹⁶ 1 Ин. 2:20; 2 Кор. 1:21.

¹⁷ 1 Цар. 10:1.

В Царстве Христа все являются «царями и священниками», «родом избранным», «людьми, взятыми в удел»

и масла оливкового гин; и сделай из сего миро для священного помазания, масть составную, искусством составляющего масти: это будет миро для

священного помазания; и помажь им скинию собрания и ковчег откровения <...>; помажь и Аарона и сынов его и посвяти их, чтобы они были священниками Мне. <...> тела прочих людей не должно помазывать им, и по составу его не делайте подобного ему; оно - святыня: святынею должно быть для вас»¹⁸.

В Новом же Завете нет деления на «посвященных» и «прочих». В Царстве Христа все являются «царями и священниками» (Апок. 1:6), «родом избранным», «людьми, взятыми в удел» (1Петр. 2:9), а потому помазание совершается над каждым христианином»¹⁹.

Продолжая рассмотрение явления священства в его современном виде, отметим, что начало ему было положено Самим Спасителем: Иисус – Священник Святой, Единый²⁰. Его смерть кладет конец ветхозаветному священству. Он является Посредником в абсолютном смысле: Он подлинный Человек, разделяющий нашу немощь вплоть до искушения²¹ и одновременно подлинный Сын Божий, превосходящий ангелов²². Он – священник – единый и вечный. Он совершил Свою жертву однажды на все времена²³. Он отныне Ходатай навеки²⁴, посредник Нового Завета²⁵.

Устраивая Царство Божие на земле, Господь избрал людей, которым вверил служение, подобное Его служению, и которых снабдил для совершения этого служения особенными полномочиями и особенной силой ...В Своей первосвященнической молитве Он исповедует перед Отцом об их божественном посланничестве, которое является непосредственным продолжением Его посланничества

¹⁸ Исх. 30:23–26, 30, 32.

¹⁹ Митр. Иларион (Алфеев). Таинство веры. М., 2010 г. С. 154.

²⁰ Евр. 7:26.

²¹ Евр. 2:18; 4:15.

²² Евр. 1:1–13.

²³ Евр. 7:27; 9:12; 25–28; 10:10–14.

²⁴ Евр. 7:24.

²⁵ Евр. 8:6–13; 10:12–18.

Здесь начало и обоснование новозаветного священства, которое аллегорически называют то скелетом в теле церковном, то плодоносным деревом: «Этого великого Архиерея, – пишет профессор Киевской Духовной Академии В. Певницкий – как корня, держится древо всего последующего и нынешнего священства в Церкви Христовой. Его волей и силой совершает оно свое служение, ... а не волей народа, избирающего себе пастырей. Устраивая Царство Божие на земле, Господь избрал людей, которым вверил служение, подобное Его служению, и которых снабдил для совершения этого служения особенными полномочиями и особенной силой²⁶ ... В Своей первосвященнической молитве Он исповедует перед Отцом об их божественном посланничестве, которое является непосредственным продолжением Его посланничества. (Ин. 17, 18; 9–19; 13, 20; Мф. 10, 40; Лк. 10, 16)²⁷.

Далее Господь избирает Себе учеников: Господь, в самом начале Своего общественного служения, призвал и приблизил к Себе двенадцать учеников, – призвал, кого Сам захотел²⁸ и дал им власть вязать и решить²⁹, а встретив Своих учеников после воскресения сказал Им: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и вот, Я с вами до скончания века³⁰».

В этих словах из уст Господа слышится повеление апостолам совершать то, что после них совершают священники – служители Церкви. Но думал Он не об одних только апостолах, а обо всех их преемниках, которые будут после них служить Церкви Божией, которую не одолеют врата адовы³¹.

Однако, священство – не только сакраментальная часть жизни Церкви. Это еще и ее иерархическая составляющая. Ведь даже Святая Троица имеет в Себе некую иерархичность: Бог Отец – податель природы Богу Сыну и Богу Духу Святому. Одновременно каждое Лицо Святой Троицы единосущно другому Лицу Святой Троицы. Конечно, данную антиномию наш ум не в состоянии разрешить. Но, тем не менее, непостижимая внутритроичная иерархичность проецируется и на

²⁶ Ин. 15:29.

²⁷ Портал Минской духовной семинарии, раздел «Таинство священства (историко-догматический и литургический аспекты)». URL: <http://minds.by>.

²⁸ Мк. 3:13.

²⁹ Ин. 20:21–2.

³⁰ Мф. 28:18–20.

³¹ Портал Минской духовной семинарии, раздел «Таинство священства (историко-догматический и литургический аспекты)». URL: <http://minds.by>

Как община не может быть Церковью без священника, так и священник не может быть таковым без общины

Церковь, сохраняя самое главное свое свойство – любовь.

Снова приведем подобранные цитаты из работы слушательницы курсов инокини Ангелины (Татьяны Всеволодовны Пагиревой): «Учение о царственном священстве всех христиан выражено в Новом Завете с достаточной ясностью. И вместе с тем уже в апостольские времена в Церкви существовало иерархическое священство, то есть особые люди, избранные для служения Евхаристии и предстоятельства над народом. Иерархическое священство существует в Церкви именно благодаря всеобщему царственному священству всех христиан. Священник, имеющий рукоположение, по каким-либо причинам отделившийся или отделенный от Церкви, оказавшийся вне ее организма, выпавший из царственного священства народа Божьего, теряет свои священнические права. Внутри Церкви иерархическое священство неразрывно связано с народом Божиим – и одно не может существовать без другого: как община не может быть Церковью без священника, так и священник не может быть таковым без общины»³².

Тему появления в Церкви священства далее раскрывает слушательница Наталья Александровна Поволокина. Посвящение апостолов происходило поэтапно: сначала Христос призвал учеников, потом избрал двенадцать из них, «Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами»³³. Их Он назначил быть «ловцами человеков»³⁴, «свидетелями до края земли»³⁵. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам»³⁶. Дал им полномочие проповедовать приближение царства Божия, силу изгонять бесов, врачевать болезни. После Воскресения сказал: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»³⁷. Перед Вознесением Он вывел их из города и «подняв руки Свои, благословил их»³⁸.

³² Митр. Иларион (Алфеев). Таинство веры. С.131–132.

³³ Лк. 6:13.

³⁴ Мф. 4:19; Мк. 1:1.

³⁵ Лк. 24:48; Деян 1:8, 22.

³⁶ Ин. 15:16.

³⁷ Ин. 20:21–23.

³⁸ Лк. 24:50.

Дуновение – дарование ученикам того Духа, Который пребывает известным Своим дарованием только в иерархии, но не дарование всей полноты даров Святого Духа, излившихся на них в день Пятидесятницы. Благословение с воздвижением рук не есть рукоположение в строгом смысле, но и не обыкновенное прощальное благословение, а символ вечного соприсутствия Его с учениками, символ последних слов Его: «Я с вами во все дни до скончания века»³⁹. Последние слова означают символ того, что благодатное освящение Его должно было простираться не на одних апостолов, а и на преемников их, которых апостолы посвящали не сами собою, а благодатью и властью Христа, действуя как Его орудия. То есть в дуновении с сообщением Духа Святого и благословении Спасителя надо видеть установление особенного таинственного способа поставления на иерархическое служение и первообраз к посвящению апостолами своих преемников через возложение, – установление священства как таинства. Это видно не только из свидетельств отдельных отцов и учителей церкви (преимущественно в наставлениях о священстве и толкованиях на Писание), но и из постановлений Соборов и сохранившихся древних чинов рукоположений⁴⁰.

Крайне важный аспект священнического служения отражен в статье «Зачем нужны священники». Самое главное Таинство Церкви – Евхаристия. Священник, совершающий Евхаристию, символизирует Христа. Поэтому без священника нельзя служить Литургию. Поясняет протоиерей Сергей Правдолюбов, настоятель храма Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве (Москва), магистр богословия: «Священник, стоя перед Престолом, повторяет слова Самого Господа на Тайной Вечери: “Примите, ядите, сие есть Тело Мое...” А в молитве на Херувимской песни он произносит такие слова: “Ты есть Приносящий и Приносимый, и Тот, Который принимает эту Жертву, и Тот, Которого раздадут всем верующим, – Христе Боже наш...” Священник совершает своими руками священнодействие, повторяя все то, что совершал Сам Христос. И он не повторяет эти действия и не воспроиз-

Самое главное Таинство Церкви – Евхаристия. Священник, совершающий Евхаристию, символизирует Христа. Поэтому без священника нельзя служить литургию

³⁹ Мф. 28:20.

⁴⁰ См. I Вс. соб. 4 и 19 пр.; IV Вс. соб. 2 пр., в Пост. ап. VIII кн.

водит, то есть не “подражает”, но, говоря образно, “пронзает время” и совершенно необъяснимо для привычной картины пространственно-временных связей – своими действиями совпадает с действиями Самого Господа, и своими словами – со словами Господа! Поэтому литургия называется Божественной. Она отслужена единожды Самим Господом во времени и пространстве Сионской Горницы, но вне времени и пространства, в пребывающей Божественной Вечности. В этом парадокс учения о Священстве и Евхаристии. На этом настаивают православные богословы, и так верует Церковь»⁴¹.

Кроме исторической, сакраментальной, литургической и проповеднической сторон данной темы невозможно не отметить еще одну – пастырское служение священника. Она логично вытекает из двух составляющих: иерархичности устройства Церкви и любви Бога к человеку, Церкви к своим чадам. Человеку, с одной стороны, всегда хочется ощущать свою свободу. И этого качества никто не в состоянии у нас отнять. Однако, не менее остро человек нуждается в тепле любящего человека, в осознании, что кто-то обо мне искренне заботится, потому что любит меня. Человек никогда не забудет ласковые, любящие руки своей матери и сильные, не менее любящие руки своего отца. Точно так же и священник, исполняя свое пастырское предназначение, любит своих детей – пасомых, желает им счастья. И главное – точно знает, как это счастье достичь. «Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих»⁴².

Интересный момент нашей темы затрагивает слушатель Андрей Николаевич Удалов: ...у многих возникает вопрос о личностных характеристиках того или иного пастыря. Как часто мы с вами любим замечать недостатки того или иного человека, особенно, когда он на-

⁴¹ Портал «Православие и мир», статья «Зачем нужны священники» URL: <http://www.pravmir.ru/zachem-nuzhny-svyashhenniki/>

⁴² Ин. 21:15–17.

делен определенными полномочиями. Как мы любим обсудить врачей, учителей, полицейских, представителей органов власти и, конечно же, церковных служителей. А откуда они взялись, не с другой ли планеты прилетели? Они все – выходцы из того же общества, в котором мы живем, и «болеют» теми же заболеваниями, которыми заражено общество. Здесь нужно понимать самое главное – те Таинства, которые совершаются в церкви (Крещение, Миропомазание, Исповеди, Причащения, Брака и т. д.), совершаются Духом Святым, а священник только священнодействует. Свт. Кирилл Иерусалимский писал: «Если ты лицемеришь, то люди крестят тебя, а Дух Святой крестить не будет». Преподобный Серафим Саровский говорил: «На земле ты причастился, а на небе остался не причащенным». «Личные человеческие немощи не могут отнять благодати рукоположения. Во время совершения Таинств священник является лишь орудием в руках Божиих. Какой бы ни был батюшка грешный, только через него мы можем получить разрешение от наших собственных грехов» (Преподобный Серафим Вырицкий).

Андрею Николаевичу вторит слушательница Наталья Юрьевна Дарюхина. Часто людей смущает, что священники имеют различные житейские недостатки. И у неопытного человека возникает сомнение – стоит ли приходить в храм, найдет ли он здесь спасение? Нужно помнить, что приходя в храм, мы приходим к Богу, а не к священнику. Каждого из нас, будь он мирянин или священник, судить может только Бог. Какие бы ни были у священника человеческие недостатки, самим Богом он поставлен осуществлять свое служение. От личных качеств совершающих Евхаристию служителей святость Тела и Крови Христовых не зависит. По большому счету Господь Сам совершает Таинство с человеческим участием. Важно, чтобы общую молитву собравшихся для Евхаристии возглавлял человек, имеющий непрерывное преемство возложения рук от апостолов. Именно там, где есть реальное единство с апостольской общиной, совершается преложение хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы. Священник – избранник Божий,

Во время совершения Таинств священник является лишь орудием в руках Божиих

От личных качеств совершающих Евхаристию служителей святость Тела и Крови Христовых не зависит

Вот, Христос невидимо стоит, принимая исповедь твою... я же только свидетель, чтобы свидетельствовать перед Ним все, что ты скажешь

который имеет благодатное поставление и особый дар Божий. Цель этого избранничества – быть предстоятелем перед Богом, служить Церкви и народу Божию.

Подвести итог размышлениям на эту тему можно словами митрополита Илариона (Алфеева) из его книги «Таинство веры»: «По учению Церкви, нравственное несовершенство того или иного священнослужителя не влияет на действенность Таинств, совершенных им, потому что при совершении Таинств он является лишь орудием Бога. Сам Христос крестит людей, Сам совершает Евхаристию и причащает их, Сам в Таинстве Исповеди отпускает им грехи. Священник в чине Исповеди говорит кающемуся: «Вот, Христос невидимо стоит, принимая исповедь твою... я же только свидетель, чтобы свидетельствовать перед Ним все, что ты скажешь». Однако, если Христос по Своему безграничному милосердию терпит недостойных и порочных служителей в Церкви, как Он терпел Иуду среди апостолов, это не оправдывает самих священнослужителей, носящих сан не по праву. Будучи орудием, свидетелем и служителем Бога, священник должен быть, насколько возможно, чист, непорочен и непричастен греху. Нравственное несовершенство клириков, грехи и пороки духовенства всегда были болезнью и бедой Церкви, так как они, хотя и не влияют на действенность таинств, тем не менее подтачивают авторитет Церкви в глазах людей, разрушают веру в Бога. Чаще всего о Боге судят по его служителям, что вполне естественно, так как священник является образом Христа. И как горько иногда человеку увидеть в священнике вместо сочувствия равнодушие, вместо любви неприязнь, вместо нравственной чистоты распущенность, вместо честности лицемерие. От человека, на груди которого крест с изображением Христа, распятого за людей, ждут такого же сострадания и такой же любви, как от Самого Христа. «Будь образцом для верных в слове, в жизни, в любви, в духе, в вере, в чистоте», - говорит апостол Павел Тимофею, которого он рукоположил в сан епископа (1 Тим 4:12)»⁴³.

«Православная Церковь придает исключительное значение священному сану. О высоком достоинстве священства писал препо-

добный Силуан Афонский:
«(Священники) носят в себе
столь великую благодать, что
если бы люди могли видеть

Священник – не посредник, а исполнитель особого служения в Церкви

славу этой благодати, то весь мир удивился бы ей, но Господь скрыл ее, чтобы служители Его не возгордились, но спасались в смирении... Великое лицо – иерей, служитель у Престола Божия. Кто оскорбляет его, тот оскорбляет Духа Святого, живущего в нем... Если бы люди видели, в какой славе служит священник, то упали бы от этого видения, и если бы сам священник видел себя, в какой небесной славе стоит он (совершает свое служение), то стал бы великим подвижником, чтобы ничем не оскорбить живущую в нем благодать Святого Духа»⁴⁴.

Закончить разговор на тему важности священства в жизни верующего человека хочется простыми, но мудрыми словами слушателя курсов Олега Владимировича Грека: «Священник – не посредник, а исполнитель особого служения в Церкви. Служение пастыря готовит нас к вечной жизни с Богом, поэтому ценность и актуальность священнического служения непреходяща».

⁴⁴ Митр. Иларион (Алфеев). Таинство веры. М., 2010. Глава 8.

Д. Г. Добыкин

Искажен ли текст Библии?

Пожалуй, ни одна книга в мире не подвергалась и не подвергается таким нападкам, как Библия. Можно услышать обвинения, что библейский текст не сохранился, так как Библию в древности, как, впрочем, и другие книги, переписывали вручную специально предназначенные для этого люди. И эти переписчики совершали ошибки или вообще вносили изменения в библейский текст, которые меняли смысл текста. Но так ли это на самом деле? Попытаемся разобраться, почему христиане считают, что текст Библии дошел до нашего времени без серьезных изменений.

Нужно понимать, что до нас не дошла ни одна рукопись, которая была бы написана самим библейским автором. Такой оригинальный

По мнению некоторых ученых, отдельные рукописи вообще относятся ко II в. до Р. Х.

текст в библеистике называется «автографом». У нас нет ни одного автографа и все, что мы имеем, это копии и даже, скорее, копии с копий.

До середины XX в. ученые имели в своем распоряжении только еврейские рукописи где-то VIII–IX вв. Однако у них были рукописи древнейшего перевода, который был создан еще до Рождества Христова, так называемый «перевод семидесяти» или Септуагинта. Эти рукописи были уже III–IV вв. Таким образом, ученые работали либо с еврейскими рукописями VIII–IX вв., либо с греческим переводом Ветхого Завета III–IV вв. Но во второй половине 40-х годов XX в. в Иудейской пустыне были найдены так называемые Кумранские рукописи. Это огромное количество ветхозаветных рукописей, которые относятся к периоду между I в. до Р. Х. и I в. после Р. Х. По мнению некоторых ученых, отдельные рукописи вообще относятся ко II в. до Р. Х.

Полные рукописи Нового Завета относятся к III–IV вв., но к нашей большой радости существуют отрывки, которые относятся даже к началу II в. Например, в Египте

В Египте был найден обрывок рукописи размером с человеческую ладонь с фрагментом из Евангелия от Иоанна

был найден обрывок рукописи размером с человеческую ладонь с фрагментом из Евангелия от Иоанна. Естественно,

ученые изучили его и сравнили с современным текстом и увидели, что разночтений нет. Количество новозаветных рукописей исчисляется даже не десятками и не сотнями, а тысячами. Конечно, нужно понимать, что это не всегда рукописи всего Нового Завета или всего Ветхого Завета. Иногда это какая-то книга, иногда несколько книг, иногда это просто небольшой отрывок из Священного Писания, но количество текстов огромно.

По мнению многих ученых текстология добивается поставленных целей и задач, и мы сейчас имеем текст, близкий к автографу

До изобретения в середине XV в. книгопечатания с помощью передвижных букв, книги переписывались вручную. Такие копии носят название «манускрипт», образованное от двух латинских слов *manus* и *scribo*, что значит «написанный от руки».

Большинство древних текстов, которые переписывались от руки, тем или иным образом портятся. Несмотря на чрезвычайную осторожность, проявляемую писцами в процессе переписывания рукописей, некоторые писцовые ошибки все же имели место.

Разобраться со всеми особенностями текста помогает наука, которая называется «текстология». Целью текстологии является реконструкция первоначального текста Священного Писания. По мнению многих ученых текстология добивается поставленных целей и задач, и мы сейчас имеем текст, близкий к автографу.

В современной текстологии нет строго предписанного метода восстановления оригинального текста. Есть, однако, некоторые основные, освященные веками принципы, применение которых позволяют избежать полной субъективности и произвольных выводов¹.

Каждая рукопись должна быть изучена в целом, потому что каждая обладает своей «индивидуальностью». Важно определить типичные ошибки переписчика, небрежным или осторожным было его отношение к тексту и другие его особенности. Потом рукопись следует сравнить с другими, чтобы отнести ее к определенной традиции. Общие ошибки или добавления – ключ к установлению связи. Следует уточнить все возможные данные о дате, месте написания и авторстве. При этом нужно понимать, что ни древность, ни численность рукописей не

¹ О правилах восстановления библейского текста см.: Ганельт Т., свящ. Общее введение в Священное Писание. Краткое пособие для изучающих богословие. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2011. С. 68–70; Ла Сор У. С., Хаббард Д. А., Буш Ф. У. Обзор Ветхого Завета. Откровение, литературная форма и исторический контекст Ветхого Завета. Одесса: Одесская богословская семинария ЕХБ, Богомыслие, 1998. С. 31–32.

Сравнение тысяч рукописей позволили современным учёным убедиться в том, что Слово Божие передавалось в точной и достоверной форме

являются решающим. Более ранняя рукопись может оказаться копией с современного ей неточного экземпляра, тогда как другая может восходить к значительно более древнему и

точному варианту текста. Несколько рукописей могут быть копиями с одного и того же оригинала.

Затем начинается процесс восстановления текста. Важно понимать, что полный текст Библии, который сохранился в различных рукописях и изданиях, не является автографом. Нельзя считать, что он сохранился и в каком-либо переводе. И рукописи, и издания оригинального текста и переводов являются только «свидетелями» библейского текста, с помощью которых реконструируется первоначальный или, точнее, «критический» текст.

Чтобы увидеть труды текстологов, нужно обратиться к так называемым критическим изданиям библейского текста. В критических изданиях текст составлен из разных списков, которые признаны в результате исследования наиболее достоверными. По мнению ученых, такой текст наиболее близок к автографу. Для определения источников восстановления в изданиях имеется краткий критический аппарат – указатель разночтений, которые встречаются в рукописях, как написанных на языке оригинала, так и в переводах. Рукописи обозначаются условными знаками, и из подстрочных примечаний можно увидеть, на чем основывается то или иное чтение.

Ценностью критического текста является, во-первых, меньшее число неточностей, чем в любой рукописи, во-вторых, он принят большинством исследователей, в-третьих, этот текст служит хорошей базой для перевода.

Самый современный критический текст Нового Завета, то самое полное – 28 издание Нестле-Аланда. Лучший критический текст Ветхого Завета – издание *Biblia Hebraica Stuttgartensia* или Штутгартская Библия.

Указав на наличие разночтений в Библии, нельзя не сказать о том, что сравнение тысяч рукописей позволили современным учёным убедиться в том, что Слово Божие передавалось в точной и достоверной форме, а существующие варианты прочтения не влияют на смысл текста.

Конечно, можно предположить, что если захочется найти искажения, то они будут найдены. Но действительно ли это будут искажения? Можно привести такую аналогию. Сейчас самая изученная картина Лео-

нардо да Винчи – это «Мона Лиза». Ее, наверно, уже разложили на квадратные миллиметры. Если представить, что кто-то найдет в каком-то уголке не очень ровный мазок, то это не изменит мнение о гениальности Леонардо или его картины. Точно так же и в текстологии. Так же, если найдут какую-то рукопись, в которой будут уникальные особенности, то это не изменит представление ученых о тексте и учении Священного Писания.

Ученые доказали, что как Ветхий Завет, так и Новый Завет сохранился практически полностью в аутентичном состоянии

Можно констатировать, что современные ученые доказали, что как Ветхий Завет, так и Новый Завет сохранился практически полностью в аутентичном состоянии.

Сохранность Писания – это результат Божиего промысла. О том, что Бог хранит свое слово, сказано в самом Писании. Библейские свидетельства о сохранности Священного Писания говорят о том, (1) что Бог сохраняет Свое Слово на небесах, (2) что Бог сохраняет Свое Слово неизменным, и (3) что Бог сохраняет Свое Слово навеки.

Пс. 118:89 – ключевой библейский текст, говорящий о том, что Божие Слово утверждено в небесах. Пс. 118:152; Исх. 40:8; Мф. 5:18; Мф. 24:35; Мк. 13:31; Лк. 21:33; Лк. 16:17; 1 Петр. 1:23, 25 указывают на неизменность Слова Божия. Бог сохраняет Свое Слово неизменным в небесах, но на земле ответственность за сохранение и передачу Писаний лежит на Божием народе. На это указывает несколько повторяющихся запретов. Такие тексты, как Втор. 4:2; 12:32; Прит. 30:6; Иер. 26:2; Откр. 22:18-19, говорят «не прибавляй!» и «не отнимай!» в Писании².

Бог сохраняет Свое Слово неизменным в небесах, но на земле ответственность за сохранение и передачу Писаний лежит на Божием народе

² Составлено по: *Бэррик У. Д.* Древние рукописи и разъяснение библии // Сайт «Проповеди. Сообщество проповедников Библии». URL: <http://www.propovedi.ru/resource/ancient-manuscripts-and-bible-exposition/download-pdf> (дата обращения: 18.03.2016).

Основатель Христианской Церкви – Господь Иисус Христос

Для современников крайне важным был вопрос, кто же такой на самом деле Иисус Христос? Предтеча Христов, Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, последний пророк Ветхого Завета называет Христа «Мессией». Иоанн указывает на приближающееся Царство, но сам он не входит в него. Поэтому Христос говорит о нем: «из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его» (Мф. 11:11). Его проповедь, по словам пророка Малахии (3:1), предуготовляла путь в Царство и призывала к покаянию. Несмотря на то, что проповедь несла исключительно религиозно-моральный характер, Иоанна заключают в темницу, а затем, казнят. В соответствии с пророческими словами самого Иоанна, проповедь продолжается уже устами Господа Иисуса Христа.

Предтеча Христов, Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, последний пророк Ветхого Завета называет Христа «Мессией»

Если для I века логичен вопрос, Мессия ли Христос, то для новейшего времени вопрос поставлен уже гораздо радикальней: был ли, существовал ли вообще Христос? Не является ли Он мифической личностью? Во второй половине XIX века марксисты (Ф. Энгельс, К. Каутский) выступали с заявлениями, что Христа на самом деле не существовало, а само Христианство было выражением и движением римского пролетариата.

Отрицание реальной историчности Христа было подхвачено немецким философом А. Древисом, написавшим известную книгу «Миф о Христе» (1909). Интересно то, что Древис не был ни историком, ни ученым и не богословом, что делало его, скорее, проповедником, одержимым грезами о новом религиозном перевороте. Древис не был, при этом, и материалистом – он искал новые религиозные формы и новую веру. Он проводил свою причудливую идею подбором антинаучных ссылок и сопоставлений. Успех и удача подобной литературы в начале XX века были обеспечены недоученной и темной массой и той средой, где острое, антицерковное и кощунственное слово ценилось дороже научных доводов.

Основная мысль теории Дрекса и последующих антихристианских работ (Робертсон, Кальтгоф и другие) заключается в простом утверждении – Христа не было никогда. Евангелие и другие повествования Священного Писания ни в какой степени не являются историческими и реальными, а, по своей сущности – лишь мифы, сказания, легенды, собранные еще с древних иудейских или языческих времён о божественных спасителях. Почитание Бога Христа существовало еще в дохристианской эпохи(?) и только с апостолом Павлом этот миф был принят за историю, за рассказ о, якобы, действительных событиях.

В действительности сомневаться в историческом существовании Иисуса Христа оснований не больше, чем любого другого исторического лица, пусть, даже, из далекого прошлого

Понятно, что разоблачать или разбирать существование дохристианского культа Христа абсолютно бесполезный труд. Доводы Дрекса распадаются сами собой не только ввиду своей фантастичности, но, самое главное, перед лицом бесспорных очевидных свидетельств о Христе, в которых видно живое соприкосновение с личностью Христа. Грубая ошибка заключается в том, что отрицаются многочисленные исторические свидетельства. В действительности сомневаться в историческом существовании Иисуса Христа оснований не больше, чем любого другого исторического лица, пусть, даже, из далекого прошлого.

Еще более важный вопрос заключается в том: был ли Христос именно Богочеловек или просто человек? Этот вопрос и стоял в центре отношений христиан и язычников с самого древнего времени. Сверхъестественное происхождение Иисуса Христа отрицали просвещенные языческие ученые, спорящие с христианами. Так, например, еще Цельс (III в.) и Порфирий (III в.) критиковали Христианство и отрицали Богочеловечество Христа. После IV века, когда Христианство получило не только право на существование, но и стало широко распространенной и в Римской империи господствующей религией, Богочеловеческий характер личности Иисуса Христа всеми признавался и не оспаривался. С XVIII века, с развитием рационализма подвергается сомнению чудесный элемент в евангельской и общехристианской истории.

Некий Павлюс (1761–1851), исходя, даже из благих апологетических намерений, старался убрать все сверхъестественное из евангельской истории. Все, невоспринимаемое с точки зрения рационализма заменялось простыми натуралистическими и «научными» (для своего времени) объяснениями. Павлюс, таким образом, не от-

Согласно рациональным взглядам эпохи, совершаются различные попытки отделения «мифического» Христа от «настоящего», «исторического

рицал подлинности евангельских повествований, признавал исторические основы Христианства, но отрицал само Богочеловечество Иисуса Христа, Боговоплощение, а,

значит, исключительность спасения человека через Иисуса Христа.

Со времени Д. Штрауса (1808–1874) началась более обширная критика исторического характера Евангелий. Штраус исходил от того, что, согласно древнему пониманию, наши Евангелия несут исторические черты и, в то же время, вся история Иисуса Христа сверхъестественна. Это для Штрауса явное противоречие. «Или евангелия, – говорит он, – действительно исторические документы, и тогда чудо не может быть удалено из жизни Христа, или же чудо несовместимо с историей, и тогда евангелия не могут быть историческими документами». Выход Штраус, конечно же, видит в критике евангельских источников и в мифе, как центре евангельской истории. Другими словами, если Евангелия говорят о сверхъестественных фактах, то ясно, что из-за этого, они не могут быть надежными историческими документами. Евангелия с их чудесами необходимо рассматривать как простые мифы. Мифы же не могли создать прямые очевидцы событий (сами события были абсолютно естественными), и Евангелия, очевидно, вообще не являются произведениями учеников Христа.

После Штрауса, согласно рациональным взглядам эпохи, совершаются различные попытки отделения «мифического» Христа от «настоящего», «исторического». Э. Ренан (1823–1892) уже выстраивает «пятое евангелие», никогда не существовавшее, но, в котором автору представляется реальный, а «не вымышленный» Христос. Противоречия между наукой и верой о личности Основателя Христианства Ренан пытается объяснить на почве эстетики – в области, зависимой от веры и очень чуждой науке. Ренан превратил историческую жизнь Христа в некий красивый роман, эпизоды которого можно убирать или создавать по своему разумению.

Акцент на оценку Иисуса как именно религиозного деятеля делает А. Ревиль. По его воззрениям, Христос является «великим мистиком»,

Ренан превратил историческую жизнь Христа в некий красивый роман, эпизоды которого можно убирать или создавать по своему разумению

который осуществил проникновение великой новой религии с возвышенной моралью в греко-римское общество. Сыном Божиим, естественно Христос не является, Он только почувство-

вал острую необходимость в обновлении древнего иудаизма. Апостолы же своими воззрениями и писаниями «мифологизировали» Христа, изменили учение Христа и сообщили Его сразу универсальный характер.

Необходимо четко представлять, что именно неверие с середины XIX века выступает под именем науки, выдавая себя за единственное действительное знание

Конечно, необходимо четко представлять, что именно неверие с середины XIX века выступает под именем науки, выдавая себя за единственное действительное знание. Отсюда возникает смутная и неверная мысль, что для научного знания необходимо разрушать и разлагать веру. По отношению ко Христу это выражалось в выявлении неких «двух Христов» – Христа истинного исторического и Христа, представленного в Евангелиях, Христа веры. В действительности критиков и отрицателей всего исторического и подлинного в образе Христа наших Евангелий двигало неверие и, что, особенно важно, «обратная, противоположная вера». В такой «вере» совсем нет подлинной

Блж. Августин заметил, что отрицание Бога всегда опирается на тайное желание, чтобы Его не было

воли к знанию, нет внутренней осторожности и свободы исследования, а есть недобрая страсть. В основании неверия всегда лежит сужение своего духовного и научного кругозора

притупление внутреннего зрения. Изначально предвзятые мнения, якобы исходящие из науки, прикрывают, на самом деле, желания. Еще блж. Августин заметил, что отрицание Бога всегда опирается на тайное желание, чтобы Его не было.

Доводы неверия могут выглядеть иногда весьма убедительными, но порождают, чаще всего, свои собственные мифы. Только твердое, научное и действительное знание может противостоять этому мнимому и лжеименному. Сама вера, основанная на духовном опыте, исключает возможность сомнения – в очевидном не сомневаются. Верующий не нуждается в обосновании, оправдании или доказательстве своей веры. Он не нуждается и в опровержении возражений и доводов против нее. Его уверенность не зависит от опровержений противных мнений. Ориген замечательно отмечает тех, кто, прочитав книгу Цельса, вообще не чувствуют никакой нужды в опровержении этой книги. Ориген также ссылался на Самого Господа, Который молчал, когда на Него лжесвидетель-

Верующий не нуждается в обосновании, оправдании или доказательстве своей веры

Побеждается сомнение не доводами, а верой – видением веры, опытом истины. Путь к небесному Христу ведет через явление Иисуса в истории

осаду от истины, привести именно научные доказательства, но для настоящей действительной веры этого еще мало. Побеждается сомнение не доводами, а верой – видением веры, опытом истины.

Путь к небесному Христу ведет через явление Иисуса в истории. Иисус и Христос неотделимы друг от друга, как уже первые христиане в святом имени Иисуса Христа торжественно исповедовали: Иисус есть Христос. В постановке вопроса: существовал ли евангельский Христос? – наша задача должна состоять в проверке свидетельств христианской и, если возможно, нехристианской литературы, удостоверяющих историческую действительность Иисуса. Внехристианские свидетельства, несмотря на сравнительно небольшое их количество по сравнению с евангельскими, уже сами по себе свободны от подозрения – буд-то они представляют собой продукты творения христианской веры. Отсюда следует их особая доказательная база против эксцессов мифологической школы.

Упоминания о Христе и первоначальном Христианстве у Тацита и Светония мы должны признать изумительной и счастливой случайностью

Внехристианские источники. Должны сразу принять во внимание то, что все литературные источники времен римских императоров до Тацита (род. 52–54) и Светония потеряны. Христианство первых десятилетий своего существования, вышедшее из проповеди Иисуса, плотника из Назарета, было слишком жалко и ничтожно, чтобы сразу же привлечь внимание тогдашних историков. Упоминания о Христе и первоначальном Христианстве у Тацита и Светония мы должны признать изумительной и счастливой случайностью.

Корнилий Тацит был зятем наместника Британии, а около 112 года назначен проконсулом Азии. В 116–117 годах пишет *Анналы*, в которых пишет о знаменитом пожаре и последующих событиях в Риме при императоре Нероне (64): «Но ни все оправдания, какие можно получить от людей, ни все богатства, которые этот правитель мог растопить, ни все жертвы, какие приносил он богам, не могли снять с Нерона тягостное обвинение в том, что он, как считали, приказал устроить пожар Рима. Чтобы подавить эти слухи, он обвинил в пожаре и покарал самыми изощренными пытками людей, которых

обычно называли христианами и ненавидели за их чудовищные преступления. Виновик этого имени христианского (scilicet christiani) Христос (Christos), по имени которого они так назывались, был казнен Понтием Пилатом, прокуратором Иудеи во время правления Тиверия: однако отдельное суеверие это, исчезнувшее на время, вспыхнуло вновь, причем не только в Иудее, где возникло это зло, но также и в Риме» (Анналы XV, 44).

Тацит заимствовал это сообщение непосредственно из протоколов сената или получил сведения, как многие думают, у консула Клувия, служившего при Калигуле

Отрывок этот очень характерен для Тацита по своей сжатости и краткости. Христианство обозначается как «пагубное суеверие», как «нечто грубое и постыдное», что выдает слова явного антихристианина. Об утверждениях, что это может быть христианская вставка ради упоминания о Христе, не может быть и речи. Точное упоминание места и времени, в особенности уточнение о прокураторе Понтии Пилате и об императоре Тиберии, не могло быть почерпнуто из народных верований. Тацит заимствовал это сообщение непосредственно из протоколов сената или получил сведения, как многие думают, у консула Клувия, служившего при Калигуле (37–41 гг. по Р. Х.).

Тацит узнал и записал: христианское движение ведет свое начало от некоего Христа из Палестины

Возможно также, что он почерпнул свое знание у наместника Плиния, с которым был в дружественных отношениях и который в одном из писем императору Траяну писал о распространении культа христиан. Источник сообщения Траяна явно не мог быть иудейским, так как иудей не назвал бы Иисуса Христом. Столь же несомненно, что не пользовался Тацит и христианскими источниками. В любом случае, из отрывка видно, что Тацит ничего не знал об анонимном христианском движении и о культовом боге Иисусе. Такой культовый бог и не мог бы показаться чем-то особенным его языческому мышлению, привыкшему к разнообразным восточным богам. Можно лишь констатировать то, что собственно Тацит узнал и записал: христианское движение ведет свое начало от некоего Христа из Палестины. Само же движение явно постыдное и недостойное римского общества, так как его основоположник был казнен римскими властями.

После Тацита другой римский историк Гай Светоний Транквилл (около 70 – после 120 гг. по Р. Х.) в своей знаменитой книге «Жизнь двенадцать цезарей» (ок. 120 г.) упоминает о Христе. Правда, в отличие от

Греческое же написание «христиане» часто передавалось на Западе до III века через «е»

Тацита, Светонию характерна неосновательная и довольно расплывчатая форма, которая выдает весьма недостаточное знание о положении вещей. Он пишет, что во время правления Клавдия (41–54) «иудеев, непрестанно возмущавшихся по подстрекательству Хреста (impulsore Chresto), изгнал [Клавдий] из Рима» (Жизнь Клавдия, XXV, 4). Речь идет о тех самых волнениях среди иудеев в Риме, о которых также сообщает деписатель Лука: апостол Павел в Коринфе поселился в доме Акилы Понтиянина, иудея и ремесленника, изгнанного из Рима вместе с другими иудеями из-за неких беспорядков (Деян.18:2). Из двух источников мы уже знаем, что император Клавдий изгнал иудеев в начале 50-х годов I века. Можем даже предположить, что волнения возникли после постановления иерусалимского Апостольского собора (48–50) о необязательности Моисеева закона для язычников, вступивших в христианскую Церковь, которое через некоторое время докатилось и до Рима, вызвав и там бурные публичные споры. Конечно, римляне или греки еще не отличали христиан от иудеев и не стали вдаваться в нюансы богословского спора. Удалось, правда, уловить, что споры произошли из-за «бунтовщика Хреста» и, видимо, в таком варианте это было донесено императору. Клавдий принял довольно обычное в подобных вопросах решение – просто приказал изгнать всех римских иудеев без различия собственно иудеев и христиан, ибо такого различия еще в то время не существовало. Важным оказалось то, что римляне 50-х годов и Светоний считали, что этот «подстрекатель Хрестос» действовал именно в Риме. Каким бы не было ошибочным это предположение, все же оно доказывает, что тогда, по крайней мере в общих чертах, было известно о реальном Христе, как основателе новой иудейской секты. Поблекшие, не точные, но исторические воспоминания лежат в основе сообщения Светония. Показательно, что эти сообщения восходят не к культовому умирающему и воскресающему богу Иисусу, но к конкретному иудею по имени «Хрестос». Греческое же написание «христиане» часто передавалось на Западе до III века через «е». Поэтому непривычное для нас написание имени у Светония вполне согласуется с тогдашним словоупотреблением. Если с иудеями христиан легко смешивали, то упоминая имя «Хреста», Светоний предполагает, что это имя вполне известно.

Плиний трижды употребляет имя Христа («Christus») как исторической личности

Дальнейшими подробностями Светоний не интересовался.

Также равнодушное невнимание к христианам про-

являет другой римский писатель – Плиний Младший (ок. 61–113 гг.), назначенный в 110 году императором Траяном (98–117) проконсулом в провинцию Вифинию для искоренения коррупции. Он пишет несколько писем-докладов в Рим, в которых сообщает об обнаруженных им в Вифинии и Понте христианах. Известнейшее письмо к императору Траяну (Письма, X. 96) является важнейшим документом, сообщающим нам о христианской миссии, гонениях на христиан и христианском богослужении. Плиний трижды употребляет имя Христа («Christus») как исторической личности, но, к сожалению, без каких либо подробностей. Он смело преследует и уничтожает христиан обоюго пола и даже детей, но ввиду многочисленности христиан, полагает, что необходимо казнить лишь некоторых из них. Плиний заставлял христиан поклоняться статуям Траяна под угрозой преследований и смерти, в результате чего появлялись отступающие от Христа («maledicerent Christo») и поносящие Христа («Christo maledixerunt»). Плиний также сообщает, что «они [христиане] утверждают, однако, что вся их вина или заблуждение состоит в том, что они имели привычку собираться по определённым дням засветло, и распевать различные гимны Христу как Богу (convenire carmenque Christo quasi deo), а также принести торжественную клятву, не призывающую ни к каким злым целям, но лишь к тому, чтобы никогда не обманывать, не воровать, не изменять супругам, не лгать и не отступать от данной клятвы, когда наступит время выполнить ее» (Письма, X, 96). Конечно, и здесь мы сталкиваемся с тем, что римлянин считает веру христиан суеверием, а самих христиан – нарушителями общественного порядка. Однако, частые упоминания о Христе можно отнести не к обозначению культового бога, а к реальному историческому лицу, которое верующие христиане почитают как Бога.

Они имели привычку собираться по определённым дням засветло, и распевать различные гимны Христу как Богу

Возможно, именно Христа имеет в виду практически неизвестный сирийский стоик Мара Бар-Серрапион (ок. 73–160 гг.) в письме своему сыну Серрапиону, которое он пишет из тюрьмы в назидание. Он ободряет сына в поиске мудрости, призывает пренебрегать богатством и брэнной славой и уклоняться от страстей и суеты мира. Ссылается Мара Бар-Серрапион при этом на людей, которые преследовали мудрецов в своих городах. Он задает вопрос – приобрели ли что либо Афины или Самос от казней Сократа и Пифагора? Нет, наоборот, – в Афины пришли голод и чума, а Самос затоплен морем. «А что выиграли иудеи, казнив своего мудрого царя, – продолжает сирийский стоик, –

Невозможно отнести, например, данные слова Мар Бар-Серапиона с последователями Иоанна Крестителя. Именно Христос обозначался как «Царь иудейский»

Не вскоре ли после этого погубило их царство?». Иудеи, потерпев поражение, изгнаны из своей страны и живут в полном рассеянии. Учение же Сократа и Пифагора живет в их учениках. Равно, «не навеки

погиб и мудрый царь: он продолжает жить в своём учении, ради нового закона, который он дал». Конечно, Мара Бар-Серапион не упоминает имени Христа, что не позволяет абсолютно точно идентифицировать «царя» со Христом. Тем более, что в Палестине в I веке было множество «мессий», претендовавших на духовное и политическое лидерство (достаточно вспомнить, хотя бы о неких Февде или Иуде Галилеяине, упомянутых в Книге Деяний – 5:34-38). Однако, пишет автор, в родной Сирии через несколько десятилетий после земной жизни Христа и, самое главное, подавления иудейского восстания и разрушения Иерусалимского храма, когда как раз последователи Христа обосновались и утвердились в Сирии, а не представители другого мессианского движения. Невозможно отнести, например, данные слова Мар Бар-Серапиона с последователями Иоанна Крестителя. Именно Христос обозначался как «Царь иудейский».

Иудейские источники. Совершенно отдельный разговор может быть о иудейских источниках. Можно было бы обратиться к данным Талмуда о Христе и о христианстве. При этом необходимо, правда, учитывать, что многие предания действительно восходят ко времени Христа, но часто перерабатывались литературно в более позднее время христианской эры и поэтому не могут быть точно датированы и, в конце концов, их довольно сложно привлечь как исторические источники. Тем не менее, в иудейском представлении Христос и христианство тесно связывались между собой и об анонимном культе Иисуса ничего не было известно. Вавилонский Талмуд отмечает, что «вечером накануне Пасхи повесили Иешу из Назарета. В течение сорока дней перед этим ходил перед ним вестник, возвещавший, что его, Иешу из Назарета, намерены побить камнями за то, что он занимался колдовством, обманывал и сводил Израиль с пути истинного. Пусть имеющий сказать нечто в его защиту выйдет наперед и защитит его. Но не было обнаружено ничего в его защиту, и накануне Пасхи его повесили» (Вавилонский «Санхедрин», от греческого «синедрион», «собрание», один из 10 трактатов Мишны, части Талмуда о правосудии, уголовными делами и наказаниях). Видно то, что речь идет об историческом лице Иешу, которое совершает чудеса и знамения, но

приписывалось это колдовству. Иудейская система законов не предполагала римской казни через распятие, а через повешение, и поэтому о ней и говорит Вавилонский Талмуд.

Рождались различные домыслы, басни, измышления, слухи о Христе, но практически никто не сомневался, что Христос был историческим лицом

Иных иудейских исторических сообщений о Христе довольно много, но они в основном восходят ко второй половине II века, к другой исторической эпохе (раввинистической литературы I века практически нет). Большинство этих отрывков Талмуда почти лишены исторической ценности. По своей задаче и содержанию Талмуд является неисторической книгой, а сводом правовых и религиозно-этических норм иудаизма с мнениями и изречениями авторитетных учителей. Упоминания о Христе вызваны полемическими мотивами и отражают информацию, вряд ли полученную из первых уст. Иногда встречаются обозначения Христа как «Йешу», «Йешу га-Ноцри», «Бен-Пантер» (вероятно, от греческого «парфенос», «дева» – «Сын девы»), «некий человек», «тот человек». В глазах иудаизма II века христиане – опасные мечтатели, верующие в человека, искажившего их веру. Рождались различные домыслы, басни, измышления, слухи о Христе, но практически никто не сомневался, что Христос был историческим лицом. Так, например, часто упоминались чудеса и знамения Христа, но толковались они как колдовство, магия, чародейство и прельщения народа. В конце II – начале III века Цельс собрал все подобные наветы в одну книгу и этим стремился опозорить христиан. Ориген (+254) пишет опровержение Цельса и иногда приводит утверждения оппонента. Цельс приводит сведения, что Христос был незаконным сыном римского солдата (помимо Христа, присутствовало стремление унижить Богородицу), а чудеса творит посредством магии: «Иисус воспитывался тайно, потом пришел в Египет и здесь, занимаясь поданной работой, постиг некоторые искусства творить чудеса, отсюда вновь вернулся в свое отечество и при помощи тех искусств объявил себя богом» («Против Цельса», 1, 32 – 33; 38).

Полемика св. Иустина Мученика (сер. II в.) с иудеем Трифоном сводится к вопросу личности Христа, Его мессианству, обетованному в пророчествах, Его смерти на Кресте, – не бросает ли на Его дело тень смерть, предназначенная для разбойников. Приводит Иустин некоторые слова Трифона, в которых и видим попыт-

В раввинистических текстах считали Христа реальным историческим лицом

ки обесчестить таким образом Христа («Разговор с Трифоном иудеем», 10; 32). Никаких следов сомнений в историческом существовании Христа, мы не встречаем. Несмотря на явно негативное отношение ко Христу как Мессии, представлении о Христе как обманщике, в раввинистических текстах считали Христа реальным историческим лицом.

В I веке нашей эры судьбу и жизнь иудейского народа описывал знаменитый иудейский историк Иосиф Флавий (ок. 37–100 гг.). Свою книгу «Иудейские древности» он писал на греческом языке в Риме в 93–94 годах. Одно его свидетельство относится к Иоанну Крестителю, которого он называет «добродетельным мужем, побуждавшем иудеев стремиться к добродетели, чтобы они, соблюдая во взаимных отношениях справедливость, а к Богу должное благоволение, приступали к крещению» (XVIII, 5). Подлинность сообщения Иосифа Флавия об Иоанне не вызывала никогда никаких сомнений. То же самое можно сказать и об упоминании Иосифом о смерти Иакова «брата Иисуса называемого Христом», и других, побитых камнями за нарушение закона по приговору Синедриона при первосвященнике Анане (XX, 9).

Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, он совершал чудеса и был учителем мужей, с радостью принимавших истину

Произошло это в 62 году, когда там же в Палестине жил и Иосиф Флавий, который сообщает это, очевидно, по личным воспоминаниям. Апостолу Иакову он дает имя, под которым тот и был известен всем иудеям.

В обоих известиях чувствуется внешний беспристрастный наблюдатель, отмечающий факты, которым он особого значения не придает. К тому же Иосиф представляет описываемые события как политические. Он пишет на греческом языке, языке империи, и повсюду избегает говорить о том, что могло бы набросить тень политической неблагонадежности на иудейский народ в глазах римской власти. Вследствие этого он замалчивает о мессианских чаяниях иудеев и старается рассказать о своем народе как о спокойном и добродушном, чуждом всяких мятежных замыслов. По той же причине ему было естественно избегать говорить о христианах, которые к концу I века привлекают неблагоприятное внимание властей как мятежная иудейская секта. Само же приведенное упоминание о Христе в контексте об апостоле Иакове предполагает, что читателю уже что-то известно об этом Христе. Действительно, несколько ранее, в своей 18 книге (части «Иудейских древностей») Иосиф Флавий приводит более подробный рассказ о Христе: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком, ибо он совершал чудеса и был учи-

телем мужей, с радостью принимавших истину. Он привлек к себе много иудеев, но также и эллинов. Он был Христос, и, когда Пилат, по наущению многих, приговорил его ко кресту... Но те, кто был с ним ранее любил его, не отказались от него и теперь. На третий день он явился им живой, как возвестили о нем и о многих других его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по его имени» (XVIII, 3). Это сообщение было предметом жарких споров, от резкого отрицания до полного признания и обозначения как «свидетельство» Флавия (*testimonium Flavianum*).

В отличие от сухо изложенного места об Иакове, мы видим ясное исповедание Христа, которое кажется странным в устах иудея. Если же, действительно, Иосиф исповедует Иисуса Мессией, то, наоборот, он должен был сказать о Нем значительно больше. Исходя из соображений литературно-критического порядка, Флавий касается времени правления Понтия Пилата с точки зрения непрерывных политических волнений. В такой композиции совершенно непонятно чисто догматическое излияние о Христе, не находящееся уже ни в какой связи с историей волнений. Поэтому возникают серьезные сомнения насчет подлинности этого отрывка из сочинения Иосифа Флавия. Вывод, который делают на этом отрицательном основании, заключается в том, что весь этот текст «Древностей» является более поздней христианской литературной вставкой (интерполяцией). Большинству древних авторов этот текст, скорее всего, не знаком: от христианских авторов с начала II века, существуя этот текст, следовало бы ожидать частых ссылок на него. Подобного мы совсем не видим.

Однако, Евсевий Кесарийский, церковный историк IV века знает об этом сообщении Иосифа Флавия («Церковная история», 1, 11,7–8). Еще более ранний автор, Ориген (III век) говорит, что Иосиф Флавий не признавал Иисуса Мессией («Толкование на Матфея», 10, 50; «Против Цельса», 1,47). Христианский автор епископ Агапий Иерапольский (+942) приводит слова Иосифа Флавия в арабской версии и, что очень важно, в более краткой скептической форме без признания Христа Мессией. Поэтому, скорее всего, данный отрывок существовал изначально, но без исповедания Иисуса Христом. Вероятно, упоминание о Христе и ограничивалось словами о Нем как о «человеке праведном и добром», о котором свидетельствовали знамения и чудеса и вера его последователей, считавших, что он воскрес из мертвых. Христианская переработка касалась, видимо, только догматической оценки («Он был Христос») и общего благожелательного тона по отношению к христианству («Он был учителем людей, с радостью принимающих исти-

ну»). Отношение самого Иосифа Флавия ко Христу и Его последователям вряд ли было положительным или даже нейтральным. Рассказ приходится примерно на середину книги, когда описываются события с назначения Каиафы до смещения Каиафы и Пилата – раздела негативного и критического по отношению к суровости римлян и безрассудному поведению различных иудейских религиозных групп. Иисус и Его последователи (Иаков, а равно и Иоанн Креститель), вероятно, рассматривались как еще одно «волнение», вызванное ложно направленными мессианскими чаяниями. Даже, если интонация оригинала была по отношению ко Христу негативной, Иосиф считал, что Иисус говорил о своем мессианстве и почитался последователями вплоть до веры в Его Воскресение. Уже хотя бы это дает определенную информацию о служении Христа, возможно, Его самосознании и политических факторах, которые привели Его к аресту и распятию.

Апокрифические евангелия. Кроме внебиблейских источников существуют, причем в большом количестве, христианские апокрифические и близкие к ним гностические евангелия. Писались они на протяжении нескольких столетий, многие из них – абсолютно независимо друг от друга и от четырех наших канонических Евангелий и в разнообразных жанрах и стилях. Конечно, даже самые древние из них, не говоря уже о более поздних, не могут претендовать на авторитет ясных исторических источников жизни Христа. В этом отношении апокрифы способны послужить контрастом, сравнением в явную пользу историчности и других достоинств канонических Евангелий. Однако, отметим, что многие предания о жизни и учении Иисуса, порой очень важные для изучения канонических Евангелий, отражаются в другой раннехристианской литературе.

Например, «Евангелие Фомы», представляет собой собрание 114 высказываний Христа с добавлениями повествовательного контекста. Дата написания евангелия для исследователей колеблется от конца I до конца II века, местом – считается Восточная Сирия (здесь сохранялось почитание апостола Фомы, основателя церкви в Эдессе и духовного «близнеца» Иисуса»), а средой – круги христиан, близкие к гностикам или иудеохристианам. Большинство высказываний «Евангелия Фомы» имеют параллели в синоптических евангелиях и их влияние нельзя исключать. Однако, вероятнее всего, «Евангелие Фомы» основано на независимой восточносирийской традиции.

«Евангелие Петра», наоборот, представляет собой повествование, начиная с конца суда над Христом, затем, - распятие, погребение, Воскресение Христа и прерывается на явлениях Воскресшего. Оно было хорошо известно в древности (о нем знали Ориген, Серапион Антио-

хийский, вероятно, Иустин Мученик) и считалось гностическим (точнее – докетическим) по своему происхождению. Это во многом объясняет не только древность написания, но и

«Деяния Пилата» стремятся доказать действительность Воскресения Христа и наличие даже неопровержимых доказательств этого

предмет описания – докетов интересовал именно воскресший Христос, что засвидетельствовано многими, и Его слова и учение по Воскресению. Согласно Оригену в «Евангелии Петра» сообщалось, что «братья Господни» были сыновьями Иосифа от первого брака. Это может означать, что «Евангелие Петра» начиналось с повествования о Рождестве Иисуса. Судя по тексту, которым мы располагаем, для «Евангелия Петра» характерны интерес к исполнению пророчеств в повествовании о страданиях Спасителя, высокий элемент чудесного и сильная апологетика в стремлении доказать реальность Воскресения Иисуса.

Также определенной антииудейской направленностью отличается «Евангелие Никодима», состоящее из двух частей – «Деяния Пилата» и «Сошествие во ад». Первая часть посвящена рассказу о суде над Христом, Его распятии и расследовании, которое провел синедрион и получил доказательства Воскресения Иисуса. Вторая – повествует о деяниях Христа в царстве смерти между Его смертью и Воскресением, о Его победе над силами ада и освобождении Адама и умерших праведников. Заметим, что «Деяния Пилата» стремятся доказать действительность Воскресения Христа и наличие даже неопровержимых доказательств этого.

Существовали еще интересные евангелия, которые можно объединить общим иудеохристианским происхождением: «Евангелие евреев», «Евангелие назореев», «Евангелие евионитов». О них мы знаем из некоторых цитат святых отцов или смутных сообщений. От «Евангелия евреев» сохранилось лишь семь цитат, но они довольно оригинальны, без всякой зависимости от канонических Евангелий. Уникален рассказ о явлении воскресшего Христа Его брату Иакову Праведному. Другие евангелия, «Евангелие назореев» и «Евангелие евионитов» – близки к Евангелию от Матфея, но, если первое существовало на арамейском языке, то второе стремилось гармонизировать различные евангельские тексты в один общий. К тому же «Евангелие евионитов» отражало их богословские взгляды: начинается евангелие с Крещения, так как евиониты отвергали истинное богосыновство Иисуса по человеческой ипостаси.

Начиная со II века повышается интерес к семье и ранним годам жизни Иисуса, что порождает немало произведений, посвященных

Сама критика иудеев и ответ на нее в виде «Протоевангелия» абсолютно не сомневаются в историчности Марии, Иисуса и других персонажей событий Рождества Христа

исключительно этой теме. Уже само обращение к этой теме показывает, что Христа рассматривали в контексте истории и, естественно как историческую личность. «Протоевангелие Иакова» рассказывает о

чудесном рождении Марии от прежде бездетных родителей Иоакима и Анны, которые посвящают ее Богу и отдают ее в Храм, где она и живет, пока ее не вверяют Иосифу. События от Благовещения до избегания младенцев в Вифлееме заканчиваются упоминанием мученической кончины Захарии, отца Иоанна Крестителя. По рождению Иисуса в пещере подчеркивается сохранение девства Марии, а братья Иисуса являются детьми Иосифа от первого брака. Одному из них, Иакову, приписывается написание евангелия (написано, скорее, во II веке в Сирии). Видна здесь и цель «Протоевангелия» – прославление Марии как непорочной Девы, что понятно в полемике против антихристиан-иудеев. Представляется саморазумеющимся утверждение, что и сама критика иудеев и ответ на нее в виде «Протоевангелия» абсолютно не сомневаются в историчности Марии, Иисуса и других персонажей событий Рождества Христа.

«Евангелие детства» повествует, главным образом, о чудесах, совершенных Иисусом в детстве (чудо Иисуса с оживлением глиняных воробьев появляется позже в Коране), что должно было доказывать сверхчеловеческую природу Спасителя. Коптская «История Иосифа» делает для Иосифа то же самое, что и «Протоевангелие» для Марии – подчеркивает благородство и святость Иосифа и девство Марии. Несмотря на то, что «История» известна с более позднего времени, она и «Евангелие детства» восходят к независимым и неизвестным нам источникам раннего происхождения.

Обилие апокрифической литературы о Христе слишком велико, чтобы рассмотреть хотя бы часть. В Египте было известно «Евангелие египтян» (видимо энкратитского происхождения); по сообщению Климента Александрийского он знает «Тайное евангелие Марка» (учение Христа некоему воскресенному Им юноше о тайнах Царствия Божия); гностические евангельские тексты – «Апокриф Иакова», «Книга Фомы», «София Иисуса Христа», «Беседа со Спасителем», «Евангелие Марии», «Апокалипсис Петра», и равно, негностические – «Вопросы Варфоломея», сирийское и эфиопское «Завещание Господа», повествуют об учении Христа по Воскресении, как правило, в виде диалогов с апостолами.

В Палестине в I веке произошло нечто такое, а в центре этого был тот самый Иисус из Назарета, что заставило многих и многих людей взяться за перо и написать повествование о Нем

В любом случае, обилие апокрифической литературы пусть, даже, не самой надежной в смысле опоры в исторической науке, говорит о несомненной историчности личности Христа. Иными словами, в Палестине в I веке произошло нечто такое, а в центре этого был тот самый Иисус из Назарета, что заставило многих и многих людей взяться за перо и написать повествование о Нем. Это повествование могло приобретать различную форму, чаще всего литературную, и поэтому далеко, с точки зрения науки, ненадежную или достоверную. Огромное разнообразие этих литературных форм говорит как раз в пользу историчности Христа и, даже, Его Воскресения: только крайне необычное явление и, самое главное, затронувшее души людей в различных странах и культурах могло вызвать к жизни эти различные и множественные формы литературного творчества.

Канонические Евангелия. Обратимся теперь к нашим каноническим Евангелиям. По самому здравому смыслу должно быть ясно: наиболее обстоятельные и заслуживающие доверия сообщения о Иисусе нужно искать там, где Иисус влиял на Свое окружение, то есть в кругу Его приверженцев и учеников. Правда, этот круг должен быть тщательно изучен с той точки зрения, заслуживает ли он доверия, состоит ли он из духовно безупречных правдивых свидетелей. Самые древние воспоминания о Иисусе записаны в четырех Евангелиях, которые дышат на своих страницах свежим духом лично пережитого и в целом являются непосредственным отголоском апостольской изначальной проповеди. Приходится также отмечать, что сами Евангелия были написаны, главным образом, для богословских, а не исторических целей. Другими словами, четыре признанных евангелиста – Матфей, Марк, Лука и Иоанн – желали прежде всего передать современникам свое понимание личности, деяний и учения Иисуса Христа. Поэтому Евангелия необходимо оценивать в соответствии с историографическими канонами времени, когда они были написаны, а не сравнивать с современными представлениями о историческом достоверном отчете.

Свидетельство апостола Павла. С чисто литературной точки зрения не Евангелия, а послания апостола Павла, особенно к Римлянам и Галатам, а также два послания к Коринфянам, являются одними из древнейших свидетельств о Христе из христианских уст. Павел не имел никакого исторического интереса к Иисусу в современном – на-

Тайна Христа для апостола завершается тем, что Он, как Божий «собственный Сын» (Рим. 8:3; 8, 3 2; Гал. 4:4) «в образе раба» (Фил. 2:7), явился на земле

учном смысле. Его внутренняя заинтересованность направлена не на тщательное собирание известий о Христе, не на полноту описания Его общественной деятельности, даже не на

восстановление Его исторически точного образа. «Если мы знали Христа по плоти [то есть в Его чисто человеческом виде], то теперь уже не знаем Его так», – пишет апостол (II Кор. 5:16). Перед его верующей, молитвенно настроенной душой стоит не «Иисус по плоти», то есть не Иисус в Своем земном человеческом образе, но «Христос по духу», то есть божественный Христос, Христос веры. Это для Павла Тот же Христос, Которого он преследовал совсем недавно как «человека Иисуса» в лице Его последователей. Тайна Христа для апостола завершается тем, что Он, как Божий «собственный Сын» (Рим. 8:3; 8,32; Гал. 4:4) «в образе раба» (Фил. 2:7), явился на земле. Представление о Христе равномерно охватывает Его Божественную и человеческую природу, – догматический интерес, интерес веры относится не только к Божеству, но и к человечеству. Конкретно этот интерес проявляется к тому Человеку Иисусу, Который как потомок Авраама (Гал. 3:16) из племени Давидова (Рим. 1:3) родился от

Павлу мы обязаны обстоятельнейшим и вернейшим описанием Воскресения Христа (I Кор. 15:3 и далее)

женщины и был под иудейским законом (Гал. 4:4). Здесь, в этом догматическом интересе к «Человеку Христу Иисусу» (I Тим. 2:5) лежит главное побуждение к историческим высказываниям апостола об Иисусе. Образ Христа у Павла состоит не из греческих мифических фантазий и сложных терминов и не из иудейских апокалиптических ожиданий и мечтаний. Наоборот, это – образ Христа из плоти и крови. Павлу мы обязаны обстоятельнейшим и вернейшим описанием Воскресения Христа (I Кор. 15:3 и далее). Он стремится точно и тщательно перечислить явления Иисуса, что только показывает его заботу об исторической достоверности. В том же месте он честно признается, что получил эти сведения из предания. Павел сам был озабочен правильностью и исторической наглядностью своего учения, о чем свидетельствует его замечание галатам – он как бы «предначертал» пред ними распятого Иисуса (Гал. 3:1). Апостол точно рассказывает среди прочего о последней тайной вечери Христа, о предании Господа, о Его аресте в ту же ночь (I Кор. 11,23–25). Постоянно возвращается он к страждущему Христу, чьи раны он носит на своем теле (Гал. 6:17). С точно-

стью цитирует он многие изречения Господа (I Кор. 7:10; Рим. 14:14 и другие). Он употребляет некоторые изречения Христа, от которых у четырех канонических евангелистов сохранился только общий смысл, как, например, повеление Господа проповедникам Евангелия жить от благовествования Евангелия (I Кор. 9:14). Подчеркнуто слушателям своим он напоминает «закон Христа» (Гал. 6:2; I Тим. 5:18), отличая свои слова от слов Господа (I Кор. 7:12). Несравненно чаще, чем у кого-либо другого из апостолов, повторяются у него основные слова евангельской проповеди о Царствии Божиим и Отце Небесном. Таким образом, вся его проповедь о Христе ориентирована на строго исторических контурах Личности и учения Иисуса.

Вся его проповедь о Христе ориентирована на строго исторических контурах Личности и учения Иисуса

Конечно, сам апостол не был прямым учеником Христа в первоначальном смысле этого слова, но, при этом, он и не ссылается на свидетельство своих ушей и глаз. Более точные сведения он получает впоследствии от тех первых христиан, которых он преследовал «до смерти» (Деян. 22:4). Позже Павел общается с первоапостолами, прежде всего с Петром и Иаковом (Гал. 1,18–19). Таким образом апостол Павел получил возможность пролить на образ Христа немало света, так, что благодаря ему очень многое мы знаем и воспринимаем из проповеди Иисуса.

Конечно, сам апостол не был прямым учеником Христа в первоначальном смысле этого слова, но, при этом, он и не ссылается на свидетельство своих ушей и глаз. Более точные сведения он получает впоследствии от тех первых христиан, которых он преследовал «до смерти» (Деян. 22:4). Позже Павел общается с первоапостолами, прежде всего с Петром и Иаковом (Гал. 1,18–19). Таким образом апостол Павел получил возможность пролить на образ Христа немало света, так, что благодаря ему очень многое мы знаем и воспринимаем из проповеди Иисуса.

Возникает вопрос, можем ли мы доверять Павлу в его свидетельстве о Христе? Вряд ли найдется такое же историческое свидетельство, которое было засвидетельствовано кровью сердца, как его. Первоначально Павел был в высшей степени возмущен свидетельствами такого же рода. Он «преследовал и связывал» всех, кто держался учения Христа (Деян. 22:4). Христос был ему чужд, вызывал лишь досаду и ненависть. Правда, в апокалиптических ожиданиях его народа Мессия выступал как «небесный» человек (I Кор. 15:48) или «Премудрость Божия» (I Кор. 1:30). Его образ Мессии носил поэтому, в отличие от многих иудеев, черты духовности и небесности. Тем не менее этот Мессия представлялся в целом с царскими чертами, а не был распинаемым и умирающим. Этот распятый Христос и встретил его на пути в Дамаск, чтобы озарить его сердце, просветить познанием славы Божией. (ср. II Кор. 4:6). Теперь Павел себя называет «апостолом Иисуса Христа», Его «рабом», «службой». Так именно апостол Павел, обратившись из ненависти к любви ко Христу, сделался верным свидетелем Христа.

Эти же критерии древности, подлинности и достоверности необходимо отнести и к каноническим нашим четырем евангелиям. Пер-

вые три евангелиста, обычно именуемые синоптиками, Матфеем, Марком и Лукой, не собирались писать максимально оригинальные произведения, чтобы изложить отличные от других личные представления о Христе. Напротив, их цель состояла в систематизации всего общехристианского достояния, что передавалось о Христе, что было известно общинам христиан из рассказов апостолов. И содержание, и форму они широко переняли от уже имевшегося устного предания, так что из синоптических Евангелий мы узнаем не только о том, что проповедовали ученики об Иисусе, но и как они проповедовали. При всей согласованности, понятно, что Матфей проповедовал иначе, чем Петр, а Петр иначе, чем Павел и Иоанн. Начиная писать, евангелисты уже стояли перед существующим единством и разнообразием типов проповеди о Христе. Авторство, как таковое, естественно, отодвигалось на задний план, но слова о Христе становились всем смыслом Евангелий. Письменное изложение этих преданий появляется, конечно, в определенном месте и во времени, одно раньше другого, но сами зафиксированные предания одинаково ценны по содержанию. Они все содержат воспоминания о Христе первого поколения христиан.

Древность Евангелий. Для современной науки большое значение имеет древность написания наших Евангелий, точнее, их приближенность по времени к земной жизни Самого Христа. Евангелия уже цитирует Игнатий Богоносец (+107). Об их древнем происхождении уже свидетельствует Папий Иерапольский (+130; сообщение сохранилось в цитате Евсевия Кесарийского, «Церковная история», 3,39), причем даже со знаменитым указанием об арамейском языке написания Евангелия от Матфея. Ириней Лионский (+202) подтверждает Папия и указывает, что первое Евангелие написано в то время, когда Петр и Павел были в Риме («Против ересей», 3,1). Евсевий добавляет, что поводом к написанию Евангелия послужил отъезд Матфея из Палестины («Церковная история», 3,24). Сторонники критического подхода стремились отодвинуть дату написания Евангелия от Матфея на более поздние времена, но удалось лишь на несколько лет после разрушения Иерусалима (75–85). Евангелист Матфей постоянно подтверждает исполнение древних пророчеств, но умалчивает исполнение пророчества Христа об Иерусалиме, что и произошло в реальной истории в 70 году. Это заставляет относить дату первого Евангелия к более раннему времени – 60-м и даже 50-м годам. Ириней Лионский полагает, что Марк написал Евангелие после смерти Петра в Риме, то есть около 64–65 годов («Против ересей», 3,1). Климент Александрийской указывает на более ранний срок – на время пребывания апостола Петра в Риме (ок. 45 – 65 гг.). В любом случае, Евангелие тесно связано с апо-

столом Петром и, вероятно всего с Римом, и не могло быть написано в большой срок после мученической кончины апостола, но, скорее, наоборот, при деятельном участии Петра. По отношению к Евангелию от Луки высказывались мнения о различных датировках написания – вплоть до II века (цитирует Иринея Лионский; «Против ересей», 3,13; 3,15). Евангелие имеет продолжение в Книге Деяний, являясь первой частью большого христианского произведения, но, при огромном интересе Луки к историческому процессу и событиям, ни одна из книг не упоминает ни кончину апостола Иакова (ок. 62 г.), ни апостола Павла, о проповеди которого говорит столь подробно Книга Деяний. Более того, в Книге Деяний не решен до конца вопрос о месте язычников среди христиан, а эта неопределенность характерна для ранних посланий апостола Павла. Максимально поздней датой следует признать начало 60-х годов. Развитое богословие четвертого Евангелия, от Иоанна, заставляло относить четвертое Евангелие к более позднему времени – началу II века. Найденный в Египте папирус Райлендса (p52), содержащий текст Ин.18:31, уже относится к самому началу II века. Ясно, что Евангелие написано несколько ранее. Чаще всего реальной датой считают последнее десятилетие I века. Конечно, датировка всех Евангелий I веком еще не доказывает самой историчности личности Христа, но заставляет с научной точки зрения доверять источникам, максимально приближенным к земной жизни Христа.

Конечно, датировка всех Евангелий I веком еще не доказывает самой историчности личности Христа, но заставляет с научной точки зрения доверять источникам, максимально приближенным к земной жизни Христа

Подлинность Евангелий. Многие критики евангельского текста пытались рассматривать историчность Евангелий в свете их авторства, а, значит, увеличить или уменьшить степень доверия к ним. Часто утверждали, что если верны традиционные церковные указания, то Матфей и Иоанн как непосредственные ученики описывали то, что видели своими глазами, а Лука и, видимо, Марк писали со слов очевидцев. Отсюда, мол, историческая достоверность Евангелий Луки и Марка должна быть слабее, писали они то, что им рассказали. Однако, неверную информацию могут предоставлять случайно или намеренно и прямые очевидцы. Одновременно, вторичные источники могут передать неискаженную информацию. Поэтому вопрос о авторстве не может быть поставлен в прямую зависимость от верности предания.

Заглавия всех четырех Евангелий были записаны не евангелистами, а добавлены позднее – вероятно в начале II века, когда и были со-

браны воедино в одно Евангелие. Анонимность авторов всех наших Евангелий может быть объяснена их убеждением, что пишут они не самобытные литературные произведения, а Благую весть от Бога, обещанную пророчествами и выраженную в учении Христа. Человеческого авторства в таком произведении быть не может. Уже Папий Иерапольский (+130) подтверждает подлинность наших Евангелий, то есть очень рано устанавливается их аутентичность, принадлежность в написании Матфею, Марку, Луке и Иоанну (цитирует Евсевий Кесарийский, «Церковная история», 3,39). Говорит четко и ясно об их авторстве и Ириней Лионский (+202; «Против ересей», 3,1). У нас нет серьезных оснований не доверять тем евангелистам, которые не были среди самых ближайших учеников Христа, но принадлежали к самым первым христианским поколениям, когда получить абсолютно точные сведения о жизни и времени Иисуса было вполне реально.

Трудно непреложно доказать авторство первого Евангелия именно за апостолом Матфеем. Многие упирается в знаменитое известие Папия о том, что первоначально апостол записал «речения» Господа на арамейском языке, а потом они уже были переведены на греческий.

Сие произошло, да сбудется реченное
Господом через пророка

Для многих это служит достаточным указанием опровергать Матфея как действительного писателя Евангелия: мог собрать и написать «слова»

Христа, а кто-то другой перевел на греческий и оформил в законченное Евангелие. Естественно, Евангелие содержит множество ссылок на Ветхий Завет, что отражает проповедь о Христе иудеям (точнее, видимо, иудеохристианам), а не язычникам (постоянно, к примеру, используется ветхозаветные аргументация: «Сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка» – 1:22; 2:5,15,17,23; 3:3; 4:14). Конечно, это может говорить не только о древности Евангелия, но и о прямо апостольском происхождении – несколько десятилетий проповедь к иудеям была прерогативой и доминирующей в сознании ранней церкви. Иисус в изображении Матфея никогда не критикует закон Моисея, следует большинству его предписаний, в Нагорной Проповеди предстает как «новый Моисей», сам закон должен стать более совершенным и внутренним, что говорит об авторе, как человеке с иудейской ментальностью, а не языческой. Бесспорных указаний на апостола Матфея в самом Евангелии мы не видим, но косвенные явно присутствуют. Автор первого Евангелия не интересуется проблемами вселенской Церкви, а заостряет внимание на Церковь в Палестине. Некоторые палестинские обычаи остаются совершенно без объясне-

ния (например, омовения, десятины, обычай делить гробы). Также не переводит на греческий язык некоторые иудейские понятия (например, «осанна», «корван», «рака» и другие). Евангелисты Марк и Лука называют одного из апостолов «Левием» (Мар. 2:14; Лук. 5:27) и только первое Евангелие именует его «Матфеем». Не означает ли это, что для автора этого Евангелия имя Матфея, после его призыва следовать за Христом, приобрело более важное значение, чем Левий? Матфей как сборщик податей более четко ориентируется в мире денег и податей (в Иудее действовала тройная денежная система – иудейская, греческая и римская): он различает монеты (кодрант, драхма, статир и другие), точно использует для податей слово «номисма» (вместо общего «динарий» у других евангелистов). Все это, конечно косвенно, указывает на Матфея как на писателя первого Евангелия. В древности была распространена традиция называть свое сочинение именем какого-либо очень авторитетного лица. Возможность того, что кто то, написавший Евангелие от Матфея, назвал его именем, мы должны исключить: Матфей мытарь не был столь высоко авторитетным апостолом среди двенадцати, как, например, Петр, Иаков или Иоанн. Невысокая значительность самого апостола Матфея говорит в пользу именно его авторства первого Евангелия, что и подтверждает через несколько десятилетий своим сообщением Папий Иерапольский (+130).

Авторство Марка также подтверждается Папием Иерапольским, который еще и сообщает, что Иоанн Марк был сотрудником (точнее, переводчиком) апостола Петра («Церковная история» 3:39). Последующие писатели древности в один голос подтверждают тесную связь Марка с апостолом Петром (Иринеи Лионский, Климент Александрийской, Ориген, Иероним Стридонский). Иоанн Марк довольно часто упоминаемое имя в разных книгах Нового Завета – в качестве племянника Варнавы, спутника Петра и Павла, христианина, в доме матери которого, Марии, в Иерусалиме собирались первые христиане (Деян. 12:12,25; 13:35; 15:37–39; I Петр. 5:13; Флм. 24; Кол. 4:10; II Тим. 4:1). Его Евангелие отличается динамичностью и действенностью, практически без каких-либо лишних отвлекающих элементов, но, неожиданно, при повествовании ареста Иисуса у Гефсимании, появляется некий «юноша», завернутый по нагому телу в покрывало, его схватывают воины и он, отбросив покрывало, убегает. Не называется имя юноши, ни его роль в описываемых событиях. Единственное предположение об этом загадочном «юноше» может сводиться к тому, что это и есть сам Иоанн Марк, который и приводит в Евангелии свое личное, детское воспоминание об аресте Иисуса на дороге у Гефсимании. Его малолетним возрастом при евангельских событиях, принадлежно-

стью матери Марии к первым христианам, сотрудничеством с апостолами, в первую очередь, с Петром, и может быть объяснена его прекрасная осведомленность о Христе и непринадлежность, одновременно, к апостолам.

Евангелист Лука также упоминается в посланиях Павла, и в качестве сотрудника, и как «возлюбленный врач» (Фил. 23; Кол. 4:14). Знаменитый «Мураториев канон» (около 170–180 гг.) и Иринея Лионский («Против ересей», 3,1; 3,14) указывают на то, что упомянутый у Павла Лука и есть писатель Евангелия и Книги Деяний. Третье наше Евангелие цитирует уже Климент Римский (ок. сер. 90-х гг.; I Клим. 13:2; 48,4). Другими словами, во II веке существует уверенность в отождествлении писателя Евангелия с Лукой из посланий Павла. «Антимаркионитский пролог» (одно из древнейших предисловий к Евангелием, ок. 175 г.) сообщает, что Лука происходил из Антиохии Сирийской, был врачом, холост, сопровождал Павла и писал в Ахайе. Опять же церковным писателям II века не было никакого смысла приписывать написание Евангелия не апостолу, что придало бы больший авторитет изложенному, а Луке, мало чем примечательному спутнику апостолов. Единодушное мнение о Луке как писателе нашего третьего Евангелия и Книги Деяний является уже достаточным доводом в пользу его руки. Есть и в самих книгах косвенные доказательства авторства Луки. Сам писатель, не будучи учеником Христа, описывает в Книге Деяний некоторые события с местоимение «мы», что позволяет говорить о нем, как спутнике именно апостола Павла и очевидце проповеди апостола (Деян. 16:10–17; 20:5–15; 21:1–18; 27:1–28,16). Он присоединяется к Павлу в Филиппах, сопровождает апостола в Иерусалим, остается в Кесарии и, наконец, сопровождает Павла в путешествии в Рим. Скорее всего, Лука был язычником, но, неясно, был ли он семитом или греком. Возможно, был прозелитом или интересующимся иудейской верой человеком, что повлекло его в Иерусалим на Пасху и сделало его христианином: он мог быть одним из тех самых двух путников в Еммаус, которым и явился воскресший Христос (Лук. 24:13–28) – очень это описано подробно и с психологическими особенностями.

Написание четвертого Евангелия именно апостолом Иоанном сыном Зеведея фиксирует Иринея Лионский (+202), добавляя, что этот тот самый ученик Господа, возлежавший на груди Иисуса на тайной вечери. («Против ересей», 3,1). Несмотря на то, что сообщение Иринея Лионского восходит к концу II века, оно имеет крайне важное значение: сам Иринея был учеником Поликарпа Смирнского (+156), скончавшегося мученически в возрасте 86 лет и который, в свою очередь, был учеником Иоанна Богослова, жившего и пропове-

довавшего в Ефесе. На примере Иринейя мы видим редкую возможность проследить восприятие апостольской проповеди вплоть до конца II века. «Мураториев канон» (древний римский перечень книг Нового Завета; ок. 170 г.), отражая веру римских христиан, считает, что апостол Иоанн взялся за написание Евангелия после того, как апостол Андрей видел сон с повелением Иоанну взяться за перо. Писатели начала III века всецело признают авторство Иоанна (Климент Александрийской, Тертуллиан, Ориген) и место, где Евангелие было написано – Ефес, центр провинции Асия. Существуют и внутренние свидетельства подлинности четвертого Евангелия в пользу апостола Иоанна. В прологе он говорит о воплощении Логоса и том, что «мы видели славу Его» (1,14) и естественно думать об указании на очевидцев, в том числе и авторе. Автор описывает смерть Господа на Голгофе, пронзание воином копьем ребра Спасителя и подтверждает это личным свидетельством: «и видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (19:35). И, наконец, заканчивает Евангелие знаменитыми словами: «сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (21:24). Совершенно очевидно, что запись основана на личном свидетельстве, на основе которого и составляется четвертое Евангелие.

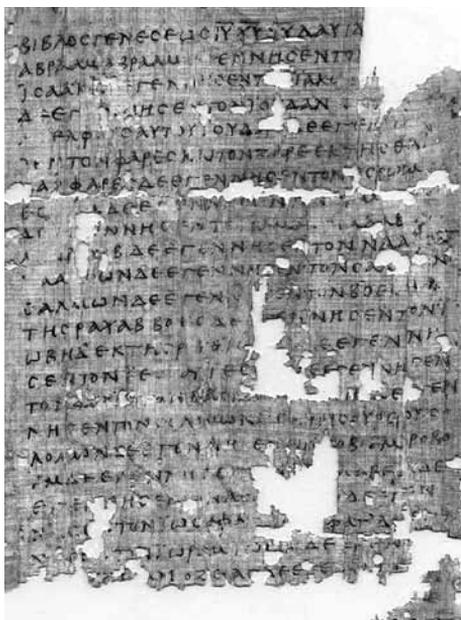
Достоверность Евангелий. Наконец, не может подлежать сомнению достоверность евангельских рассказов. Первое, что бросается в глаза при прочтении синоптических Евангелий и сравнении их друг с другом, это многочисленные совпадающие места, параллели и зависимости

Не может подлежать сомнению достоверность евангельских рассказов

друг от друга, с другой стороны, их явные разногласия в подробностях, их дублирования, внешний характер построений, схематичность их способа изложения. Однако, все это и дает нам безусловное ручательство, что перед нами первоапостольское, первохристианское предание. В этом проявляется тщательное старание евангелистов передать предание о Христе, поскольку оно содержало апостольские воспоминания со всеми приходящими обстоятельствами, не заботясь о шероховатости, противоречиях и повторениях. Они хотели быть только верными свидетелями предания. Так, например, евангелист Лука обращается к событиям детства Христа и привлекает не греческие, а палестинские пояснительные источники, видимо, скрупулезно и точно переводит с арамейского все слова и выражения. Семитский изначально характер всего повествования первых глав его Евангелия

Евангелисты сознательно сохраняют ответственную верность преданию, а не литературным или художественным намерениям, что можем увидеть в синоптических Евангелиях

намерениям, что можем увидеть в синоптических Евангелиях. Эти Евангелия абсолютно точно отражают внешние рамки истории Иисуса – политические, хозяйственные, общественные, социальные отношения в иудействе, вплоть до пошлины и пожарной платы рабочим. Эти внешние рамки через несколько десятилетий навсегда исчезнут из истории с разрушением Иерусалима. Именно евангелисты передают нам религиозные и политические идеалы иудеев тех лет, священный и повседневный язык, саму душу иудейства, хотя вскоре эта душа изменится кардинально с рассеянием иудеев Палестины. Конечно объяснение такой исторической точности лежит ни в чем другом, как во внутренней связи и евангелистов с Иисусом и с Его словом, в их верности Христу, благодаря которой они трепетно заботились о том, чтобы ничего не прибавлять к передававшимся словам Господа, и ни-

Фрагмент Евангелия от Матфея.
Папирус начала II в.

не вызывает никаких сомнений (источником, скорее всего, была Богородица).

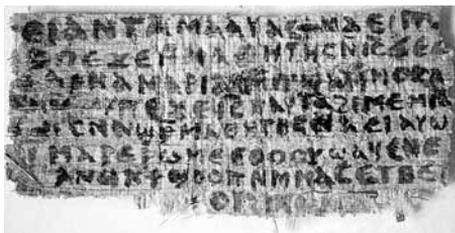
Евангелисты сознательно сохраняют ответственную верность преданию, а не литературным или художественным

намерениям, что можем увидеть в синоптических Евангелиях. Эти Евангелия абсолютно точно отражают внешние рамки истории Иисуса – политические, хозяйственные, общественные, социальные отношения в иудействе, вплоть до пошлины и пожарной платы рабочим. Эти внешние рамки через несколько десятилетий навсегда исчезнут из истории с разрушением Иерусалима. Именно евангелисты передают нам религиозные и политические идеалы иудеев тех лет, священный и повседневный язык, саму душу иудейства, хотя вскоре эта душа изменится кардинально с рассеянием иудеев Палестины. Конечно объяснение такой исторической точности лежит ни в чем другом, как во внутренней связи и евангелистов с Иисусом и с Его словом, в их верности Христу, благодаря которой они трепетно заботились о том, чтобы ничего не прибавлять к передававшимся словам Господа, и ни-
чего не пропустить в них. Их литературная верность по сути была верой в Иисуса, примененной на деле.

Евангелие от Матфея написано, вероятно, для иудеев или христиан из иудеев и поэтому, иудейские обычаи или выражения не всегда разъясняются: «филактерии» (в русском переводе – «края одежды», 9:20–22; 14:36). Построено практически все Евангелие на Ветхом Завете, Христос представлен как «новый Моисей», что заставляет нас принимать писателя с иудейской ментальностью, использующего богословской багаж иудаизма.

Евангелие от Марка считается самым простым по своему

стилю. Однако эта простота является следствием динамичности с быстрой сменой одних событий другими, что подчеркивается глаголами настоящего времени и выражением «и тотчас». Каждое событие Евангелия связывается с предыдущим хронологически («в субботу»,

Фрагмент Евангелия от Марка.
Конец I в.

«через несколько дней», «когда наступила суббота», «на другой день», «был час третий» и другие) и по месту («в пустыне», «в реке Иордане», «в Галилею», «в синагоге», «на другой берег» и другие). Топографических указаний в Евангелии очень большое количество, что говорит о том, что Марк прекрасно разбирается с местами Палестины и привязывает их к реалиям происходившего. Конечно, в отличие Евангелия от Матфея, Марк гораздо реже цитирует Ветхий Завет, но так же переводит для читателя специфические арамейские выражения (например: «говорит [Христос] ей: «талифа-куми», что значит: «девица, тебе говорю, встань»», 5:41; ср. «Воанергес» (3:17); «корван» (7:11); «еффафа» (7:34)). Это подтверждает его иудейское происхождение и то, что, скорее всего, пишет свое Евангелие не для иудеев. Знание Марком иудейских обычаев, например, ритуалов омовения (7:1–23; и других – закалывание пасхального агнца (14:12); начало субботы (15:42)), говорит о нем только как о хорошо осведомленном писателе – эти пояснения не могли появиться в более позднюю эпоху и в неиудейской среде.

Евангелие от Луки является первой частью большого труда, продолжением которого мы видим в Книге Деяний. Рассматривать их необходимо, конечно, в обобщенной

Лука показывает читателям богословскую важность всей евангельской и апостольской истории

связи друг с другом. В целом именно двухтомный этот труд евангелиста Луки можно считать историческим произведением Нового Завета. Однако, так как история

касается уникальной Личности, Иисуса, то богословский взгляд все равно превалирует. Правильнее сказать, что Лука показывает читателям богословскую важность всей евангельской и апостольской истории. Не являясь прямым учеником Христа, он очень добросовестно собирает весь доступный для него материал. Видно, что, особенно, Луку поразила забота и любовь Христа к самым «про-

Луку поразила забота и любовь Христа к самым «простым» людям

стым» людям: священник Захария, Елизавета, сестры Мария и Марфа, мытарь Закхей, Клеопа и многие другие предстают в великолепных и точных образах. Даже отверженные не лишаются любви Господа: грешница (7:36), изменяется Закхей (19:8), разбойник приносит покаяние (23:39). Особое внимание он обращает на женщин, которые следуют за Христом, плачут и рыдают. К «нищим» и «униженным» Господь часто проявляет милосердие (6:20; 30; 14:12 и далее), фарисеи обвиняются в сребролюбие (16:14), первое «горе вам» адресуется богатым, уже получившим свое утешение (6:24), что служит особенностью взгляда Луки на проповедь Христа. Исторические привязки писателя третьего Евангелия и определяют всю добросовестность его работы – многие события он связывает с известными политическими фигурами (Захария жил во времена царя Ирода – 1:5; Иисус родился при кесаре Августе, когда Квирий правил Сирией – 2:1; Иоанн стал пророком в пятнадцатый год правления Тиверия – 3:1). Напоминает иногда некие события, тогда широко известные (убийство галилеян по приказу Пилата – 13:1; падение Силоамской башни – 13:4). Точность характеризует и его повествование Книги Деяний: Филиппы обозначаются как римская колония во главе со «стратегом», употребляет полный титул проконсула Сергия Павла. Несмотря на свое, скорее всего, неудейское происхождение Лука великолепно приводит речи, изначально произнесенные на арамейском – особенно песнь Богородицы («Величит душа моя») или песнь Захарии «Благословен Господь Бог»). Образ Иисуса Евангелия от Луки, несомненно, является наиболее интересным из всех синоптических.

Евангелие может сказать нам и то, что Иоанн сам очевидец тех знаменательных событий

Литературный стиль Евангелия от Иоанна совсем другой, но и четвертое Евангелие является бесценным, необходимым источником жизнеописания Иисуса. Если синоптики стремятся человечество Иисуса возвести до Божества, то Иоанн – светом Его Божества ярче осветить Его человеческую жизнь. Опирается Евангелие на личную увлеченность, на стремление показать славу Единородного, полную благодати и истины уже в Его земной жизни. Отсюда подробные речи Иисуса, отражающие Его живое сознание Богосыновства, отсюда описание Его чудес как проявление Божественности, и отсюда преобладающий свет, в котором происходит вся земная жизнь Господа. Без сомнения, Иоанн думал по-арамейски и писал по-гречески, что не позволяет думать, что Евангелие возникло значительно позже на основе эллинистически-восточного синкретизма. Иоанна выдает пре-

красное знание им иудейских обычаев: упоминает обряд очищения (2:6), обряд возлияния и освящения во время праздника кущей (7:37; 8:12), знает положение иудейской женщины (4:27), законы о субботе (5:10; 7:21–23; 9:14), отношение иудеев к иудеям рассеяния (7:35). Он приводит географические детали, о которых может знать только житель Палестины I века: существует две Вифании (1:28; 12:1), Сихарь близ Сихема (4:5), колодец Иакова близ горы Гаризим (4:21), Енон близ Салима (3:23), Ефраим возле пустыни (11:54). Евангелие может сказать нам и то, что Иоанн сам очевидец тех знаменательных событий. Он упоминает шесть, именно шесть, каменных водоносов в Кане (2:6), двадцать пять или тридцать стадий, которые проплыли ученики по морю Галилейскому (6:19), сообщает точное количество рыбы (153) и расстояние от берега (200 локтей) при явлении Воскресшего Христа ученикам (21:8; 11). Другие незначительные детали, такие как пять ячменных хлебов (6:9), благоухание в доме (12:3), реакция воинов на арест Иисуса (18:6), количество смирны и алоэ для помазания Иисуса (19:39) создают уверенность в том, что писатель четвертого Евангелия присутствовал при всех этих событиях. Он один сообщает нам имена людей, которые задействует повествование: Мария, сестра Лазаря (13:3), раб Малх, которому Петр отсек ухо (18:10) а, также, Нафанаил, Никодим и Лазарь. Несмотря на то, что это Евангелие, в первую очередь, богословское размышление, оно абсолютно не лишено исторической точности. Автор этого Евангелия должен был быть тот, кому не только многое известно о Христе, но который с нежностью и любовью прислушался к внутренней жизни Учителя.

Утверждая подлинность и первоначальность наших источников о Христе, мы непосредственно подходим к первым ученикам Христа. Вопрос доверия мы уже ставим не столько к самому евангельскому тексту, сколько всем их поручителям, всем первоученикам как свидетелям, происходивших событий. Апостолы, благовестники, проповедовали Христа не по одиночке, а как части целого нового сознания – общины верующих в Воскресшего. Они разошлись на большие расстояния от род-

Первые христиане проповедуют Христа, чаще всего рискуя своей жизнью, что затрудняет понимать их свидетельство как сознательный обман или сознательную неправду

Сложно сомневаться в том, что Евангелия не предполагают уже веру в истинное Божество Иисуса, вочеловечшегося Сына Божия, в живого Бога, Который из любви к нам сделался человеком

Один и единственный Бог Ветхого Завета продолжается в одном и единственном образе Сына Божия на земле

ной Палестины, бросив свои старые повседневные занятия и работы, оставляя везде веру не в какого то мифического нового божка, а в реальность

чуда Воскресения Иисуса и любви Бога к человеку. Единство и многогранность этой проповеди «рыбарей» дает их свидетельству высшую степень надежности. Первые христиане проповедуют Христа, чаще всего рискуя своей жизнью, что затрудняет понимать их свидетельство как сознательный обман или сознательную неправду. Их слишком много, чтобы изначально считать их прямыми обманщиками и идиотами веры. Отдельные лица, которые опираются на идеалы, мечтания, представления из экзальтации собственного или чужого духа, не будут иметь разумного обоснования или контроля. Такое сознание всегда способно заблудиться и потеряться в диких спекуляциях и мечтаниях. В противоположность этому христианская проповедь была плодом целой общины, вышедшей из Палестины, и которая тщательно заботится о вернейшем сохранении апостольского предания (апостол предупреждает, например, не уклоняться от «путей во Христе» (I Кор. 4:17) или от «здорового учения» (I Тим. 6:3)). Внутри этой общинности, изначально неверное и удаленное от слов Учителя, обособлявшиеся умы, обрекали себя на неудачу.

Сложно сомневаться в том, что Евангелия не предполагают уже веру в истинное Божество Иисуса, вочеловечшегося Сына Божия, в живого Бога, Который из любви к нам сделался человеком. На основе этой веры Евангелия, собственно, и написаны. На почве христианских представлений нет места современной научной фантазии превращения человека в Божественную личность, естественному или искусственному процессу апофеоза человека. Христианство сразу и бесповоротно исповедует Христа, тайна Которого состоит в соединении простой человеческой природы с Богом, Иисус есть истинный человек и в то же время Сын Божий. Догматический интерес Евангелий, а еще более – органических сочинений о Христе, сосредоточивался на униженности человека, на том, что этот человек Иисус так же как и мы родился, переживал голод и жажду, умер, но воскрес. В язычестве возможны были также обожествления или метаморфозы, но результатом подобного был не Богочеловек, а реализация божества, его очередное проявление. Поэтому задачей спасения для язычника была не онтологическая связь с Посредником, а участие в мистерии, становясь «Изидой» или «Митрой». Для христианина Иисус остается полным целым человеком, через которого и происходит спа-

сение. Бог, соединенный с этим действительным человеком, не есть для христианина один из многих богов или богинь с переходом от земного к небесному. Один и единственный Бог Ветхого Завета продолжается в одном и един-

Христос в земной жизни остается полным и цельным Человеком, но Свою глубочайшую действительность Он имеет в Божественном Слове, а спасение человека производит через Свое человечество

ственном образе Сына Божия на земле. Языческие религии допускали, конечно, страдающих и умирающих богов-спасителей. Однако, в этих воззрениях не присутствовала типично присущая Христианству вера в исключительность спасения в Иисусе Христе. Христиане не хотели мифических изысков и практически сразу же фиксируют в своих писаниях о Христе, человеке, который недавно был распят при Понтии Пилате, что Он и есть Спаситель мира, Богочеловек – это и было для язычников неслыханным сумасбродством и безумием. Ни иудейская, ни языческая мысль сама по себе не могла создать образ Христа, который светит в Евангелиях. Иными словами, невозможно представить как можно было «изобрести» такого Сына Божия, Который, к примеру, говорит на кресте: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил» (Мф. 27:46; Мк. 15:34). Иисус предстает как сотрапезник сборщиков податей, грешников и блудниц, одна из которых помазывает Его ноги елеем, а перед страданиями позволяет предателю целовать Его и молчит, когда плюют Ему в лицо. Такой униженный образ очень далек от творчества некоей религиозной общины, захотевшей «вылепить» из плотника из Назарета нового бога. Тогда как именно из живого проповедовавшего Иисуса для Его первейших учеников вырисовывается исповедание вечного Слова, явившегося во Христе. Это, уже тогда, в первом веке, составляет саму тайну Христа: Его человеческая природа, Его особое личное бытие воспринимает от Божественного Слова, единосущного Отцу и Духу. Христос в земной жизни остается полным и цельным Человеком, но Свою глубочайшую действительность Он имеет в Божественном Слове, а спасение человека производит через Свое человечество.

Протоиерей Игорь Аксенов

Репродуктивная свобода человека и Божественный Промысл

Позиции Русской Православной Церкви в отношении практики применения экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и суррогатного материнства, выраженной в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (ХП. 4.)¹ и Синодальном определении «О крещении младенцев, родившихся при помощи «суррогатной матери»»² часто противопоставляется тот аргумент, что если определённая часть людей рождаются с помощью ЭКО и суррогатного материнства, то, значит, им Самим Богом предопределено от вечности появиться в этот мир именно таким образом, а значит, и в самом экстракорпоральном оплодотворении и суррогатном материнстве нет ничего предосудительного.

Часто этот аргумент звучит ещё в более общем виде: если с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), таких как искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, клонирование начинается жизнь, то это означает, что Бог, дающий жизнь, благословляет и соответствующие биомедицинские технологии, приводящие к её возникновению. Такая позиция, кстати, присуща не только светским апологетам ВРТ, но и, в частности, Исламу, отношение которого к ВРТ было подробно мною рассмотрено в статье «Отношение к современным вспомогательным репродуктивным технологиям в Исламе»³.

В этой статье приводится информация, что на заседании Исламской Академии фикха (*The Islamic Fiqh Academy*) в 1997 году, в котором приняли участие 125 представителей со всех частей исламского мира, было достигнуто согласие, что клонирование не противоречит вероучению Ислама.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001, с. 94.

² Документ принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25-26 декабря 2013 года (журнал № 158). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3481024.html>

³ Аксенов И., прот. Отношение к современным вспомогательным репродуктивным технологиям в Исламе. «Церковь и время», № 2 (63), 2013.

В аргументации такого решения лежит характерная для Ислама вера в абсолютную предопределённость судеб всех творений и всего, что должно произойти до Судного Дня⁴, потому что в мире происходит только то, что пожелал Аллах, а то, что Он не пожелал, произойти и не может: «Аллах является Творцом вселенной, но Он установил систему причин и следствий в этом мире. Посев семян в землю является причиной, но только Аллах производит результат от него в виде растений. Точно так же клонирование является причиной, но только через волю Аллаха оно может быть успешным. Подобно тому, как человек, сеющий семя, не является создателем растения, которое вырастет, так же и специалист, осуществляющий клонирование, не является создателем животного, полученного в его результате. Только Аллах является Творцом и все творение существует только по Его Воле»⁵.

Прежде чем начинать полемику с подобного рода аргументами необходимо ещё раз ясно подчеркнуть ту принципиальную разницу, существующую в отношении к вспомогательным репродуктивным технологиям как таковым: от отношения к тем, кто пришёл в этот мир с их помощью, к которым у нас должно быть во всём предпочтение любви. Но, это не значит, что мы не должны иметь рассуждения о самих вспомогательных репродуктивных технологиях, которые позволяют «давать» жизнь не только в тех случаях, где естественным путём она возникнуть не может, но и теми способами, которые человеку, как биологическому виду, не присущи. И поскольку человек измеряется не только жизнью своего тела и этим веком, а вопросы жизни и смерти непосредственно относятся к области Промысла Божия о человеке в перспективе его вечной жизни, постольку становится актуальным и

⁴ «Веление Аллаха является решением предопределенным» (33:38); «Воистину, Мы сотворили каждую вещь согласно предопределению» (54:49). Коран на русском. Перевод смыслов Э. Кулиева. URL: <http://musulmanin.com/koran-na-russkom.html> «...и чтобы ты верил в предопределенность как хорошего, так и дурного» (хадис приводят Аль-Бухари, Муслим и др.). «Аллах Всевышний записал судьбы всего сотворенного за пятьдесят тысяч лет до того, как Он сотворил небо и землю» (Ат-Тирмизи, Абу Дауд и др.). URL: <http://islam.com.ua/gazeta/0503/fatum.shtml>

⁵ Оригинал текста: «Allah is the Creator of the universe but He has established the system of cause-and-effect in this world. Sowing a seed in the ground is the cause but only Allah produces the effect from it in the form of a plant. Similarly cloning is a cause and only through Allah's Will it can produce the effect. Just as the person sowing the seed is not the creator of the resulting plant, so the cloning technician is not the creator of the resulting animal. Allah alone is the Creator and all creation takes place solely through His Will». Mufti Taqi Usmani. Islamic Fiqh Academy: Deliberations of the 97 Meeting. Cloning. URL: <http://www.albalagh.net/qa/ifa.shtml>

рассмотрение этих вопросов не только с позиций современной науки, но и богословское осмысление этих вопросов.

Действительно, Бог обладает вечным ведением всего существующего: «*Ведомы Богу от вечности все дела Его*» (Деян. 15:18). Прп. Иоанн Дамаскин говорит: «Бог созерцал *«вся прежде бытия их»* (Дан. 13:42) от века замыслив, и каждое в отдельности происходит в предопределённое время согласно с Его вечною, соединённое с волею, мыслью, которая есть предопределение, и образ, и план»⁶. «Эти образы и прообразы предстоящих вещей, – пишет, ссылаясь на прп. Иоанна Дамаскина, прот. Георгий Флоровский, – есть «предвечный и неизменный совет» Божий, в котором «начертано все, предопределённое Богом и неукоснительно совершающееся, прежде его бытия». Этот «совет» Божий вечен и непреложен, предвечен и безначален, ибо неизменно всё Божественное»⁷.

Прообразы же, как пишет св. Дионисий Ареопагит, «суть сущетворные основания, совокупно предсуществующие в Боге, что богословие называет «предопределениями», и божественные и благие изволения, определительные и творческие для всего существующего, согласно которым Сверхсущий и предопределил, и произвёл все сущее»⁸.

Учение о предвечном Божественном замысле, в соответствии с которым мир творится, было всесторонне рассмотрено прп. Максимом Исповедником. Опираясь на пролог Евангелия от Иоанна, прп. Максим понимал Божественное Слово, через Которое «*всё... начало быть, и без Которого ничто не начало быть, что начало быть*» (Ин. 1:3), как предсуществующий принцип, в котором от века содержится все многообразие тварного мира.

«Ибо имея логосы творений пребывающими (в Себе) прежде веков, Он, по благову (Своему) волению, сообразную им тварь, видимую же и невидимую, произвёл из небытия словом и мудростью, в должные времена сотворив и творя как все вообще, так и каждое по – отдельности. Ибо мы веруем, что логос предшествует творению ангелов; логос – творению каждой из наполняющих горний мир сил и сущностей; логос человеков; логос всего, что приемлет от Бога бытие... Итак, каждое из умных и словесных (существ), то есть ангелов и человеков, посредством самого того, по которому оно было создано, логоса, сущего в Боге и «*к Богу*» (Ин. 1:1), есть и называется частицей Божества, по

⁶ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. I.IX. Москва, 2003. С. 68.

⁷ Прот. Флоровский Георгий. Тварь и тварность. // Православная мысль. № 1. URL: 192. http://www.odinblago.ru/pm_1/7

⁸ Цит. по: прот. Флоровский Георгий. Тварь и тварность. // Православная мысль. № 1. С. 192. URL: http://www.odinblago.ru/pm_1/7

причине своего предсуществующего в Боге, как уже было сказано, логоса»⁹.

Но, это предсуществование, как пишет прот. Иоанн Мейендорф, не следует путать с предопределением, потому что сотворение мира не было обязательным событием. Бог сотворил мир свободным движением воли, вследствие чего в творении также существует свобода движения»¹⁰. Поэтому, человек, обладающий свободной волей, может вступить в противоречие с благим Замыслом о каждом из нас, как о том далее и пишет в Амбигвах к Иоанну прп. Максим Исповедник: «А который, будучи частицей Бога ради находящегося в нем логоса добродетели и оставив по вышеуказанной причине своё начало, неразумно движется по направлению к небытию, справедливо называется истекшим свыше, как подвигшийся не к собственному началу и причине, по которой и ради которой, и в связи с которой он пришёл в бытие, и находится в безостановочном кружении и страшном беспорядке по душе и телу, добровольным течением к худшему, причиняя себе неудачу в отношении этой непрелестной и неизменной причины. От того и говорится в точном смысле слова «истекать», что хотя и имел таковой бесспорно зависящую от него самого власть соделывать основания своей души в Боге, но добровольно променял лучшее и сущее на худшее и несущее»¹¹.

Прот. Георгий Флоровский в своей статье «Тварь и тварность» размышляя о предвечном Божиим замысле о мире, замечает, что «его нужно отличать от самого мира. Божественная идея твари не есть тварь, не есть субстанция твари, не есть носитель мирового процесса, и «переход» от «замысла» (ἐννόημα) к «деянию» (ἔργον) не есть процесс в Божественной идее, но – возникновение, созидание и новополагание реального внебожественного субстрата, множественности тварных субъектов. Божественная идея остаётся неизменяемой и неизменной. Она остаётся всегда вне тварного мира, трансцендентна ему. Мир творится по идее, согласно прообразу, - есть его осуществление; но не этот прообраз есть субъект становления. Прообраз есть норма и задание, положенное в Боге. А задание обращено к другому, вне Бога. Это различие и расстояние не снимается никогда. И потому вечность прообраза, непреложного и никогда не вовлекаемого во временную смену, совме-

⁹ Прп. Максим Исповедник. Амбигвы к Иоанну. II. Пер. архим. Нектария. URL: <http://www.romanitas.ru>

¹⁰ Прот. Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2001. С. 318-319.

¹¹ Прп. Максим Исповедник. Амбигвы к Иоанну. II. Пер. архим. Нектария. URL: <http://www.romanitas.ru>

щается с временной начальностью и становлением носителей предвечных определений... В творении изводится из несущих новая реальность, которая становится носителем Божественной идеи, и осуществить её должна в своём собственном становлении»¹².

Прп. Максим Исповедник это различие выразил категориальной парой «логос – тропос». «Одно – логос бытия, а другое – тропос того, как оно существует»¹³. Таким образом, под «тропосом» прп. Максим подразумевал способ или образ осуществления бытия.

Я. В. Ярушинский (*архим. Нектарий*) в своих примечаниях к переводу Амбигвы даже высказывает такое утверждение, что «тропос, будучи конкретным способом осуществления бытия, соотносится с ипостасью. Тварный мир существует в соответствии с Божественным смыслом, или замыслом, – логосом, но образ его существования может не соответствовать замыслу. Так, в человеке образ Божий – логос, а подобие – тропос, приведённый в согласие с логосом»¹⁴.

Прп. Максим Исповедник, описывая всю совокупность отношений Божия Промысла к творению, говорит, что «помимо воли Промысла Божия не происходит ничего, но всё происходит либо по благоволению, либо по домостроительству, либо по попусшению»¹⁵. Подобную мысль высказывает и прп. Ефрем Сирийский, который различие между тремя видами Божия Промысла понимает следующим образом: ««по благоволению» соответствует добродетельной жизни, угодной Богу; «по домостроительству» – ситуации, когда мы впадаем в ошибки и прегрешения и бываем вразумляемы; «по попусшению» – когда, будучи вразумляемы, все равно не обращаемся»¹⁶.

Если у родителей алкоголиков родился ребёнок с врождённой патологией разве Бог является виновником его страданий, а не родители, которые предались греху неумеренного винопития и нарушали биологические законы здорового развития своего организма, ибо «*грех и есть беззаконие*» (1 Ин. 3:4)?

¹² Прот. Флоровский Георгий. Тварь и тварность. // Православная мысль. № 1. С. URL: 193-194. http://www.odinblago.ru/pm_1/7

¹³ Прп. Максим Исповедник. О недоумениях к Фоме. О различных недоумениях у святых Григория и Дионисия (Амбигва). Вопрос V. 1052В. М., 2006. С. 30.

¹⁴ Прп. Максим Исповедник. О недоумениях к Фоме. Примечание 80. М., 2006. С. 390.

¹⁵ Прп. Максим Исповедник. Вопросы и недоумения. 161. Пер. Д. А. Черноглазова. М., 2010. С. 174.

¹⁶ Цит. по: Беневиц Г. И. Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника. СПб, 2013. С. 165.

Разве возможно сказать, что Бог предопределил Каину родиться с такими воспалёнными страстями зависти, ненависти и страха, что он сделался первым братоубийцей?

Или, Бог предопределил родиться Иуде предателем и вором? А потом принял его в число Своих Учеников, зная, что он предаст Его, а затем ещё и сказал ему, что *«лучше было бы ему не родиться»* (Мф. 26:24), когда Сам, получается, предопределил ему родиться таким? Если мы будем так думать, то встанем на точку зрения того гностического автора, который написал евангелие от Иуды, в котором оправдывается его предательство необходимостью кому-то предать Господа.

Но, Церковь так никогда не учила. В Послании Восточных Патриархов о Православной вере Учение Церкви о Боге, как Промыслителе выражено так: «веруем, что все существующее, видимое, и невидимое, управляется Божественным Промыслом; впрочем, зло как зло, Бог только предвидит и попускает, но не промышляет о нем, так как Он и не сотворил его. А произошедшее уже зло направляется к чему-либо полезному верховною Благостью, которая сама не творит зла, а только направляет оное к лучшему, сколько это возможно» (Чл. 5).

Поэтому, не Бог предопределил родиться ребёнку больным в семье алкоголиков, но Бог, давший человеку благословением плодиться и размножаться (*Быт. 1:28*) силу и способность к чадородию, уступает перед Им же дарованной человеку вместе со Своим образом свободной волей, и попускает начаться жизни, отягощённой врождённой патологией.

Точно также, не Бог предопределил родиться Каину, отягощённым страстями, приведшими его к братоубийству, а грех Адама и Евы, которые, возжелав быть богами без Бога и против Бога, уже совершили богоубийство (ибо, понятно, что двух Богов быть не может), которое и осуществили их потомки в Пришествие Христово. Бог же, Который *«не хочет смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был»* (Иез. 33:11), увещевал Каина, говоря: *«...если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним»* (*Быт. 4:7*).

Также, не Бог предопределил родиться Иуде предателем, чтобы предать Его, а грех предательства первых людей по отношению к Богу, многократным эхом повторяясь в последующих поколениях отобразился и в Иуде, который сам уже позволил вырасти в себе предателю Христову. Господь же, многократно предупреждая его, не хотел его погубели, хотя *«от начала знал... кто предаст Его»* (*Ин. 6:64*).

Тот факт, что Бог ведаёт все доброе и худое, чему предстоит произойти, не означает, что Бог предопределяет линию поведения, сотворённых по Его образу свободных и разумных существ. Как о том говорит и прп. Макарий Египетский: «А ты создан по образу и подобию

Божию, потому что как Бог свободен и творит, что хочет, ...так свободен и ты»¹⁷.

Божественное всеведение и предопределение – это не одно и то же. «Бог все наперёд знает (*предвидит*), но не все предопределяет, – пишет святой Иоанн Дамаскин. – Так, Он наперёд знает то, что находится в нашей власти (*наш свободный выбор*), но не предопределяет этого. Ибо Он не желает, чтобы происходил порок, но не принуждает к добродетели силою»¹⁸.

Возникает вопрос, если Бог наперёд знает мой свободный выбор прежде его осуществления, то не значит ли это, что в действительности я лишён его? «Моя свобода была бы нарушена в том случае, – пишет Е. Н. Трубецкой, – если бы Божественное предвидение предопределяло мои действия, т.е. если бы оно было причиной. На самом деле мои действия, как и все вообще события во времени, совершаются вовсе не потому, что их предвидит Бог: наоборот, Бог их видит потому, что они совершаются. В сущности, тут нет даже предвидения в точном смысле слова, а есть всеединое Божественное видение, которое простирается на все совершающееся во времени... Оно видит меня действующим, но самим фактом этого видения не определяет меня к действию, ...ибо всеединое сознание видит мои действия как свободные, т.е. как зависящие от меня...

Божественное предвидение пребывает вне времени и, следовательно, не есть предшествующее временным рядам событие во времени, а сверхвременной акт, объёмлющий их в себе»¹⁹.

Таким образом, «предопределение есть дело Божественного повеления, соединённого с предведением»²⁰. Способность предвидения принадлежит Богу, но «...факт, что Он предвидит то именно, что мы сделаем, происходит от нас, потому что если бы мы этого не сделали, Он бы и не предвидел его. Он предвидит многое, что Ему не нравится и что не происходит от Него»²¹.

Следовательно, утверждение, оправдывающее применение вспомогательных репродуктивных технологий, таких как ЭКО и суррогатное материнство, а также, в возможной перспективе, и клонирование тем, что если определённая часть людей рождается именно так, то значит им Самим Богом предопределено от вечности появиться в этот мир

¹⁷ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы... Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1904. Беседа 15, п. 21. С. 121.

¹⁸ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. II.XXX. М., 2003. С. 141.

¹⁹ Цит. по: Прот. Георгий Митрофанов. Путь свободы // Вода живая. № 7–8, 2012.

²⁰ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. II.XXX. М., 2003. С. 141.

²¹ Верховский С. С. Бог и человек. М., 2004, С. 379.

именно таким образом, несостоятельно, потому что не учитывает фактора человеческой свободы. Как о том пишет прп. Максим Исповедник: «От нас зависит всё добровольное, именно добродетели и пороки, а не зависит от нас – подтверждение нас разного рода случающимся с нами наказаниям или противоположному им. Так, не зависит от нас ни болезнь, ни здоровье, но производящие их причины, ...и соблюдение заповедей – причина Царства Небесного, как преступление их – огня вечного»²². Как о том же пишет свт. Игнатий Брянчанинов: «По поущению Божию, по произволу тварей, явилось зло со всеми последствиями его; по поущению Божию, по собственному произволению пали ангелы, пал человек, не приняли Бога и отступили от Бога»²³.

Поэтому, понятно, что не зависит от тех, кто родился с помощью ВРТ то, что они именно так пришли в этот мир, но и причина находится не в Промысле Божиим, определившим им такое вхождение в мир, а в свободном выборе их родителей.

Поэтому Священным Синодом Русской Православной Церкви был принят документ «О крещении младенцев, родившихся при помощи «суррогатной матери»» в котором, прежде всего утверждается, что: «ребёнок не может отвечать за поступки своих родителей и не виноват в том, что его появление на свет связано с репродуктивной технологией, осуждаемой Церковью». Но одновременно утверждается, что: «ребёнок, рождённый при помощи «суррогатного материнства», может быть крещён по желанию воспитывающих его лиц, если таковыми являются либо его «биологические родители», либо «суррогатная мать», только после того, как они осознают, что с христианской точки зрения подобная репродуктивная технология является нравственно предосудительной, и принесут церковное покаяние - вне зависимости от того, осознанно или неосознанно они проигнорировали позицию Церкви. Только в этом случае Церковь сможет ожидать, что крещёный ребёнок будет воспитываться в Православной вере и ему будут прививать христианские нравственные представления. Если же такого осознания не происходит, то решение вопроса о крещении откладывается до времени сознательного личного выбора ребёнка. В последнем случае факт «суррогатного рождения» сам по себе не является препятствием для крещения человека, ибо он не несёт ответственность за поведение своих родителей»²⁴.

²² Цит. по: *Беневич Г. И.* Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника. СПб, 2013. С. 193.

²³ *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Судьбы Божии. М., 1991. С. 4.

²⁴ Документ принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25-26 декабря 2013 года (журнал № 158). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3481024.html>.

Б. Н. Тарасов

«Венчание с Россией...» (о некоторых аспектах христианской политики Николая I)

«Могучий Самодержец, которого сегодня благочестиво поминает Русское царство, не был только олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания... Кроме великодушного характера и человеческого сердца в этом “железном великане”, – какое ясное и твёрдое понимание принципов христианской политики! “Мы этого не должны, именно потому, что мы – христиане”, – вот простые слова, которыми Николай I “определил” и свою и нашу эпоху, вот начальная истина, которую приходится напоминать нашему обществу!»

Приведённая характеристика Вл. Соловьёва эпохи правления Николая I непривычна для современного восприятия, привыкшего к совершенно иным оценкам. Его царствование стало излюбленной мишенью как для «либеральной», так и для «коммунистической» историографии (недаром К. Маркс и Ф. Энгельс считали русскую монархию одним из самых серьёзных препятствий на пути практического осуществления собственных теорий). Его правление принято обычно называть периодом мрачной реакции и безнадёжного застоя, когда повсюду водворялись деспотический произвол, казарменный порядок и кладбищенская тишина. Укротитель революций, жандарм Европы, тюремщик декабристов, неисправимый солдафон, «исчадие мундирного просвещения», «удав, тридцать лет душивший Россию» – таковы типичные оценки царя, свойственные означенным выше подходам. Показательно появление уже в перестроечном 1993 году сборника «Рос-

сийские государи», вышедшего в издательстве «Новости» при поддержке Российского независимого института социальных и национальных проблем. Представленная в нем статья о Николае I изобилует следующими выражениями: «Николай был по натуре своей тиран», задумавший «сделаться неограниченным властелином России»... «Бенкендорф, зверь в образе человека... безраздельно господствовал во всех отраслях правления»... «Николай довел учащуюся молодежь до последней степени унижения... уничтожил в России окончательно следы умственного движения»... «В своей собственной семье Николай был таким же деспотом, каким он был на троне»... «Как многие утверждают, он принял яд и скончался в 1855 году 2 марта. Никто не помянул его добром. Вся Россия посылала ему проклятия и в гроб».

Необходимо подчеркнуть, что авторы подобных суждений, грубо грешащих даже с чисто фактической стороны, особо претендовали на научную объективность, но всячески избегали вводить в оборот многообразные сведения и другие точки зрения, противоречащие их собственным выводам. Категорические приговоры Николаю I и огульное осуждение целого царствования заставляли всякого рода «схематиков» сокращать огромное количество фактов, дававших материал для совершенно иных, положительных умозаключений. Так, французский поэт и политический деятель А. Ламартин заявлял: «Нельзя не уважать Монарха, который ничего не требовал для себя и сражался только за принципы». Прусский король Фридрих-Вильгельм IV, с юных лет коротко знавший Николая I, также выделял после его кончины высокие качества русского царя: «Один из благороднейших людей, одно из прекраснейших явлений в истории, одно из вернейших сердец и, в то же время, один из величественных государей этого убогого мира отозван от веры к созерцанию». А. С. Пушкин, чьи отношения с императором были сложными и неоднозначными, отмечал несомненные достоинства и петровский масштаб его личности. О «благородной простоте обаятельного величия» царя говорил славянофил Ю. Ф. Самарин, хотя и встречал с его стороны довольно резкое несогласие в вопросах соотношения племенных и имперских начал во внутренней и внешней политике. По свидетельству И. С. Аксакова, «с величайшим уважением» отзывался о Николае I Ф. М. Достоевский, оказавшийся, как известно, по его воле на каторге за участие в кружке петрашевцев. «Государем-рыцарем» именовал его митрополит Анастасий (Грибановский), а К. Н. Леонтьев называл Николая I «великим легитимистом» и «идеальным самодержцем», призванным задержать «всеобщее разложение».

Казалось бы, столь высокие оценки глубоких и авторитетных писателей и мыслителей требуют соответствующего осмысления или хотя

бы минимального внимания. Однако и в широко популярных, и в сугубо научных трудах почти невозможно найти ссылки на мнения, события и факты, не укладывающиеся в общепринятые силлогизмы. Поэтому важно вспомнить те черты личности, обстоятельства правления и особенности деятельности Николая I, которые выправляют крен, созданный мировоззренческой или идеологической предвзятостью, а также помогают построению более полной и сложной картины его царствования.

В настоящей статье будут затронуты отдельные аспекты христианской политики Николая I, связанные с вопросами идейного самосознания, просвещения и воспитания (в том числе и цесаревича) после восстания декабристов.

1

Назначенное царем следствие открывало, что в основе увлеченности декабристов, которых Пушкин называл «лучшим цветом» поколения, новыми идеями и их возможным приспособлением к русской действительности, лежали благородные побуждения уничтожить «разные несправедливости и угнетения» и сблизить сословия для роста общественного благоденствия. Примеры засилия иностранцев в высшей администрации, лихоимства, нарушения судопроизводства, бесчеловечного обращения с солдатами в армии волновали возвышенные умы молодых дворян, воодушевленных патриотическим подъемом 1812 года. Вместе с тем «великие истины» свободы, равенства, чести, необходимые для блага отечества, ассоциировались в сознании декабристов с республиканскими учреждениями и европейскими социальными формами, которые они в теории механически переносили на русскую почву, стремясь «пересадить Францию в Россию». Отвлеченность и умозрительность такого перенесения заключались, главным образом, в том, что оно осуществлялось без соотнесенности с историческим прошлым и национальными традициями, веками формировавшими духовные ценности, психологический и бытовой уклад жизни. Искренние упования декабристов на форсированное изменение сложившегося строя, на правовой порядок как на панацею от всех бед вступали в объективное противоречие с их благородными намерениями, ибо в стратегической перспективе открывали дорогу развитию далеких от благородства меркантильных эгоистических отношений, возрастающей нивелировке народов и культур, снижению духовных запросов личности, диктатуре денежного мешка. Так, ведущий идеолог декабризма Н. И. Тургенев связывал «усовершенствование системы представительства народного» с усовершенствованием «системы кредитной», поскольку «век кредита наступает для всей Европы». Однако он

реально представлял скрытую порочную основу всех подобных прогрессивных новаций: «Древние достигли свободы и следственно счастья стезею Природы: чистым, природным влечением души человеческой. Новейшие народы идут к счастью грязною дорогою: выгодами эгоизма и корысти. К стыду рода человеческого, может быть, надобно признаться, что путь новейших народов вернее, да теперь другого и существовать не может – вернее и прочнее: созданное на сих неблагородных основаниях стоит, как кажется, тверже».

По своему духу, воспитанию и воспринятым традициям Николай I чуждался «общей заразы своекорыстия», путей «коммерческих народов», господства эгоцентрических страстей, отрывающих права человека от его долга и обязанностей. Из материалов следствия он также узнавал, что декабристы были крайне разобщены не только с правительством, но и с народом. Более того, их преобразовательские планы, обернувшиеся военным переворотом, таили в себе, по позднему выражению А. И. Герцена, «зародыш и умственный центр грядущей революции». Действительно, в неотчетливые планы внедрения в России представительного правления в форме то ли конституционной монархии, то ли швейцарской или американской республики активно просачивались (для успешного достижения поставленных целей) мотивы истребления царской фамилии или расчленения России. Обсуждались (хотя многими и отвергались) и практические методы, знакомые грядущим поколениям не только по роману Ф. М. Достоевского «Бесы». Так А. И. Якубович, готовый убить императора, предлагал отворить кабаки для черни, взбунтовать солдат и мужиков, напоить их водкой, а затем направить эту «смесь» на Зимний дворец и предать разграблению богатые кварталы Санкт-Петербурга. В случае же неудачи вырабатывался вариант поджога столицы и отступления к Москве для соединения с Южной ассоциацией. П. И. Пестель, не одобрявший революций снизу и размышлявший о предотвращении их последствий, вынашивал не менее радикальные и коварные планы: установить десятилетнюю диктатуру, отвлечь народ завоевательными войнами, завести 113 тысяч жандармов (в тридцать раз больше, чем при самодержавии Николая I) и таким образом продвигаться к «цивилизованному обществу».

Подобные факты из донесения следственной комиссии, нарушение офицерской присяги, попытка насильственного изменения государственного строя, преступное кровопролитие и т. п. предопределили то суровое наказание, которое в разной степени (в зависимости от тяжести доказанной вины) испытали на себе участники заговора. С точки зрения строгой законности и формальной логики, действия императора, конечно, носили последовательный характер. Однако с точки зре-

ния исторических перспектив самодержавия и высшей справедливости, только укрепляющей его внутреннюю силу, «закон» без «благодати» не решал сложных и глубоких проблем исторического развития. Участь приговоренных к виселице и осужденных на каторгу и ссылку могла быть, без всякого ущемления юриспруденции, смягчена. Тем более что для «милости к падшим» имелось достаточно оснований, прежде всего в искреннем раскаянии и даже подлинном перерождении немалого числа декабристов, о котором многие десятилетия было принято вообще не упоминать. Так, незадолго до казни К. Ф. Рылеев уведомлял Николая I: «Чем же я возблагодарю Бога за Его благодеяния, как не отречением от моих заблуждений и политических правил? Так, Государь! Отрекаюсь от них чистосердечно и торжественно...» Предсмертное же письмо к жене этого вдохновителя и руководителя Северного общества проникнуто неподдельной верой и мужественным смирением: «Бог и Государь решили участь мою. Я должен умереть и умереть смертью позорною. Да будет Святая Его Воля! Милый мой друг! Предайся и ты воле Всемогущего, и Он утешит тебя. За душу мою молись Богу: Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будет и безрассудно, и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые судьбы непостижимого? Я ни разу не возроптал во время моего заключения, и зато Дух Святой давно утешил меня... Благодарю моего Создателя, что Он меня посвятил и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порукою, что Творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянию...»

А вот предсмертное письмо к брату еще одного из казненных, С. М. Муравьева-Апостола: «Любезный друг Матюша! По неоставлению меня недостойного Божеского промысла и по истинно христианскому обо мне попечению доброго и почтенного отца Петра, общего нашего духовника... страхом и верою приступил к чаше Спасения нашего, принес в жертву то, что мог: сердце истинно сокрушенное и глубоко проникнутое как своим достоинством, так и благостью неизреченного Спасителя нашего, Христа, который, так сказать, ожидал малейшего от меня желания приобщиться к нему, чтобы прибегнуть ко мне, восхитить на рамена как погибшую овцу. Радость, спокойствие, воцарившиеся в душе моей после сей благодатной минуты, дают мне сладостное упование, что жертва моя не отвергнута, и сильно убедили меня, что мы слепо шествуем, когда по каким-либо, по-видимому, благовидным причинам уклоняемся от исполнения должностей наших христианских...»

В последующем годы тюремного заключения и каторги способствовали религиозно-нравственному перелому и у других заметных

деятелей декабристского движения. В. К. Кюхельбекер утверждал, что мрачная темница стала для него источником духовного света, Г. С. Батеньков признавался, что после ареста он во всем видел «неисповедимую волю Божию», а А. И. Одоевский говорил, что «ссылка привязала его к религиозному самоотвержению». С. П. Трубецкой же воспринимал каторгу как второе крещение. Зная подобные факты и настроения и сам являясь по-настоящему верующим человеком, царь тем не менее неукоснительно следовал букве закона и долга, что вызывало глухое раздражение в обществе. «По совести нахожу, – писал П. А. Вяземский, – что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле».

Буква мертвит – дух животворит. Это непреложное правило отражает одно из существенных противоречий николаевского царствования, в котором глубокие историософские интуиции и масштабные задачи религиозного, государственного и национального строительства не получали полного и должного воплощения из-за господства казенного формализма, сковывавшего свободный почин и творческое развитие. С учетом перечисленных выше обстоятельств осознания заговорщиками своей вины и раскаяния, неожиданная и открытая «милость к падшим» продемонстрировала бы неподдельную силу и дальновидную мудрость, сняла бы тот «зазор» между преступлением и наказанием, который порождал декабристскую мифологию, «будил» грядущие поколения западников, демократов, народников, большевиков и с преувеличенной активностью обыгрывался в перечне злоупотреблений власти.

2

Вместе с тем Николай I с пристальным вниманием отнесся к выводам следственной комиссии, вытекавшим из декабристской критики существовавших до него порядков. От старшего брата ему досталось сложное и запутанное наследие, формировавшееся прямо противоположными тенденциями. «Сначала был период либерализма и филантропии, – писал декабрист В. И. Штейнгель новому императору, – потом период мистицизма и, наконец, противных действий тому и другому». Подобные идеологические зигзаги, неожиданные колебания и постоянные противоречия объяснялись (помимо многочисленных субъективных причин) и тем, что при Александре I «старая» Россия, охваченная «новыми» веяниями европейских начал, в очередной раз оказалась на распутье, на границе двух веков и двух миров, когда подспудная, не всегда выходящая на поверхность общественной жизни борьба между самобытным развитием и подражательным заимствова-

нием часто создавала ситуацию трудного и сложного выбора между «своим» и «чужим», самодержавием и конституционализмом, эволюционными и революционными методами правления. По словам С. М. Соловьева, нужно было выдержать первый напор революционного Запада, его порывистых движений вперед и соответствующих реакций – столь же рьяных отступлений назад. Перед Александром I, подчеркивал он, стояла задача уклонения от крайностей и примирения сталкивающихся начал.

Для решения подобных задач требовались твердые убеждения и колоссальная духовная энергия, глубокое знание собственной истории и живое единство мудрой, волевой и ответственной личности монарха с жизнью всех сословий страны, понимание стратегических перспектив будущего развития человечества. Однако дух времени располагал не к таким подходам, а к мечтательным идеалам, новым веяниям материализма и атеизма, вольтерьянства и республиканизма, масонства и мистицизма. Получив царский скипетр после насильственной смерти отца, Александр I поочередно испытывал их воздействия, начав с проектов «законно-свободных учреждений» и закончив военными поселениями. Его жизнь сфокусировала весь драматизм эпохи «блестящего дилетантизма» (П. В. Анненков), «разрыхления русской души» (Н. А. Бердяев), ее безмерной восприимчивости ко всякого рода идеям и социальным движениям. Благородной душе царя не хватало характера, а его религиозным воззрениям – глубины, определенности и твердости. «Язык Спасителя», которым он, по его собственным словам, не переставал говорить с 1812 года, размывался эзотерическими верованиями, о чем писал пронизательный австрийский канцлер Меттерних: «Переходя от культа к культу, от одной религии к другой, он все расшатал, но ничего не построил. Все в нем было поверхностно, ничто не затрагивало его глубоко». Впечатлительный ум Александра I не выдерживал напора неудач в либеральных начинаниях и подступавших революционных угроз, которые естественно возникали на фоне европейских волнений, умственного брожения в русском обществе и повсеместного расстройтва во всех отраслях внутреннего управления.

Стремясь установить реальное положение дел и уяснить возможное положительное содержание в планах декабристов, Николай I поручил делопроизводителю следственной комиссии А. Д. Боровкову изложить вытекающие из рассматриваемых материалов выводы о насущных государственных нуждах. «Надобно, – отмечалось в соответствующей записке, – даровать ясные, положительные законы; водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства; возвысить нравственное образование духовенства; подкрепить дворянство, упавшее и

совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев; уничтожить унижительную продажу людей; воскресить флот; поощрить честных людей к мореплаванию, словом, исправить немислимые беспорядки и злоупотребления».

Первоначальная деятельность царя и была направлена как раз на устранение отмеченных изъянов, а также на кропотливую работу осуществления «постепенных усовершенствований» на «христианских правилах». «Я отличал и всегда отличать буду, – признавался он французскому посланнику де Сан При, – тех, кто хочет справедливых требований и желает, чтобы они исходили от законной власти, от тех, кто сам бы хотел предпринять их и Бог знает какими средствами». С целью эволюционного, а не революционного развития государства и общества и выработки неотложных преобразовательных мер он произвел своеобразный кадровый отбор, отсев так называемых реакционеров конца предшествующего правления (А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич и т. д.) и приблизив к себе двух самых видных инициаторов и проводников либеральных начинаний Александра I (М. М. Сперанский и В. П. Кочубей). Сперанский и Кочубей уже давно отошли от прежних конституционных взглядов и, так сказать, покаялись в грехах молодости. Первый возглавил успешную работу II отделения собственной Его Величества канцелярии по созданию первого полного свода законов по всем отраслям права и управления, изданного в 1833 г. Второй же стал председателем образованного в декабре 1826 г. Особого комитета, в котором должны были рассматриваться проектировавшиеся ранее реформы и необходимые изменения в устройстве государственных учреждений и положении отдельных сословий.

Вместе с тем Николай I стремился преодолеть непоследовательность политики и неопределенность задач предшествующего царствования, покончить с неплодотворным лавированием между самодержавными началами и республиканскими тенденциями. Новый правитель не находил плодотворных результатов в идейных мечтаниях одностороннего западничества, вылившихся в декабристское восстание. В манифесте от 13 июля 1826 года по случаю коронации говорилось: «Не от дерзких мечтаний, всегда раздражительных, но свыше совершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех

отверстым, всегда приняты будут нами с благоволением; ибо мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидением ему предназначенной».

По убеждению Николая I, добиться такого усовершенствования, просвещения и процветания возможно лишь при самодержавном правлении, на что его вдохновлял и в чем полностью его поддерживал Н. М. Карамзин. Именно Карамзин (и отчасти В. А. Жуковский, входивший с 1817 г. в интимный круг Николая Павловича в качестве учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны) помогал молодому властелину России полнее уяснить и отчетливее сформулировать общие монархические воззрения и политические взгляды, ежедневно являясь по собственному почину во дворец с первых же дней междуцарствия.

Односторонность и дилетантизм верхушечного и навязывавшегося «сверху» в предшествующее правление реформаторства, не только не опиравшегося на весь народ, но даже не находившего поддержки у большинства правящего сословия, подчинение основных линий развития русской истории и тысячелетней государственности чужеродной и искусственной схеме вызывали принципиальные возражения у Карамзина. В получившей широкую известность «Записке о древней и новой России», составленной еще в 1811 году, по словам Пушкина, «со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого», он критиковал «либералистов» за беспочвенность и отвлеченность предполагавшихся преобразований, за игнорирование вековых устоев и живоносных традиций, формировавших совокупную личность Народа. Подчеркивая полезность заимствований в науках и искусствах, он отмечал, что подражание иностранным державам во всем строе гражданской и нравственной жизни становится опаснее, чем при Петре I.

В передовых законах Карамзин находил множество ученых слов и книжных фраз и не обнаруживал ни одной мысли, учитывавшей своеобразие сложившегося в России общества. По его мнению, новоиспеченные законодатели испытывали излишнее уважение к внешним формам государственной деятельности, изобретали различные министерства и учреждения, что зачастую вело не к содержательному улучшению дел, а лишь к перемещению чиновников и перемене ведомственных наименований.

Между тем, настаивал автор «Записки...», законы народа должны вырастать из его собственных духовных ценностей, понятий, традиций и исторических обстоятельств, опираться на трезвое и мудрое знание человеческой природы. «В мире мало агнцев, мало и злодеев, а

больше добрых и худых вместе». И любое социальное реформаторство оказывается мнимым или даже вредным, если оно создает условия для развития и укрепления не лучших (благородно-возвышенных), а худших (корыстно-эгоистических) душевно-духовных качеств человека. Следовательно «не формы, а люди важны». Поэтому в живой действительности, где правят не бумаги, а люди, важно «искать людей» для совершенствования имеющегося строя, а не ломать и перестраивать его с помощью чужеземных уставов или денег («за деньги не делается ничего великого»), поощрять людей с разумом, честью и совестью.

С точки зрения Карамзина, подобные исторические и этические воззрения лучше всего укореняются и развиваются не в республиканских учреждениях и министерско-бюрократических установлениях, а при самодержавном правлении и сохранении живых русских традиций. «У нас – не Англия, мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит и любовь первых приобретает страхом последних... В монархе российском сохранились все власти, наше правление есть отеческое, патриархальное...»

По убеждению автора «Записки...», монархия, более всего приспособленная для эволюционных, а не революционных преобразований, всегда обеспечивала процветание и могущество государства (оно есть «палладиум России»), а ее ослабление приводило к возникновению анархии, усилению аристократии или созданию олигархии.

Карамзин особенно подчеркивал внутреннюю связь самодержавного принципа верховной власти с православной верой и нравственным духом народа. Царь как помазанник Божий и надсловная сила должен руководствоваться не юридическими законами и интересами политических партий и конкурирующих групп, а исходить из любви к добру и правде, опираться на «закон Божий» и «единую совесть», что его реально и объединяет со всем народом. Именно сила духа и веры, нравственное могущество государства, которое для его безопасного развития едва ли не важнее материального, сливали все слои общества в нераздельный союз во времена тяжелых испытаний.

Для Карамзина именно люди, обладающие не только обширными познаниями и отменными профессиональными качествами, но и – главное – соотносящиеся с религиозно-этическим началом идеального самодержавия, и составляют основное богатство страны, обуславливают потенциальную возможность ее движения не по «грязной дороге» коммерческих народов, а благородными путями духовного самостояния и истинной силы. Отмечая факты исторического воплощения самодер-

жавного принципа, он беспощадным пером обличал его многочисленные самоубийственные злоупотребления в деятельности конкретных лиц и как бы призывал властителей вместо скользких новшеств использовать несомненные нравственные резервы для совершенствования монархии, дабы предотвратить грядущие идейные блуждания или губительную бюрократизацию государства: «Да царствует благодетельно! Да приучает подданных к благу. Тогда родятся обычаи спасительные, которые лучше всех бранных форм удержат государей в пределах законной власти».

«Записка о древней и новой России» содержит в зародыше ту программу, которая в царствование Николая I будет развернута и акцентирована в триаде «православие – самодержавие – народность» и которая основана на убеждении в том, что общественно-политическая жизнь не может быть надлежащим образом устроена без опоры на религиозный фундамент. В XIX веке Россия оставалась практически единственной страной, в которой достаточно целеустремленно культивировалась устойчивая связь государства с народом в свете христианского самосознания. Причисленный ныне к лику святых митрополит Филарет, весьма представительная для эпохи Николая I фигура, в день празднования восшествия царя на престол возглашал: «В наше время многие народы мало знают отношение государства к Царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские... Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия, они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе, на песке народных мнений и поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся».

Характеризуя «наш век», Филарет отмечает усиленное стремление к невнятным реформам при утрате духовного измерения жизни, когда люди становятся невосприимчивыми к добру и красоте, правде и справедливости и в отсутствии опоры на высшие религиозные принципы Откровения и Истины ищут свободы не на путях подлинного совершенствования, нравственного возрастания, достоинства и чести, а на путях интриг и революций. Тогда в человеческом сердце и уме зарождаются и навязываются рассудочные вымыслы и ложные теории, маскирующие и обслуживающие в «плюралистической» борьбе и благообразной оболочке своекорыстные страсти и низменные интересы. Поэтому следует с оглядкой смотреть на все «новое», что способно расшатать в «старом» изначально плодотворные божественные устои. «Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит, чтобы перестрое-

ние не обратить в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину».

Николай I как последовательный сторонник монархической формы правления намеревался строить государственную политику на основе Закона Божия, а потому отвергал всякую революцию как идею, как принцип, как метод преобразования действительности, который в своем противобожественном самозванстве и радикалистском самочинстве отторгает вместе с злоупотреблениями и достоинства атакемого строя жизни, а также не учитывает возможные отрицательные последствия чаемых новшеств. После восстания декабристов он говорил великому князю Михаилу Павловичу: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохраняется дыхание жизни, пока Божию милостью я буду императором».

Здесь вполне уместно вспомнить записку Ф. И. Тютчева «Россия и революция», составленную в связи с европейскими волнениями 1848 года и одобренную Николаем I. В ней резко ставится вопрос о судьбах России и Запада в контексте мировых тенденций и борений: «Уже с давних пор в Европе только две действительные силы, две истинные державы: Революция и Россия. Они теперь сошлись лицом к лицу, а завтра, может, схватятся. Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок. Что для одной жизнь – для другой смерть. От исхода борьбы, завязавшейся между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества». Любопытно, что именно так ставился вопрос и Ф. Энгельсом (разумеется, с иными целями и противоположными задачами): «...нам ясно, что революция имеет только *одного* страшного врага – Россию».

В отличие от Энгельса, Тютчев рассматривал революцию на первичном духовном уровне как такое явление, в основе которого лежит возведенное в политическое и общественное право самовластие человеческого «я», не признающего иных авторитетов, кроме собственного волеизъявления во всех его несовершенных проявлениях и противобожественных устремлениях. Сила же России, напротив, заключается в смирении и самоотречении, призванных следовать Закону Божию и таким образом удерживать историческое развитие от разрушительных последствий.

Необходимо подчеркнуть, что в подобном историософском отношении к революционному началу и его конкретному преломлению в европейских событиях и декабристском движении и соответственно к русскому пути как к альтернативному принципу постепенных усовершенствований на христианских основах с политикой Николая I пере-

кликались идеи упомянутых выше и многих других писателей и мыслителей. В манифесте от 13 июля 1826 года также говорилось о «пагубной роскоши полупознаний», о «порыве в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель». Дворянству же предлагалось стать «примером всем другим состояниям» и предпринять «подвиг к усовершенствованию отечественного, а не чужеродного воспитания» и «истинного просвещения». О «вредных мечтаниях», имевших «самое ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения», достаточно много размышлял зрелый Пушкин. После декабристского восстания он пришел к выводу, что самые прочные и плодотворные изменения зависят от постепенного улучшения и совершенствования нравов. И П. Я. Чаадаев сожалел о том, что из просвещенных стран мира «мы принесли домой лишь идеи и стремления, плодом которых было безмерное несчастье, отодвинувшее нас на полвека». Он был убежден в соответствии монархического правления подлинному просвещению и считал, что «для нас невозможен никакой прогресс иначе, как при условии полного подчинения всех верноподданных чувствам Государя».

3

Вопросы истинного просвещения, его качественного наполнения и самобытного содержания занимали едва ли не первостепенное место в умах современников николаевской эпохи (о чем весьма мало говорится в исторической и исследовательской литературе). И это неудивительно, поскольку именно образование в сочетании с соответствующим воспитанием в духе православных традиций способно показать обратную сторону тех или иных заимствованных «мечтаний» и стать естественным рычагом не революционных, а эволюционных преобразований в рамках существующей государственной системы. Неслучайно в том же манифесте родители призывались обратить все их внимание «на нравственное воспитание детей: не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мысли, источник буйных страстей...» В рескрипте Николая I от 13 сентября 1846 года повторена та же мысль применительно к более узкой, армейской, области: «Мне особенно приятно видеть, что главная цель военного воспитания обращена к развитию в юношах чистых правил нравственности и чувства чести».

Весьма показателен для характеристики Николая I выбор им на роль воспитанника будущего наследника трона поэта В. А. Жуковского, в представлении которого воспитание и образование составляли нераз-

рывное единство и который пользовался высочайшим моральным авторитетом в обществе. Как царь и Н. М. Карамзин, поэт считал монархию единственно возможной формой правления в России, в которой очень многое зависит от личности, системы взглядов, нравственных убеждений и исторических знаний самодержца, вырабатывающих у него понимание связи времен и священных задач правления. «Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя», – заявлял император. «Человек во всяком сане есть главное», – как бы откликнулся на его пожелание поэт в письме к своему воспитаннику, стремясь внушить ему мысль об «уважении к человечеству», столь необходимому «во всякой жизни, особенно в жизни близ трона и на троне».

С душой на все прекрасное готовой,
 Наставленный достойным счастья быть,
 Великое с величием сносить,
 Не трепетать, встречая век суровый...
 Жить для веков в величии народном,
 Для блага ВСЕХ – СВОЕ позабывать,
 Лишь в голосе отечества свободном,
 С смирением дела свои читать!
 Вот правила детей великих внуку.
 С тобой еще начать сию науку...

Любовь царя к народу, «самоотвержение власти», неукоснительное соблюдение религиозно-нравственных устоев, способность соединить их с необходимыми преобразованиями изменяющегося времени и «отделять то, что оно уже умертвило, питать то, в чем уже таится зародыш мысли», – таковы важные начала воспитательно-образовательной программы Жуковского, находившей живой отклик в душе Николая I, что свидетельствовало и о его собственных устремлениях. Знаменателен тот факт, что для обучения своего сына, будущего инициатора «великих реформ», император привлек лучших специалистов России, отличавшихся к тому же несомненным внутренним достоинством. Так, географию и статистику преподавал К. И. Арсеньев, словесность – П. А. Плетнев, право – М. М. Сперанский. «Всякое право, – убеждал цесаревича последний, – а следовательно, и право самодержавия, потому есть право, что оно основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластие». Сам Николай I, глубоко разделяя подобные мысли и чувства, исходил в планах и действиях из представления о божественном происхождении своей верховной власти и воспринимал ее как высший долг и самоотвержен-

ное служение, для адекватного понимания которого и нужны были новые акценты в умственной деятельности общества.

О соединении интеллектуального образования, нравственного просвещения и вытекающего из такого синтеза правильного направления деятельности размышлял и Пушкин в составленной в 1826 году по просьбе Николая I записке «О народном воспитании». По его убеждению, именно активное воспитание вместе со знанием мировой и отечественной истории, «образа мыслей и чувствований», «образа правления и веры», «особенной физиономии своего народа» не позволит юношам (намек на недавнее восстание) увлекаться «чужеродным идеологизмом» и республиканскими идеями, сняв с них прелесть новизны. Подобные рассуждения поэта не были каким-то предательством по отношению к декабристам. Как признался он царю после приезда в Москву, ему пришлось бы примкнуть к бунтовщикам на Сенатской площади, случись тогда оказаться среди них. Поступить иначе ему не позволяли представления о товарищеской чести. Но теперь он полагал несбыточной надеждой устранить невежество, жестокость, неустройство жизни с помощью смены социально-политической системы. Шоры прекраснодушных мечтаний о «заре пленительного счастья» исчезали при понимании глубокого несовершенства человеческой природы, неодинаково распределяющей среди своих детей таланты, физическую силу и многие другие способности, таящей в себе темные желания и губительные страсти, которые необходимо опознать и преодолеть, а уж затем приниматься за активное переустройство жизни.

Официальная идеология соединения образования и воспитания на основе православных и национальных традиций была сформулирована в 1830-х годах одним из самых просвещенных людей николаевской эпохи, признанным знатоком классических древностей и европейской культуры, министром народного просвещения С. С. Уваровым. Он ставил целью, «при оживлении всех государственных сил, охранять их течение в границах безопасного благоустройства», намеревался «изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах радушное уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому».

В отчете о десятилетии работы своего министерства Уваров так оценивал поставленную в 1833 году задачу: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном рас-

пространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить».

Такими спасительными началами были провозглашены православие («Исконно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть»), самодержавие («Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное сознание и с ним развиваться») и народность («Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие... Относительно народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях... Довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию»).

Единство веры, государства и народа предполагало в идеале такое развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы ее духовного измерения, свободно и добровольно умеряли бы эгоистические страсти и корыстные интересы в свете совестного правосознания и устремления к общему благу, органически сохраняли бы живые формулы человеческого достоинства: «быть, а не казаться», «служить, а не прислуживаться», «честь, а не почести», «в правоте моя победа». Следует подчеркнуть, что именно свободное и добровольное движение «вперед», осознанная солидарность и активность граждан, сочетание элементов внешнего прогресса с лучшими традициями и человеческими качествами цементируют монархию как высшую форму государственного правления, которой отдавали дань и выдающиеся представители русской культуры (Пушкин, Жуковский, Гоголь, Тютчев, Достоевский и др.). В противном случае, как отмечает И. А. Ильин, монархия таит в себе опасности властного произвола, чрезмерной опеки чиновничества над народом,

погашения личностной самостоятельности и творческого почина, необходимых для преодоления вечно подстерегающего застоя и для расцвета плодотворной жизнедеятельности.

Подобных опасностей не удалось избежать и Николаю I, хотя в своих намерениях и планах он исходил из идеальных представлений о синтезе православия, самодержавия и народности и решимости укреплять Россию так же, как и высокопочтимый им Петр I. Недаром Пушкин в 1826 году надеялся, что молодой император пойдет по пути «пращура», будет «как он, неутомим и тверд». Славянским Людовиком XIV воспринимал Николая I французский мемуарист А. де Кюстин, отмечавший слова самодержца о том, что тот продолжает дело Петра Великого. «Петр Великий, – писал де Кюстин, – гораздо ближе к императору Николаю, чем его брат Александр, и потому Петр еще и теперь в большой моде».

4

На самом деле, не только в целях и задачах, но и в личности и характере Николая I проявлялось нечто, сближавшее его (при наличии и весьма существенных отличий) с великим предшественником. Стремясь поднять внутреннее благосостояние страны и упрочить ее внешнее значение, сменивший Александра I царь полностью подчинился взятым на себя обязательствам, ничем не жертвовал для удовольствия и всем ради долга. «Странная моя судьба, – признавался он в одном из писем, – мне говорят, что я – один из самых могущественных государей в мире, и надо бы сказать, что все, т. е. все, что позволительно, должно бы быть для меня возможным, что я, стало быть, мог бы по усмотрению быть там, где и делать то, что мне хочется. На деле, однако, именно для меня справедливо обратное. А если меня спросят о причине этой аномалии, есть только один ответ: долг! Да, это не пустое слово для того, кто с юности приучен понимать его так, как я. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение, все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле. Таков мой лозунг. Он жесткий, признаюсь, мне под ним мучительнее, чем могу выразить, но я создан, чтобы мучиться».

Многие современники отмечали и рыцарские качества Николая I, который строго придерживался кодекса чести, верности данному слову, с «крайним омерзением» относился к хитроумной фальши, закулисным интригам, подкупам оппонентов и прочим нелегальным уловкам, часто допускаемым так называемыми цивилизованными государствами. Даже явный недоброжелатель А. де Кюстин писал, что ум царя «самый практичный и ясный, какой только бывает на свете. Не думаю, чтобы сыскался сегодня второй государь, который бы так ненавидел

ложь и так редко лгал, как этот император». Император признавался этому мемуаристу, что слишком нуждается в прямом и откровенном высказывании своих мыслей и что скорее отступит до Китая, нежели согласится на продажный и мошеннический способ правления, отличавший, по его мнению, конституционные монархии.

В идеологии и политике Николая I наблюдается вполне отчётливая и последовательная устремлённость к преодолению отрицательных последствий безоглядных заимствований, восстановлению нарушенной связи времён, активизации плодотворных начал собственной истории. «Во мне поднимается волна почтения к этому человеку, – восхищался А. де Кюстин. – Всю силу своей воли он направляет на потаённую борьбу с тем, что создано гением Петра Великого; он боготворит сего великого реформатора, но возвращает к естественному состоянию нацию, которая столетия назад была сбита с истинного своего пути и призвана к рабскому подражательству... чтобы народ смог произвести всё то, на что способен, нужно не заставляя его копировать иностранцев, а развивать его национальный дух во всей его самобытности». Сам царь признавался мемуаристу, что хочет быть достойным русского народа и в невзгодах времени старается искать убежище в глубине России, забывая о западных странах.

Любовь к стране он стремился передать и цесаревичу Александру, считая, как и позднее Гоголь в «Избранных местах из переписки с друзьями», что «нужно проездиться по России». Его переписка с наследником, будущим императором «великих реформ», связанная с семимесячным (со 2 мая по 10 декабря 1837 г.) путешествием последнего по России, даёт богатый материал для понимания и этого вида образования и воспитания.

В соответствующих инструкциях и указаниях отец так определял задачи сыну: «Путешествие Наследника имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным... Я хочу, чтобы Великий Князь совершил путешествие свое с наибольшею пользою; чтобы обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность; Великий Князь должен знать Россию так, как она есть».

Составленные царем руководства, содержавшие элементы своеобразного протокола и технической регламентации, предполагали беспристрастное и непредубежденное ознакомление со всеми сословиями, профессиональными группами и категориями населения, с дворянством и купечеством, чиновничеством и военными, больными и заключенными, ссыльными и раскольниками и т. д. Призывая девят-

надцатилетнего путешественника набираться полезных знаний и опыта для должного управления Россией и оказывать равновеликое внимание всему, он тем не менее ставит на первый план посещение храмов, монастырей и мест «особого Богомыслия», просит сына исполнять «все обряды с подобающим уважением к Святыне» и уповать на Божью милость – «на Него одного клади надежду».

И действительно, после напутственного молебна в Казанском Соборе Петербурга, цесаревич в каждом новом городе направляется в первую очередь в храм. В его своеобразных письмах-отчетах отцу часто встречаются фразы: «сразу же в собор» или «прямо в собор». Особенно запомнились ему Ипатьевский монастырь, «столь достопамятный для нашей семьи», Донской и Даниловский монастыри в Москве, «примечательные по своим историческим воспоминаниям», которые показывал митрополит Филарет, а также подземная церковь в Киево-Печерской лавре, «в которой ты слушал литургию в 1816 году».

За семь месяцев наследник престола вместе со своими спутниками (воспитателями, наставниками, преподавателями, друзьями) проделал путь в 20 тысяч верст, посетив Великий Новгород, Тверь, Ярославль, Углич, Юрьев Польский, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу, Тамбов, Воронеж, Тулу, Калугу, Рязань, Смоленск, Брянск, Малоярославец, Бородино, Нижний Новгород, Орел, Курск, Харьков, Николаев, Одессу, Севастополь, Геленджик, Керчь, Ялту, Екатеринослав, Киев, Полтаву, Таганрог, Москву и другие города. Не только соборы и монастыри, но железоплавильные заводы и гранильные фабрики, смиренные и воспитательные дома, артиллерийские батареи и уланские полки, больницы и госпитали, богадельни и остроги, гимназии и лицеи, пожарные команды и биржи становятся предметом пристального внимания Александра Николаевича. Он вникает в самые разные дела, находя в них то «примерный порядок», то «ветхое положение» и получив за время путешествия около шестнадцати тысяч прошений, часть из которых передавалась местным властям, другие пересылались в соответствующие министерства, а наиболее важные отправлялись на высочайшее рассмотрение. В нескольких письмах сын просил о «прощении некоторых несчастных» декабристов, которых он встретил в Ялutorовске и Кунгуре, и отец ответил благосклонным решением о смягчении их участи. «Никто не побуждал его к состраданию, – писал В. А. Жуковский о наследнике его матери, императрице Александре Федоровне, – он сам с прелестной сыновней свободой и доверенностью высказал все Государю... Боже мой! Какими глазами будет смотреть Россия на этого милого сына царского! Какое восхищение произведет

на всех этот новый союз милосердия между отцом, умевшим в свое время быть правосудно-строгим и грозным, и сыном, которого юношеский умоляющий голос так легко претворил строгость в помилование! Сколько ран будет исцелено и сколько слез и молитв благодарных прольется пред Богом за отца и сына. Вчера, въезжая в Симбирск и видя толпу народа, которая с криком бежала за коляскою наследника, я не мог не заплакать и про себя повторял: беги за ним Россия, он стоит любви твоей».

Сопровождавший цесаревича Жуковский назвал его путешествие «венчанием с Россией», с которой будущий император Александр II сблизился не только, так сказать, географически, но и исторически. В одном из писем он признается отцу в невыразимых чувствах, возникающих в его душе при виде Бородинского поля, где «столько пролито крови, с одной стороны, за спасение Царя и Отечества, и с другой – по милости одного ненасытного честолюбца». Особое его внимание привлекает и другое поле, где в свое время развернулась Полтавская битва, – «никогда сердце русское не может хладнокровно смотреть, вспомнив, что на сем месте решилась судьба нашего Отечества. Великий Петр положил этим основание великой России, которая благодаря ему сделалась тем, что она теперь есть». При входе же в Успенский собор Кремля история в сознании цесаревича соединяется с будущим, традиция – с ответственностью за собственное предназначение: «в этом священном месте» ему «придется дать обет пред Богом блюсти ему за Россию!»

Николай I мог считать выполненной поставленную перед наследником главную задачу, которую он одновременно вопросительно и призывно раскрывал перед ним через три недели после начала путешествия: «Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежит и Родиной называть смеешь». Но уже спустя два месяца сын отвечал отцу вполне утвердительно: «Я ежедневно вижу и чувствую более и более всю важность путешествия, из которого я постараюсь извлечь всю возможную пользу, чтобы быть впоследствии полезным нашей матушке России и тебе, милый, бесценный Папа, нашему обожаемому Государю... видя землю Русскую теперь изблизи, более и более привязываюсь к ней, считаю себя счастливым, что Богом предназначен всю жизнь ей посвятить».

Царь с большим удовлетворением и эмоциональной приподнятостью встречал подобные мысли и чувства, о чем свидетельствуют его ответные послания наследнику. В этих письмах проявляется также хорошее знание конкретных реалий в разных сферах российской жизни,

ясное понимание нехватки «благо-мысленных исполнителей» (сравниваемых, как и цесаревичем, с персонажами из «Ревизора»), увлеченность военными смотрами и маневрами. Характерны также даваемые сыну советы, в которых обнаруживается присущее отцу стремление соблюдать строгую справедливость, осторожность в оценках, судить о людях по имеющимся добродетелям, действительным достижениям, заслуженному уважению, а не по заинтересованному и корыстному чиновничеству.

Будет уместным сравнить печатаемую в приложении к письмам инструкцию с той, что на следующий год была вручена цесаревичу уже для заграничного путешествия. «Прошлый 1837-й год ознаменован для тебя важным событием, любезный Саша, – писал Николай I. – Ты ознакомился с Россиею, и Бог благословил твое путешествие, которое произвело везде наилучшее впечатление. Тебя увидели и провожали как свою дорогую Надежду – да будет так!

Ныне настало время другого, не менее важного дела. Ты покажешься в свет чужеземный с тою же отчасти целию, то есть узнать и запастись впечатлениями, но уже богатым знакомством с родимой стороной, и видимое будешь беспрестанно сравнивать без всякого предубеждения. Многие тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания, и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может; мы должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость! – Но чувство это не должно отнюдь тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом Государстве или краю любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много увидишь и узнаешь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания.

Всегда ты должен помнить, что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоём обращении всех к тебе хотя и нехотя расположат. Будь везде почтителен к Государям и их семействам, не оказывая малейшего различия в учтивости к тем, которые, к несчастью, не пользуются добрым мнением; ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостию к хозяевам. – Оказывай всегда полное уважение к церковным обрядам и, посещая церкви, всегда крестись и исполняй, что по их обрядам в обычае. – Быв со всеми приветлив, будь особенно ласков с военными, оказывай всегда войскам должное уважение предпочтительно перед прочими. – Не позволяй себе никаких политических сужде-

ний, избегай сих разговоров и вообще слушай. Рассуждай про себя и только в необходимости отвечай, и тогда всегда по совести.

Требую от тебя, чтоб ты всегда советовался с К < нязем > Ливеном и Александром Александровичем во всех случаях, где они сочтут нужным для тебя предупредить, и уважай их мнение. С нашими посланниками будь почтителен и не пренебрегай их советами. Где Русских встречать будешь, обходись, как дома делаешь. Неимущим помогай, но без нужды не расточай.

Молись усердно, чтоб Бог тебя подкрепил и наставил, и помни советы друга старого

Папа Н < иколай > Царское Село 1-го Мая 1838 г.».

Примечательно, что в новой инструкции отец как бы призывает сына оживить в сознании прошлогодний опыт и подчеркивает спасительность самобытного развития русского народа и государства. Он также предостерегает его от соблазнов и прельщений европейской цивилизации, даже достойные плоды которой не всегда годятся для отечественного употребления. И опять-таки весьма характерны советы сохранять соразмерную почтительность и осторожность, непосредственность и открытость в общении с самыми разными людьми, руководствуясь в затруднительных случаях чувством достоинства и голосом совести. «Дай Бог, - писал Николай I за пять лет до своей кончины будущему Александру I, - чтобы удалось мне сдать тебе Россию такую, какую стремился я её поставить: сильной, самостоятельной и добродящей – нам добро, – никому зло».

Ф. М. Достоевский, Император Александр III и Русская идея

«Ну что будет с Россией, если мы,
последние Могикане, умрем?»

Из письма Ф. М. Достоевского

К. П. Победоносцеву

24 августа / 5 сентября 1879

Величайшие философы, писатели и ученые, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX–начале XX в. в «эпоху мысли и разума», оставили потомкам глубочайшие философские работы, непревзойденные до сих пор произведения культуры. Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф. М. Достоевский, всемирно признанный писатель и пророк-философ. Рядом с ним, но в тени его, стоит ученый, философ, правовед, писатель, не оцененный современниками и потомками К. П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым на выбор исторического пути развития России, требует пристального внимания.

В конце 1870-х г. в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX в. с отменой крепостного права грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 1860–1870-х гг., проведенные Александром II, породили в огромной степени еще более острые проблемы и противоречия. По словам К. П. Победоносцева, «перестройка (термин из того времени. – Ю. К.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции». Общество стало терять равновесие. Нравственное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал

Б. Н. Чичерин) считали, что в России нет еще нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твердой государственной власти.

В 1881 г. Чичерин писал: «Казалось бы, что совершенные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни...»¹

Известный русский педагог С. А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III на престол, писал в дневнике: «Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией и единственный оплот против всеобщего безумия – Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только ее призрак. Если государь не возьмет всего в руки сам – потрясения неизбежны»².

К. П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к ее историческим традициям. Философ Василий Розанов писал о нем: «Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь – улицы»³.

Летом 1873 г. Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала «Гражданин», работая с ним вместе над редакци-

¹ Чичерин Б. Н. Московский университет. М., 2002.

² Рачинский С. А. Дневники.

³ Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990.

рованием поступавших в редакцию материалов. Из письма Ф. М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 г.: «Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал мое “Преступление и наказание” (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал в Англию, следовательно, дела еще не совсем плохи»⁴.

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И. С. Аксаков, А. Н. Майков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, художники В. М. Васнецов, И. Н. Крамской, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и многие-многие другие. Но дружба, возникшая у К. П. Победоносцева и Ф. М. Достоевского, носила особенный характер⁵.

На первый взгляд эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Социалист и бывший каторжник, азартный игрок Ф. М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, «противником реформ», наставником царских детей К. П. Победоносцевым. В действительности, эти два человека в столь сложный момент Российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

В 1870-х годах Ф. М. Достоевский становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала «Гражданин», откликнувшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заостренность. Его философские идеи, опирающиеся на ши-

⁴ Достоевский Ф. М. – Достоевской А.Г. Петербург. 26 июля 1872 г. // Литературное наследство. 1934. № 15.

⁵ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки. 1866 – 1895/ Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 110.

рокие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке приобретают большую популярность в широких общественных кругах и в верховной государственной власти⁶.

Из переписки двух философов видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его «Дневника писателя», давая в каждом выпуске обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики.

Они познакомились зимой 1871/72 г. в доме князя В. П. Мещерского, регулярно встречались в петербургских салонах на «средах» у князя В. П. Мещерского, на «пятницах» у Я. П. Полонского⁷, на вечерах у великого князя К. К. Романова⁸. Но самыми творческими встречами были их встречи по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, на которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь. «Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, – писал К. П. Победоносцев писателю И. С. Аксакову в дни похорон Достоевского, – и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей»⁹.

Федор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы «дух лечить» и «ловить слова напутствия» и особо подчеркивал «полную идейную солидарность». «Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе прекрасное ободрившее меня письмо, – писал Федор Михайлович в августе 1880 г. – Именно ободрившее, потому что я, как человек, всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю ... мнение таких людей как Вы – решительная для меня поддержка»¹⁰. Из письма от 19 мая 1880 г.: «Мою речь о Пушкине

⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2009. С. 78.

⁷ Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт, прозаик. Объединял вокруг себя самых разных писателей, художников, ученых, среди которых были А. А. Фет, А. Н. Майков, К. М. Фофан, С. Я. Надсон и многие другие.

⁸ Романов Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, поэт и переводчик, подписывался криптонимом «К.Р.».

⁹ См.: Литературное наследство. 1934. № 15; Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 295.

¹⁰ Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 16 августа 1880 г. Старая Русса // Красный архив. М-Пг., 1922. Т. 2. С. 251.

я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших, то есть, осмелюсь так выразиться) убеждениях, а потому я жду, может быть, некоего поношения»¹¹.

24 августа / 5 сентября 1879 г. Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге «Русский инок» и в конце письма замечает: «...Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью». Заключительная часть письма свидетельствовала об истинных чувствах, которые испытывал Достоевский к Победоносцеву, глубоким его уважением к нему и полном взаимопонимании: «До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать – лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль, ну что будет с Россией, если мы, последние Могикане, умрем? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, все-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?»

Федор Михайлович в своих письмах постоянно выражает свое восхищение перед личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 г.: «...За Вашу драгоценную деятельность слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в “Московских новостях”...Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности, Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский»¹².

Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углубленное видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба философа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 60-х годах XIX в., которая окажет на Россию и весь мир большое влияние.

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего пути развития России. Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением... Одной материальной выгодой, одним «хлебом» – такой высокий орга-

¹¹ Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 19 мая 1880 г. // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 243.

¹² Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 24 августа / 5 сентября 1879 г. // Литературное наследство 1934. № 15. С. 90.

низм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то, что весь русский народ и всё движение его в этом году. ... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ-любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его – богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, и оно радуется, и народ про это знает¹³.

В своих произведениях Ф. М. Достоевский всесторонне показал русского человека, особый склад его души и ума. Известный исследователь русского романа, служивший в те годы секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге виконт Мельхиор де Вогюэ, не раз встречавшийся с Достоевским, в дневнике за 1880 г. после встречи с Федором Михайловичем записал фразу, высказанную писателем в беседе с ним: «Мы обладаем гением всех народов и сверх того русским гением, – вот почему мы можем понять вас, а вы не в состоянии нас постигнуть»¹⁴.

В романе «Братья Карамазовы» содержится пророчество Достоевского о путях и целях России. Законченная концепция «русского пути» была изложена Достоевским 8 июня 1880 г. в речи на открытии памятника Пушкина в Москве, написанная не без влияния Победоносцева.

* * *

«Влияние его (Ф. М. Достоевского)
было великое и благодетельное»

*К. П. Победоносцев – М. Н. Каткову
Январь 1881 г.*

В 1870-х годах признание Ф. М. Достоевского в самых широких слоях русского общества, в том числе и среди молодежи разной идейной направленности, становится всеобщим. Сам писатель в письме Победоносцеву К. П. 24 августа 1879 г. называет свое «литературное положение» «почти феноменальным», «как человек, пишущий против европейских начал, компрометировавший себя навеки “Бесами”, то есть ретроградством и обскурантизмом, – как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет и критиков, – все-таки признан молодежью

¹³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1876. С. 190.

¹⁴ E.M. De Vogüé. “Journal” Paris – Saint-Petersburg, 1877– 1883. P., 1932. P. 164.

нашей, вот эту самую расшатанной молодежью, ни гилатиной и проч.? Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим руководящим писателем»¹⁵.

Идейные и личные сближения Достоевского с такими деятелями эпохи Александра II как К. П. Победоносцев, Третий Филиппов¹⁶, М. Н. Катков носили особый характер. «Влияние его (Ф. М. Достоевского), – напишет К. П. Победоносцев М. Н. Каткову в январе 1881 г., – было великое и благодетельное»¹⁷. Мир властителей и судей становится миром Достоевского. Достоевского как большого писателя высоко оценивает и царская власть. Она признает его «как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний». Среди почитателей писателя оказываются и члены Императорской семьи, особенно ее молодые представители, покоренные глубиной психологического таланта, гражданской и философской позицией Достоевского.

Сыновья Императора Александра II Сергей и Павел Александровичи зачитываются произведениями Федора Михайловича и хотят лично познакомиться с ним. Знает книги Достоевского и сам царь. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодежи в православии и высоконравственном духе. В начале 1878 г. по просьбе Императора Достоевского посещает воспитатель царских детей Д. С. Арсеньев. От имени царя он передает ему просьбу, «чтобы Федор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей»¹⁸.

«Федор Михайлович, – пишет Анна Григорьевна, – в то время был погружен в составление плана романа «Братья Карамазовы», и отрываться от этого дела было трудно, но желание царя-освободителя было, конечно, для него законом. Федору Михайловичу приятно было сознавать, что он имеет возможность исполнить хотя бы небольшое желание лица, перед которым он всегда благоволил за великое дело освобождения крестьян – за осуществление мечты, которая была дорога ему еще в юности и за которую отчасти он так жестоко пострадал в свое время...»¹⁹

¹⁵ Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К.П. 24 августа / 5 сентября. ЭМС. Достоевский Ф. М. П.С.С. в 30-ти томах. Л., 1988. Т. 30 (кн. 1). С. 131.

¹⁶ Один из могущественных сановников, в течение 20 лет руководивший Государственным контролем страны с правом личных докладов Императору. Обладал широкой эрудицией в культурных и религиозных вопросах; консерватор, среди его литературных друзей, кроме Достоевского, были Алексей Писемский, поэты Майков и Яков Полонский, драматург Островский.

¹⁷ Победоносцев К. П. Переписка.

¹⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 326 – 328.

¹⁹ Там же.

Первое свидание Достоевского с великими князьями состоялось 24 апреля 1878 г. По воспоминаниям Анны Григорьевны, оно «произвело на Федора Михайловича самое благоприятное впечатление: он нашел, что они обладают добрым сердцем и недюжинным умом и умеют в споре отстаивать свои, иногда еще незрелые убеждения, но умеют с уважением относиться к противоположным мнениям своих собеседников»²⁰. Встречи с Федором Михайловичем оказались очень благотворными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер.

Анна Григорьевна писала в своих воспоминаниях: «Отношения Федора Михайловича с Великими князьями продолжались до самой смерти. Их Высочества, бывшие в 1881 г. за границей, прислали мне по поводу моей утраты в высшей степени сочувственную телеграмму: «Искренно сочувствуем вашему несчастью; имели счастливый случай знать вашего покойного мужа лично и ценить его большой талант, его сердце, столь полное любви к родине и ближнему и его благотворное влияние; разделяем общее горе и понимаем потерю, понесенную вами и всю глубину вашего горя: да поддержит вас Бог!»²¹ Оба сына царя-реформатора Александра II позже станут жертвами трех русских революций.

Тесные контакты сложились у Достоевского с семьей великого князя Константина Николаевича (1827–1892), второго сына Николая I. Генерал-адмирал руководил Морским министерством, в 1860–1861 гг. был председателем Государственного совета. Из воспоминаний дочери Достоевского: «Великий князь Константин Николаевич тоже попросил моего отца повлиять на его молодых сыновей Константина и Дмитрия. Это был интеллигентнейший человек, широко европейски образованный, он хорошо воспитал своих сыновей патриотами и христианами. Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти... Он любил их обоих, но отдавал предпочтение Великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта...»

С молодым Великим князем (Константином Константиновичем), несмотря на разницу лет, у Достоевского установились дружеские отношения. «Он часто приглашал мужа, – писала Анна Григорьевна, – к себе побеседовать глаз на глаз или, созывая избранное общество, просил мужа прочесть по своему выбору что-либо из его нового произведения... Так, раза два-три Федору Михайловичу случалось читать у Великого князя в присутствии супруги наследника цесаревича, ее вы-

²⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 326 – 328.

²¹ По Церковно-общественные вести. 1881. № 18. С. 7.

сочества Великой княгини Марии Федоровны, Марии Максимилиановны Баденской и других особ императорской семьи).

Как-то после очередной встречи с писателем Константин Константинович запишет в дневнике: «Я люблю Достоевского за его чистое детское сердце, за глубокую веру и наблюдательный ум».

Среди множества соболезновательных писем, полученных Анной Григорьевной после смерти Федора Михайловича, которое особенно тронуло вдову, было письмо Константина Константиновича: «Вы понесли тяжелую, незаменяемую утрату, – писал великий князь, – и не вы одни, но и вся Россия глубоко скорбит с вами о потере великого человека, несшего всю свою жизнь ей в жертву! Милосердный Бог, даровав вам нелегкий крест, ниспосылает вам в то же время и редкое утешение: ваше тяжелое горе разделяется и оплакивается всеми вашими соотечественниками, всеми, знавшими лично и не знавшими Федора Михайловича... Простите мне вольность, с которою я обращаюсь к вам в эти высокие тяжелые минуты, когда ничто земное не может дать вам утешения, и верьте чистосердечности моих чувств. Всецело преданный вам Константин»²².

Второй сын великого князя Константина Николаевича – Дмитрий Константинович, 30 января 1881 г. присутствовал на панихиде в доме Достоевского²³.

* * *

«Александр III не был ни либералом, ни реакционером, а был честный, благородный, прямой человек...»

С. Ю. Витте

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III. «Живи так, как если бы от тебя зависела судьба мира». Этой хорошо известной формуле Достоевского великий князь старался следовать всю свою жизнь. Неслучайно он получил в истории имя Царя-миротворца.

С юности Александр Александрович понял свое царственное призвание, свой царский и человеческий долг. Его дневниковые записи

²² Романов К.К. – Достоевской А. Г. Фрегат Герцог Эдинбургский. Неаполь 14/26 апреля 1881. М., 1971. С. 328–330.

²³ Волгин И. В виду безмолвного потомства; Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствующего дома. СПб., 1992.

свидетельствуют об этом: «Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. В душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжелая и трудная обязанность, но “Да будет Воля Твоя, Боже”. Меня постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность, но я не падаю духом, потому что знаю, что Господь со мною, и в трудные минуты моей жизни я уповал на Его милосердие и постоянно молюсь, чтобы Он укрепил мой дух и благословил меня на эту трудную обязанность»²⁴.

До 1870 г. цесаревич Александр Александрович высказывал весьма либеральные взгляды. Вокруг наследника престола в эти годы образовался кружок, в составе которого были братья Лейхтенбергские, И. И. Воронцов-Дашков, С. Д. Шереметев, В. П. Мещерский, С. И. Велепольский. На собраниях кружка обсуждали исторические судьбы России. Признавая необходимость проведения «Великих реформ», члены кружка считали, что реформы должны были осуществляться в соответствии с известной уваровской триадой: «православие, самодержавие и народность». Все участники кружка были одушевлены «мыслью о необходимости «подъема народного самосознания» и искали в прошедшем своей родины идеалы для устройства будущих судеб ее²⁵...

По мнению писателя И. С. Тургенева, опубликовавшего во французском журнале «Обзор политики и литературы» от 26 марта 1881 г. статью по поводу вступления Александра Александровича на престол, «на путь либерализма вела его (Александра Александровича. – Ю. К.) природная склонность». «Он, – писал И. С. Тургенев, – казалось, был связан сердечными узами с французскими республиканцами. Сюда входило, главным образом, нескрываемое отвращение к императору Наполеону, двойственность которого, привычка к хитростям и интригам, оскорбляли все его честные инстинкты. Но когда наступила коммуна, на него нашел яростный гнев против всех делателей кровавых революций, и он не раз повторял с некоторой досадой – по поводу своих минувших убеждений: “Так вот до чего все это доводит”»²⁶.

Некоторые, весьма осведомленные современники, в воспоминаниях свидетельствовали, что Александр III, несмотря на то, что был от-

²⁴ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. д. 307. Дневник великого князя Александра Александровича, апрель 1866 г. Л. 15.

²⁵ *Победоносцев К. П.* и его корреспонденты. Письма и заметки. М.; Пг, 1923. Т. 1. С. 83.

²⁶ *Тургенев И. С.* Alexandre III // «*Revuepolitiqueetlitteraire*». 1881. 29 mars. IV. М., 1982. С. 286.

крытым сторонником самодержавной власти, не был принципиальным противником реформ своего отца. Так, воспитатель царских детей, директор в 1882–1886 гг. Морского корпуса адмирал Д. С. Арсеньев (1832–1915), отмечал, что Александр III в душе «был скорее так называемого либерального направления», сочувствовал «великим реформам» и желал их продолжения, но мешала смута²⁷.

Публицист И. И. Кольшко утверждал, что значительный поворот политического курса после 1 марта 1881 г. возможно стал следствием стечения обстоятельств, прежде всего, значительным революционным движением и убийством Александра II, а также из-за того, что в тот момент К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой выглядели убедительнее и умнее, чем М. Т. Лорис-Меликов и Н. П. Игнатьев.

* * *

«Нынешние великие силы в истории подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни русской идеи ярче, чем бы то ни было до сих пор...»

Ф. М. Достоевский – из письма Цесаревичу Александру Александровичу 16 ноября 1876 г.

На фоне политической нестабильности и разгула терроризма во второй половине XIX в. в России в работах философов, писателей, общественных и политических деятелей рассуждения о национальной идее звучали все чаще и громче. Ф. М. Достоевский, в чем сходится большинство российских специалистов в области русской философии и общественной мысли, был первым философом, который ввел в литературу термин «русская идея», хотя само определение «идеи нации» вошло в российскую историко-юридическую науку впервые благодаря писателю-философу Н. Я. Данилевского, по мнению которого, «идея нации» была идеей объединения народа в рамках национального государства. Эта идея должна была опираться как на этнографические и исторические основания, так и в значительной степени на религиозно-культурные.

Великий князь Александр Александрович познакомился с романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в конце 1860 года с огромным интересом и познакомил с ним цесаревну Марию Федоровну. После выхода в свет в 1873 г. отдельным изданием романа Достоев-

ского «Бесы», Победоносцев дал понять писателю, что им интересуются цесаревич и цесаревна. По совету последнего Достоевский послал августейшей паре «Дневники писателя», а также только что опубликованное произведение «Братья Карамазовы».

Ф. М. Достоевский высоко оценил деятельность цесаревича Александра Александровича в качестве председателя Комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии. 21/22 марта (2/3 апреля) 1868 г. Федор Михайлович писал из Женевы поэту А. Н. Майкову: «Как я рад, что наследник в таком добром и величественном виде появился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему»²⁸.

В конце 1871–начале 1872 г. Достоевский написал свое первое письмо наследнику. Эта мысль была подсказана ему князем В. П. Мещерским, с которым Достоевский познакомился осенью 1871 г., а в начале 1872 г. стал посещать его «среды». В это время В. П. Мещерский пользовался вниманием наследника и часто бывал в Аничковом дворце.

Вскоре Достоевский, испытывавший большие материальные затруднения, получил от цесаревича первую денежную поддержку, которая была ему крайне необходима. «Получил денег, – писал Достоевский 4 февраля 1872 г. своей племяннице С. А. Ивановой, – и удовлетворил самых нетерпеливых кредиторов. Но совсем еще не расплатился, далеко от того, хотя сумму получил немалую...»²⁹

28 января 1872 г. Достоевский направил второе письмо цесаревичу, в котором, в частности, говорилось: «Осмеливаюсь еще раз писать к Вашему высочеству, а вместе с тем почти боюсь выразить мои чувства: одоляющему, с сердцем великодушным почти всегда несколько тяжелела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренняя. Чувства мои смутны: мне и стыдно за большую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большого бедствия...» Заканчивалось письмо словами: «С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего императорского высочества покорнейшим слугою Федор Достоевский»³⁰.

²⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л., 1988. Т. 28. Кн. 2. С. 281–282.

²⁹ Там же. С. 226.

³⁰ Там же. С. 228.

Когда в начале 1873 г. вышли отдельным изданием «Бесы», Достоевский через Победоносцева послал их цесаревичу. В этом произведении писатель в предвидении судьбы России показал тех, кто готовил гибель ее. Петр Верховенский и его сообщники из «Тайного общества» с «центральным комитетом» в Женеве, с их заветными планами в отношении русского населения: «Все рабы в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство...», «...мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат...», «...народ пьян, матери пьяны, церкви пусты...», «...разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, самолюбивую мразь – вот чего надо...!»³¹

10 февраля 1873 г. Достоевский написал наследнику третье письмо. «Письмо это было адресовано его Императорскому Высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу по следующему поводу, – писала в примечаниях к письму Анна Григорьевна Достоевская, – его Высочество всегда интересовался произведениями Федора Михайловича, в разговоре с К. П. Победоносцевым выразил желание знать, как автор «Бесов» смотрит на сие произведение. В начале 1873 г. вышло отдельное издание этого романа, и тогда, через К. П. Победоносцева, Федор Михайлович поднес книгу его Высочеству, сохранив подношение выше написанным письмом»³².

В письме Достоевского наследнику были следующие строки: «... Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире, будущий вожатый и властелин земли русской, может быть, обратив Ваше малое внимание на мою попытку, слабую, я знаю это, но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор еще остающейся во главе русской жизни»³³.

Зная через Победоносцева и Аксакова, что цесаревичу близки идеи русской самобытности, Достоевский в третьем письме объясняет, что заставило его написать роман «Братья Карамазовы». «Это – почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как Нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не слу-

³¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л., 1988. Т. 28. Кн. 2. С. 281–282.

³² Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 334.

³³ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 451.

чайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления - прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так «высокомерны» в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесла в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными». Заканчивалось письмо следующими словами: «Простите мне, Всемилостивейший Государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозвоьте высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск «Дневника писателя». С чувством благоговейного уважения осмеливаюсь назвать себя Вашего Императорского Высочества благодарным и преданным слугою. Федор Достоевский»³⁴.

16 ноября 1876 г. К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передает цесаревичу вышедшие издания «Дневника писателя» с сопроводительным письмом, в котором говорится: «Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания «Дневника писателя»; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нем немало статей, написанных с талантом и с чувством. Вашего Высочества верноподданный, К. Победоносцев. 16 ноября 1876 г.»³⁵.

³⁴ Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 29. Кн. 1. С. 451.

³⁵ Победоносцев К. П. и его корреспонденты... Т. 1. С. 98.

В своем письме наследнику престола Федор Михайлович обращает его внимание на значение для России и ее культуры «русской идеи»: «Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на все, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моем есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...»³⁶

Цесаревич стал «почитателем» Достоевского, «почитательницей» таланта великого писателя была и 32-летняя цесаревна Мария Федоровна. Ей трижды посчастливилось встретиться с Достоевским. Первая встреча произошла 29 апреля 1880 года в Санкт-Петербурге в доме графини Менгден на Дворцовой набережной, 34, на вечере в пользу Общины сестер милосердия святого Георгия.

8 мая 1880 года в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича состоялся вечер Федора Михайловича Достоевского. «Ф[едор] М[ихайлович] читал из “Карамазовых”, – писал на следующий день Константин Константинович в своем дневнике. – Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф[едора] М[ихайловича] прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел «Мальчик у Христа на елке». Елена (Шереметева – внучка императора Николая I. – Ю. К.) плакала, крупные слезы катились по ее щекам. У цесаревны глаза тоже подернулись влагой». На следующий день великий князь записал в дневнике: «Был у цесаревны – благодарит за вчерашний вечер»³⁷.

Мария Федоровна произвела явное впечатление на Федора Михайловича. В своем письме из Москвы своей жене от 27–28 мая 1880 г. Достоевский сообщал: «Я рассказал Каткову о знакомстве моем с высокой особой у графини Менгден и потом у К[онстантина] К[онстантиновича]. Был приятно поражен, совсем лицо изменилось». Жена Достоевского в воспоминаниях писала: «Теперь пришел его (Достоевского. – Ю.К.) черед восхищаться цесаревной. Будущая русская императрица была изумительной личностью, простой и доброй, с присущим ей даром нравиться людям»³⁸.

³⁶ Цит. по: Белов С. В. Федор Михайлович Достоевский и его окружение. Л., 1960. Т. 1. С. 25.

³⁷ Литературное наследство. Т. 86. С. 137.

³⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 179–186.

Мария Федоровна подробно рассказала мужу о встрече с Достоевским, который произвел на нее глубокое впечатление. Наследник давно имел намерение лично познакомиться с Федором Михайловичем. Обер-прокурор К. П. Победоносцев со своей стороны неоднократно говорил цесаревичу, что и Достоевский хотел быть принятым в Аничковом дворце. Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась 16 декабря 1880 года. 9 декабря 1880 г. К. П. Победоносцев писал Достоевскому: «Почтеннейший Федор Михайлович. Я предупредил письменно Великого князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об вас доложили и что цесаревич предупрежден мною»³⁹.

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает об этой встрече: «Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофилами, ожидавшими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих князей. Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу.

Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной <...>. Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией. Этот император видел в своей жизни так много холопских спин! Возможно, ему не доставило неудовольствия то, что в своем обширном государстве он нашел менее податливый, чем у других, хребет»⁴⁰.

Действительно, цесаревич глубоко уважал и почитал Достоевского, «горячего проповедника, – по словам Победоносцева, – основных начал веры, народности, любви к Отечеству». Его глубокая религиозность была очень близка наследнику престола и его жене.

³⁹ Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф.М. 9 декабря 1890 // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 148.

⁴⁰ Белов С. В. Федор Михайлович Достоевский и его окружение. Л., 1960. Т. 1. С. 29.

Достоевский знал о том, что цесаревич и цесаревна были его «почитателями». В письме к жене от 20 июля 1873 г. он прямо говорил об этом. Император Александр III действительно хорошо знал произведения Достоевского. Об этом, в частности, пишет в воспоминаниях историк И. Е. Забелин. Во время открытия Исторического музея в Москве и осмотра экспозиции музея, Александр III с Марией Федоровной посетили комнату, где были размещен музей Достоевского. «...Затем пошли в комнату Достоевского. Здесь Государь и великий князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично»⁴¹.

Граф С. Д. Шереметев, историк, предводитель дворянства Московской губернии, констатировал, что «Достоевскому он (Александр III. – Ю. К.) придавал большое значение». Об этом свидетельствует и письмо К. П. Победоносцева, написанное им после похорон Федора Михайловича Александру Александровичу 20 января 1881: «Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его – большая потеря и для России. В среде литераторов он – едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающие как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его»⁴².

В январе 1881 года, когда Ф. М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александру II. – Ю. К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского»⁴³. На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей, и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии – великий князь Дмитрий Константинович. Об этом вспоминала вдова покойного: «На одной из панихид присутствовал юный тогда великий князь Дмитрий Константинович со своим воспитателем, что приятно поразило присутствовавших». Все это сви-

⁴¹ Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2006. С. 151.

⁴² Победоносцев К. П. – Александру Александровичу. 20 января 1881 г. // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 252.

⁴³ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1. С. 43.

детельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

В последние годы правления император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы. Витте писал: «Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры <...>. Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа <...>»⁴⁴.

* * *

«Александр III был истинно русским царем, какого до него Россия давно не видела...

...Он хотел, чтобы Россия была Россией, чтобы она, прежде всего, была русской, и сам он подавал тому лучший пример. Он явил собой идеальный тип «истинно русского человека»».

*Роберт Солсбери – премьер-министр
Великобритании с 1885, 1886–1892
и 1895–1902 гг., депутат палаты
от консервативной партии,
член Палаты Лордов*

Своим царствованием Александр III открыл новый исторический период в жизни русского народа – период расцвета народного самосознания, проведение в жизнь народных, чисто русских, самобытных начал. В. О. Ключевский писал, что в царствование Александра III русское историческое сознание поднялось на значительную высоту.

Годы царствования Императора Александра III ознаменовались подъемом национального духа, что особенно ярко проявилось в культурной жизни страны. Философ Л. Н. Тихомиров по этому поводу писал: «Некоторое время процесс ослабления государства был задержан редкими личными управленческими качествами императора Александра III. Его способность надзора за бюрократическим механизмом, его замечательно русская личная натура достигла возможности не только парализовать вредные стороны «пореформенного» положения, а даже вызвать подъем национального духа и творчества»⁴⁵.

⁴⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 408.

⁴⁵ Тихомиров Л. Н. Монархическая государственность.

Сравнивая время царствования Александра II и Александра III, философ К. Н. Леонтьев в беседе с Л. Н. Тихомировым отмечал: «Те, кто пережил лично времена Александра III, – не могут себе и представить резкой разницы его с эпохой Александра II. Это были как будто две различные страны. В эпоху Александра II весь прогресс, все благо, в представлении русского общества, неразрывно соединялись с разрушением исторических основ страны. При Александре III вспыхнуло национальное чувство, которое указывало прогресс и благо в укреплении и развитии этих исторических основ. Остатки прежнего, антинационального, европейского, каким оно себя считало, были еще очень могущественны, но, казалось, шаг за шагом отступали перед новым, национальным»⁴⁶.

Академик Семенов-Тянь-Шанский П. П., выступая в 1890 г. на съезде Императорского Русского Географического Общества, особо подчеркнул, что в годы правления Александра Александровича в истории России пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа, «народное самопознание, – по его словам, – должно было обратиться на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу»⁴⁷.

Александр III начал, по выражению Ф. М. Достоевского, «с оздоровления корней». В «Дневнике писателя» Федором Михайловичем были сформулированы главные постулаты об основах существования нации и государства. «Общество основывается на началах нравственных, на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы – ничего не основывается»; «нации живут не одной лишь заботой о цене рубля и биржевой спекуляцией, а великим чувством и великою единящею и всех освежающею мыслью, соединением с народом». «Национальная сила рождается тогда, когда народ невольно признает верхних людей с ними заодно».

Александр III положил начало «нравственному собиранию Руси». Его Манифест восшествия на престол призывал «к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действиях учреждений».

⁴⁶ Леонтьев К. Н.: Proetcontra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917. Кн. 2. СПб., 1995.

⁴⁷ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Речь председателя ИРГО на Съезде Общества. СПб., 1890.

«Возвращение к родному быту, к основным началам русской жизни началось с Александра III». – писал известный русский философ Н. Ф. Федоров, один из основоположников «идеи космизма»⁴⁸. Об этом свидетельствовали и многие представители художественной жизни России. И. Е. Репин в «Далеком близком» писал: «Жизнь русская проснулась от долгой нравственной и умственной спячки, прозрела, первое, что она хотела сделать – умыться, очиститься от негодных отбросов, от рутинных элементов, отживших свое время. Сила свежей русской мысли царила везде, весело, бодро шли вперед и ломали без сожаления всё, что находили устарелым, ненужным...»⁴⁹

Заметные изменения в годы царствования Александра III происходили и в русской музыкальной жизни, о чем констатировал В. Э. Направник, сын композитора Э. Ф. Направника. «...За 20 лет пребывания отца (композитора Э. Ф. Направника. – Ю. К.) в России в настроении общества произошла большая перемена – «русификация» общества сделала большой шаг вперед, на все национальное пошла большая мода, которая из столицы распространилась в провинцию...»⁵⁰

Национальный поворот произошел и в зодчестве, и в ваянии, и в живописи. Русское зодчество повернуло «к монументальному русскому наследству, завещанного историей, т. е. к стилю времен первых русских царей из дома Романовых»⁵¹.

В художественной жизни страны перемены зримо просматривались и в характере художественных произведений – работах художников-передвижников, поддержанных Императором Александром III, в частности, в исторических полотнах В. И. Сурикова, в церковно-религиозной живописи, в частности, Владимирского собора в Киеве – В. Васнецова и М. Нестерова.

В императорской коллекции, ставшей основой Русского музея и насчитывающей 900 полотен, – 580 были произведениями русских художников. Особое место занимали картины на сюжеты из русской истории. Среди них картины В. И. Сурикова «Покорение Сибири» и «Боярыня Морозова», 14 пейзажей и батальных сцен русско-турецкой войны 1877–1878 гг., В. М. Васнецова, Н. Н. Карамзина, К. Маковского, И. Е. Репина и многих других русских художников.

Современник Александра Александровича, профессор-искусствовед А. В. Прахов утверждал, что в эпоху царствования Александра III более,

⁴⁸ Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах. М., 2005. Т. 1.

⁴⁹ Репин И. Е. Далекое близкое.

⁵⁰ Направник В. Эдуард Францович Направник и его современники. Л., 1991.

⁵¹ Назаревский В. В.

чем когда либо, обнаруживается стремление «внести» художественное просвещение в народные массы и организовать народный художественный труд во всем его объеме и при том с решительным исполнением национального направления, с желанием сохранить народные редкие черты во всей их неприкосновенности⁵².

Как император Александр III, так и императрица Мария Федоровна, будучи глубоко русскими людьми по духу и вере, относились к русскому народу и к России с высоким чувством любви и преданности. «Он (Александр III. – Ю. К.) глубоко, до самозабвения, любил Россию, – писал в воспоминаниях профессор Н. А. Вельяминов, – верил в ее большое будущее и считал своим святым долгом служить ей всеми своими силами». Императрица Мария Федоровна в одном из писем своему сыну Георгию напишет: «Можно более чем гордиться от сознания того, что принадлежишь к такому великому и прекрасному народу!»

Русскость – это та черта, которая в первую очередь бросалась в глаза всем, кто встречался с императором. Александр Александрович был воспитан в твердой православной вере своей матерью, императрицей Марией Александровной. Его учителями были люди, глубоко любившие Россию: историк С. М. Соловьев и филолог Ф. И. Буслаев. Большую роль в формировании его личности сыграл известный юрист К. П. Победоносцев. Писатель И. С. Тургенев, написавший после встречи в Париже с цесаревичем Александром Александровичем во французском журнале статью «Александр III», отмечал: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский. Он представляет даже замечательный пример влияния среды согласно теории Дарвина: в его жилах течет едва несколько капель русской крови, и, однако, он до того слился с этим народом, что все в нем – язык, привычки, манеры, даже самая физиономия, отмечены отличительными чертами расы. Где б его не увидели, везде бы назвали его родину»⁵³.

По словам С. Ю. Витте, «националистическая точка зрения была не чужда духу императора Александра III, но национализм его был в высокой степени благородный... Император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных. Более всех своих подданных он, конечно, любил русских...»⁵⁴.

⁵² Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. СПб., 1903.

⁵³ Тургенев И. С. Alexandre III // «Revuepolitiqueetlitteraire». 1881. 29 mars. IV/II .С. Тургенев. Полное собрание сочинений. Т. 14. Л., 1967.

⁵⁴ Витте С. Ю. Собрание сочинений. С. 200.

Чего стоят его письма, направленные цесаревичем с фронта русско-турецкой войны в связи с тяжелыми потерями под Плевной. И. И. Воронцову-Дашкову, 27 декабря 1877 г.: «Вы, конечно, слышали про молодецкие подвиги наших войск за Балканами, но, к сожалению, мы потеряли людей, больными, обмороженными и даже совершенно замерзшими!» Осознание бесполезности гибели тысяч русских солдат чувствуется во многих его письмах. «...Невыносимо грустно и тяжело, это то, что мы опять потеряли такую массу людей, столько дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!» – из письма от 5 сентября 1877 г. Императрице Марии Федоровне⁵⁵.

Князь В. П. Мещерский, внук историка Н. М. Карамзина, главный редактор журнала «Гражданин», отмечал, что патриотизм Александра III носил «спокойный» и «благородный» характер. Он (Александр III. – Ю. К.) создал ту «разумную середину» как во внешних делах, так и во внутренних. Своим чутьем к правде воздать России русское, Европе – европейское, и всем весом разумной середины, коей был обладателем и истолкователем, он стал на страже против увлечений в ту или другую крайность»⁵⁶.

Да, Александр III придерживался политики русификации страны, однако Император не сочувствовал крайним шовинистам, поскольку понимал, что они дискредитируют власть и русский народ. Об этом свидетельствует его фраза: «Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают, не дам я в обиду Россию». Не выдерживают критики утверждения ряда исторических публицистов, будто Александр III был антисемитом. Александр Исаевич Солженицын в книге «Двести лет вместе» (1795–1995) ответил на это обвинение.

«...После 1917 группа исследователей тщательно искала доказательства по всем открывшимся государственным архивам – и нашли только противоположное, начиная с того, что энергичного расследования (факторов еврейских погромов на территории России после 1881 г. – Ю. К.) требовал сам Александр III. Но кто-то безымянный изобрел и пустил по миру ядовитую клевету: будто Александр III – неизвестно кому, неизвестно когда и при каких обстоятельствах – сказал: «А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев!» И принялось, печаталось в эмигрантских освобожденческих брошюрах, вошло в либеральный фольклор, и даже вот через 100 лет, поныне, это выныривает в публикациях как историческая достоверность...»⁵⁷.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 642, РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2454. Л. 65 – 65 об.

⁵⁶ Князь В. П. Мещерский. Воспоминания. – М., 2001.

⁵⁷ Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001.

Приписываемый Александру III в ряде научных публикаций лозунг «Россия для русских» не соответствует действительности. Он не нашел документального подтверждения.

В 70-е г. XIX в. русские составляли 72,5% населения Европейской России, 19,2% населения Сибири и Средней Азии, 18% жителей Кавказа. По выражению Л. Тихомирова, русская нация давала «ток общей государственной жизни и дух, который мог бы выражаться в верховной власти». Историк-философ П. И. Ковалевский право на господство в Российской империи русской нации выводил из права принесенных жертв, права пролитой крови за Отечество.

Высокое чувство патриотизма основывалось на религиозных чувствах, владевших тогда многими подданными Российской империи. Брат Александра Александровича, великий князь Николай Александрович, рано покинувший земной предел, в одном из писем отцу, императору Александру II, напишет: «...мы, русские, любим свое отечество по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев, и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к Родине, мы будем сильными»⁵⁸.

Религиозные чувства русских людей удивляли и поражали иностранцев, посещавших в те годы Россию. Леди Джени Черчилль (урожденная Джаром), супруга Рандольфа Черчилля (канцлера казначейства в консервативном кабинете Роберта Солсбери) и мать Уинстона Черчилля, приезжавшая вместе с мужем в Россию, писала: «Нет нации, где бы патриотизм и преданность религии были так сильно развиты, как в русской, и если бы цивилизация России через своих правителей достигла большей степени развития, то нам (англичанам) пришлось бы поступаться нашим первенством и идеалом».

Православная терпимость помогла самодержавию создать огромное государство – Российскую Империю. По словам Д. И. Менделеева: «Руководимые самодержавным единством и православной терпимостью, мы можем и должны выполнять многое из этого бесконечного, что предстоит миру еще совершить, чтобы приблизиться к идеалу общего блага»⁵⁹.

Александр III сделал много для возвращения в страну «русского духа», утраченного в прежние царствования. Когда он вступил на престол, «Высочайшим повелением» от 7 мая 1883 г. он дозволил украшать здания исключительно русским флагом. Флаг состоял из трех полос:

⁵⁸ Из письма цесаревича Императору Александру II. 2 сентября 1864 г.

⁵⁹ Менделеев Д. И. Заветные мысли.

верхней – белой, средней – синей, нижней – красной. Этим цвета символизировали содружество Белой, Малой и Великой Руси. 5 апреля 1896 г. Особое совещание при российском Министерстве юстиции постановило «считать “народным” (национальным) или «государственным» исключительно бело-синий-красный цвет».

Со своими подданными и в семье он говорил только по-русски. Заслугой было возвращение к русскому языку и в дипломатии. Как свидетельствуют архивные источники, когда российский посланник из Гааги послал в Петербург реляцию, составленную, как было уже принято, на французском языке, Александр III сделал на ней пометку: «А что, он по-русски не умеет?» Вскоре, согласно изданному императором постановлению, дипломатическая переписка стала вестись на русском языке. Впоследствии министру иностранных дел Н. К. Гирсу было вменено в обязанность вести переписку Министерства иностранных дел, по возможности, на русском языке⁶⁰. Годовые отчеты Российского Министерства иностранных дел в эпоху Александра III также делались на русском языке. Донесения русских миссий за границей, шедшие в Петербург, составлялись также на русском языке⁶¹.

Александр Александрович ясно осознал, что пренебрежение к русскому языку как государственному языку приводит к неумению грамотно изъясняться по-русски, а также мыслить на родном языке, а также «чувствовать» и «действовать» по-русски. Старое русское название Юрьев было возвращено городу Дерт.

Во время правления Александра III в армии было введено новое обмундирование по русскому образцу, простое и сравнительно дешевое. Сам император любил русский костюм, поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами. Юрист А. Ф. Кони, встречавшийся с императором в Гатчине, вспоминал, что на нем была серая тужурка, из-под которой выглядывала русская рубашка с мягким воротником и рукавами, вышитыми русским цветным узором⁶².

В годы правления Александра III при его непосредственном участии в России были созданы: Русская опера, Русский музей, активно работало Русское Императорское историческое общество, во главе которого стоял сам Император, было подготовлено создание русского национального театра во главе с драматургом Островским, состоялось открытие Императорского исторического музея, державной волей было учреждено Русское Императорское Палестинское общество. Недаром профес-

⁶⁰ См. АВПР ф. Отчеты МИДа 1886 г.

⁶¹ Кессельбраннер Г.Л. Известные дипломаты России. М., 2002. С. 290.

⁶² Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1966.

сор Московского университета И. В. Цветаев, основатель на Волхонке в Москве Музея изящных искусств Императора Александра III (ныне Изобразительный музей им. А. С. Пушкина), назвал Александра III «державным покровителем наук и искусств в нашем отечестве».

Политические и общественные деятели Европы неоднократно подчеркивали русский характер политики Императора Александра III. Так, профессор современной истории, директор Свободной школы политических наук в Париже, член Академии нравственных и политических наук Института Франции, неоднократно в 1872–1907 гг. посещавший Россию, Анатоль Леруа-Болье скажет после смерти Александра Александровича «история назовет Александра III истинно русским царем».

Поэт России Аполлон Майков, давая оценку царствования Александра III, скажет о нем: «Он верил в устои вековые» и напишет следующие строки:

«Воскресла духом Русь
Сомнений мрак исчез –
И то, то было в ней лишь
Чувством и преданьем
Как ковanej броней
Закреплено сознанием».

Художник М. В. Нестеров в дни ухода из жизни Императора напишет в одном из писем В. И. Сурикову: «Он воплощал в себе все святое, лучшее, характерное для нравственного облика народа... Со времени Александра Невского, можно смело сказать, никто более не выражал в себе так ярко свой народ, как Александр III... Со смертью Александра III Россия потеряла свое вековечное лицо – ушел действительно благочестивый Государь, любивший Россию больше жизни, берегший ее честь, славу, величие».

Император Николай II. Опустевший трон

1917 год – роковой рубеж в истории России, год начала коренной ломки традиционных форм жизни народа и страны. Исходным пунктом распада исторической связи времен стало отречение императора Николая II от престола 2 марта 1917 года.

Вместе с Романовыми уходила в небытие длившаяся столетия историческая эпоха тронов и корон, на смену которой пришли времена громогласно декларируемого «народоправства». Понадобились десятилетия невероятных жертв и лишений, невиданного насилия и тотального закабаления личности, чтобы осознать, что намеченная вожделенная цель многих великих мечтателей так и осталась мечтой. В реальности же были загубленные жизни и судьбы миллионов людей, деформированная нравственность, разрушенная культура, оболганная история.

Объектом беззастенчивых конъюнктурных манипуляций стало прошлое нашей страны, которое «свободно интерпретировалось» в соответствии с примитивными идеологическими схемами. Историю излагали не на основе принципов объективности, а в русле господствующих представлений о том, как должно было быть. Особенно негативную реакцию всегда вызывал последний царь Николай II, имя которого упоминалось исключительно с массой уничижительных эпитетов, а описание любых, связанных с ним исторических эпизодов, позволяло авторам поупражняться в язвительном остроумии.

И до сих пор российский самодержец, в судьбе которого сфокусировались многие роковые коллизии отечественной истории конца XIX – начала XX века, не стал полноправным персонажем грандиозной трагедии, пережитой нашей страной. Его политическую роль, поведение, поступки, в контексте общественных потрясений, объясняли и характеризовали много и часто. Однако жизнь и судьба этого человека и государственного деятеля сами по себе по существу не стали предметами специального рассмотрения.

* * *

Через несколько часов после отречения от власти Николай Александрович Романов, превратившись из Николая II в «бывшего императора», записал в дневнике: «Кругом измена, и трусость и обман». По

справедливому замечанию русского мыслителя и провидца Н. А. Бердяева, «монархия в России пала сама, ее никто не защищал, она не имела сторонников».

Как случилось, что правивший более двадцати лет самодержец, на верность которому присягало бесчисленное множество военных и гражданских чинов всех рангов, оказался брошенным на произвол судьбы и практически в полном одиночестве? Где причины того, что мощная монархическая система сошла на нет, что называется, в одночасье, и в огромной, существовавшей века империи ни у кого не нашлось ни желания, ни воли встать на защиту, как длительное время казалось, освященных историей и Божественным проведением исконных и святых идеалов монархизма?

Любые простые ответы на подобные вопросы не могут быть убедительными и для объяснения феномена Февраля 1917 года необходимо принимать в расчет массу самых различных факторов, явлений и процессов, в том числе и особенности личности последнего царя.

Николай Александрович Романов вступил на престол после смерти своего отца, Александра III, 20 октября 1894 года и на протяжении последующих 268 месяцев был олицетворением высшей власти в государстве, неся политическую и моральную ответственность за многое из того, что творилось в крупнейшей мировой империи, протянувшейся от берегов реки Вислы на Западе до Алеутских островов на Востоке.

На этих необозримых просторах происходили в конце XIX – начале XX века огромные изменения. Россия быстро превращалась в мощное индустриальное государство. Росли города, возникали во множестве заводы и фабрики, строились железные дороги, открывались школы, училища, университеты. Тем не менее, Российская империя уступала ряду западных стран по уровню и качеству жизни основной массы населения, хотя этот разрыв постоянно сокращался.

Новое в стране соседствовало и во многих случаях причудливо переплеталось со старым, которое с большим трудом сдавало свои позиции. Амбиции, традиции, привычки и привилегии одних вызывали неудовольствие и возмущение других. Российская империя и к началу XX века во многом продолжала сохранять черты огромной дворянской вотчины, где представители «благородного сословия», и особенно его высшей аристократической части, находились, по сравнению со всеми остальными подданными, в преимущественном положении, охраняемом и защищаемом всей силой государственной системы.

Человеком этой среды, впитавшим в себя многие обычаи и предрас судки ее, и был император Николай II, принявший монарший скипетр в 26-летнем возрасте. Судьбы венценосца он не искал. Жребий пал на него

по праву рождения, как на старшего сына императора Александра III (его отец стал монархом, когда Николаю Александровичу было почти тринадцать лет).

За весь довольно продолжительный период правления Николая II лишь несколько первых лет можно назвать относительно спокойными, хотя и в это время происходили трагически-зловещие события, например, «Ходынская катастрофа», когда в результате образовавшейся давки на коронационных торжествах в Москве в 1896 году погибли сотни людей.

Большая же часть царствования – постоянные потрясения, бесконечные смуты, войны. По различным причинам недовольство охватывало все новые и новые круги общества, и в конце империи к числу недовольных относилось едва не все политически сознательное население страны. Убеждение в том, что Россией управляют «не так», стало всеобщим, а утверждения, что «хуже быть не может» и «так жить больше нельзя», сделались расхожими. Многие боялись и не хотели революции, помня трагические кровавые уроки 1905 года, но перемен желали если не все, то очень и очень многие.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война вызвала кратковременный патриотический подъем. Однако по мере усложнения дел на фронте и исчезновения надежд на ее победоносное и скорое завершение общественные настроения менялись, окрашиваясь в мрачные тона. На высшее руководство страны и, в первую очередь, на императора и его ближайшее окружение стали возлагать ответственность за неблагоприятное течение дел. Пиетет и уважение к царской особе, в значительной степени под влиянием легальной и полуполициальной антиромановской агитации, исходящей из оппозиционной среды, постепенно в общественном сознании заменялись критической оценкой. Категорические выводы, как правило, строились на распространенных стереотипах восприятия действительности современниками событий, которые лично Николая II или не знали совсем, или знали весьма поверхностно.

После падения монархии о судьбе Николая II, за исключением буквально нескольких лиц, никто не думал. В кругах так называемого «образованного общества» очень долго, на протяжении нескольких поколений, накапливалось скептическое отношение к самодержавной системе, и когда эта, по распространенному убеждению, деспотическая и антинародная власть рухнула, то искренний восторг охватил различные слои общества. Даже некоторые члены династии Романовых приветствовали Февральскую революцию.

Понадобилось время, чтобы эйфория стала исчезать, и началось осознание той горькой истины, что на смену «проклятому прошлому»

не пришло и в обозримом будущем не придет «лучезарная действительность».

Только левосоциалистические деятели правильно уловили настроения в стране, сумели возглавить и, как теперь сказали бы, канализировать общественное движение в необходимом для них направлении и завладели властью прочно и надолго.

Участь всех остальных была незавидной. Голод, холод, другие лишения; досрочная естественная и насильственная смерть.

Многим удалось различными путями эмигрировать. Осев на дальних и ближних от России «чужих берегах», бывшие сановники, офицеры, адвокаты, журналисты «со стойкой либеральной репутацией», обнищавшие «финансовые гении», носители громких аристократических фамилий и конечно же многочисленные борцы за «Великую Россию» из числа обанкротившихся политических и общественных деятелей всех мастей в течение нескольких десятилетий яростно доказывали себе и другим, что вот он «господин Иванов» и его политическая партия или группа, делали все правильно, и если бы им не мешали, то катастрофы не случилось бы.

В бесчисленном множестве подобных мемуарных реминисценций последний царь и курс назначавшегося им кабинета министров – всегда в центре внимания.

Тезис о том, что у кормила власти стояли «не те люди», делавшие «не ту политику», был довольно быстро канонизирован и в этом пункте по сути дела не было и нет разногласий у авторов сочинений, стоявших на диаметрально противоположных мировоззренческих позициях.

В конце XIX – начале XX века Россия походила на огромный корабль, плывущий не по воле стоявшей у штурвала команды, а в соответствии со случайными непредсказуемыми течениями, определявшими и менявшими курс. Был потерян ориентир в будущем, исторические цели и в результате – мощная иерархическая государственная машина работала часто на холостом ходу. Уже к концу XIX века отчетливо проступили признаки того, что принято называть кризисом власти. Особенности же личности монарха могли усугубить или смягчить подобное положение, но не инициализировали его.

Этот принципиальный момент необходимо учитывать при анализе той, достаточно тупиковой общественно-политической ситуации, в которой была так называемая «историческая власть», когда Николай Романов надел на себя корону. Самодержавие было ее цементирующим началом и его ослабление или отбрасывание неизбежно вело к ослаблению и даже к распаду многоликой империи, волею исторических обстоятельств соединившей часто несоединяе-

мое; где колониальные окраины и метрополия развивались в рамках единой территории, где новейшие достижения цивилизации и культуры были «вписаны» в невежество и отсталость, где роскошь и изысканность чередовались с нищетой и дикостью, а величие духа соседствовало с корыстью и низостью.

Воспитанный в духе безусловного уважения к прошлому России и тех государственно-идеологических принципов, на которых она зиждилась, Николай Александрович с юных лет был убежден, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха состоит в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божьей для благополучия своих подданных. В одном из писем П. А. Столыпину в 1907 г. царь заметил: «Я имею всегда одну цель перед собой: благо Родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей».

Самодержавие и Россия, по его мнению, были вещи неразрывные. В опросном листе первой (и последней) дореволюционной общеимперской переписи населения 1897 года на вопрос о роде занятий царь написал: «Хозяин земли русской». Этому важнейшему мировоззренческому принципу, глубоко укоренившемуся в душе с ранних лет, он поклонялся всю жизнь, и никакие политические бури и потрясения не могли поколебать эту уверенность. Вскоре после воцарения Николай II заявил: «Да поможет мне Господь служить горячо любимой Родине так же, как служил ей мой покойный отец, и вести ее по указанному им светлomu и лучезарному пути».

Его политическое кредо целиком соответствовало кодексу традиционного монархизма, один из ревностных охранителей которого князь В. М. Мещерский в 1914 году написал: «Как в себе не зажигаи конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России».

Однако у убежденных сторонников неограниченной («исконной») монархии в России не было никаких новых идей, реализация которых могла бы осовременить государственный организм. Сформулированный еще в первой половине XIX века теоретический постулат: самодержавие, православие, народность, служил лишь для декоративного украшения фасада исторической власти и, в силу своей отвлеченности и неопределенности, не мог быть реализован на практике.

Николай II был фактически заложником унаследованных им принципов и структуры власти, отход от которых он воспринимал как предательство интересов России, как надругательство над священными основами, завещанными предками. Ему были чужды амбиции прави-

теля и властолюбием он никогда не отличался. Однако ему не было и не могло быть безразлично будущее страны. За судьбу империи он нес ответственность перед Богом и перед любимым больше всего на свете сыном Алексеем.

С большим интересом и вниманием Николай Александрович с ранних лет изучал жизнь и дела великих полководцев и правителей прошлого, в истории же России наиболее почитаемыми им царями были Алексей Михайлович и отец – Александр III. И тот, и другой ощутили на себе бремя власти, и к ним в полной мере можно отнести известное царское восклицание из пушкинского «Бориса Годунова»: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!». Власть – это тяжелая обязанность, это долг, которому необходимо следовать вопреки желаниям и настроениям. Так император видел себя и свое место в этом мире.

Первые годы после воцарения большое влияние при дворе продолжали сохранять те же лица, которые играли важные роли при правлении отца, царя – миротворца Александра III. Это такие известные деятели консервативного лагеря, сторонники неограниченной монархии, как возглавлявший с 1880 года ведомство Святейшего Синода его обер – прокурор К. П. Победоносцев; издатель первого журнала «Гражданин», неустанный критик всех истинных и мнимых либеральных попользований государственной власти князь В. П. Мещерский (внук историка М. Н. Карамзина); представитель родовитейшего российского барства, министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков и некоторые другие.

В состоявшем почти исключительно из сановно-аристократических персон чванливом «петербургском свете» сначала были убеждены, что царь молод и неопытен, в силу чего ему нужен умный и вполне благонадежный наставник в государственных делах, естественно, из числа тех, кто по праву своего рождения или служебного положения принадлежал к высшему обществу.

В богатых столичных гостиних внимательно следили и заинтересованно обсуждали каждый шаг нового правителя, каждый реальный или намечавшийся «извив» политики. Позднее в этих же кругах возобладало мнение: император «слишком слаб», чтобы железной рукой навести порядок в стране, покончить с беспрестанной «революционной смутой», а в своей деятельности он руководствуется советами «не тех людей».

С позиций исторического знания очевидно, что шанс на спасение российской монархии давало осуществление реформ экономических и социальных институтов и структур, предложенных председателем Совета министров П. А. Столыпиным. Обращаясь к царю, этот преданный делу монархии, широко мысливший человек писал летом 1906 года: «Жизнь моя принадлежит Вам, Государь; все помыслы, стремления мои – благо

России; молитва только Всевышнему – даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Родину на путь законности и порядка».

Однако курс перемен, предложенный сильным премьером с полным одобрения императора, встретили улюлюканьем и резкими нападками, в первую очередь, те, на чье спасение он был рассчитан, – остатки спесивого российского барства. Двигаться же вперед, ничего не меняя, уже было нельзя. Это осознавали практически все. Полумеры и паллиативные решения, которыми так богата история последнего царствования, служили отражением попыток изыскать компромисс между привычным существованием и прагматизмом.

Либеральная фронда, популярные и словоохотливые ее лидеры, шумная и влиятельная пресса – хотели видеть в России либерально-монархический строй, наподобие Англии, где монарх царствует, а делами управления занимаются облеченные доверием народа известные и честные деятели. Однако английская политическая система вызрела и формировалась столетия, в то время как России судьба такого срока не отпустила, и двигалась она во времени другими путями. Зачатки, так называемого, гражданского общества здесь стали проявляться только в XIX веке, в то время как во многих европейских странах и в США существовали уже развитые парламентские системы. Надо было быть невероятно увлеченными людьми, заменить реальную действительность книжными представлениями о ней, чтобы надеяться, скажем, на то, что всеобщее избирательное право может привести к созданию демократических институтов европейского типа.

Как показало дальнейшее, политические воззрения большинства народных радетелей и спасателей России всех оттенков оказались в итоге несостоятельными. Уже через несколько недель после падения монархии, управляющий делами Временного правительства, видный деятель кадетской партии В. Д. Набоков сетовал на то, что от революции они «совсем не то ожидали».

Подобные прозрения стали постепенно чуть ли не обязательными для холеных «революционеров в белых манишках», у которых скольконибудь широкой базы в стране не было. Это показали достаточно свободные выборы в конце 1917 года в Учредительное собрание, где все партии «европейцев и джентльменов» вместе не набрали и 10% голосов.

Историю российского либерализма можно назвать трагикомедией: деятельно участвуя в «раскачивании лодки», либералы пошли на дно вместе с теми, кто был у руля. По замечанию Н. А. Бердяева, самый большой «парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи и права, как и идеи социального реформизма,

оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием».

Николай II сам, стиль его правления и общения не соответствовали многим распространенным в народе представлениям о верховном правителе. Да и во внешности его было мало имперского величия, способного вызвать раболепный трепет. Царь слушал всех всегда довольно внимательно, очень редко кому возражал. За всю свою жизнь государственного деятеля он не позволил себе ни разу сорваться, никогда не повышал голос на собеседника, хотя часто общался, превозмогая себя.

Воспитанную в детстве выдержанность и природную незлобивость последнего царя многие окружавшие его люди, сформировавшиеся в душевной атмосфере чинопочитания и сословно-иерархического хамства, воспринимали как безволие и слабохарактерность.

Были и такие, кто придерживался иного мнения. В 1911 году попавший в немилость известный сановник С. Ю. Витте заметил, что «отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император».

Последний монарх был аккуратным, даже педантичным человеком и свои обязанности выполнял тщательно и с большой пунктуальностью. Даже в самые тяжелые минуты он не позволял себе расслабиться и жил в соответствии с установленными для правителя распорядком дня, очень редко его меняя. Личное недомогание, серьезная болезнь члена семьи, какие-то другие неприятности лишь в исключительных случаях могли заставить императора отменить прием министра, отложить ознакомление с очередными деловыми бумагами или отказать в назначенной аудиенции.

С детских лет и буквально до последних дней своей жизни он систематически вел дневник, и сохранились десятки тетрадей, содержащих лапидарные поденные записи. Николай Александрович считал, что ведение дневника приучает к аккуратности и учит кратко излагать свои мысли. В его семье дневники вели все: жена, четверо дочерей и даже маленький Алексей. Царь не преследовал цель оставить потомкам свидетельство величия своих мыслей и поступков. Он писал потому, что «так надо», и эти тетради не предназначались для посторонних: это личный, глубоко камерный документ.

На протяжении десятилетий стиль изложения и набор описываемых объектов почти не менялся: самочувствие, погода, приемы, встречи с родственниками, прогулки, семейное времяпрепровождение. О своем «царевом деле» упоминаний очень мало, что не было случайным, а являлось следствием непреложного правила: каждому занятию свое время.

Он не любил и не одобрял разговоры на темы государственного управления вне времени официальных занятий и не с людьми, облеченными соответствующими должностными функциями и компетенцией. И если, скажем, на представительной семейной трапезе у своей матери в Аничковом дворце в окружении большого числа родственников кто-то позволял сделать замечание о каком-нибудь министре или другом должностном лице или дать оценку тому или иному аспекту государственной политики, то монарх такие разговоры никогда не поддерживал, а свое неодобрение начинал проявлять подчеркнутым безразличием к нарушителю этикета. Исключение не делалось даже для самых близких из Романовых.

Об этом свойстве императора царедворцы и родственники были прекрасно осведомлены, и если пытались добиться от царя каких-то реакций и решений, то старались встречаться с глазу на глаз.

Дневниковые записи больше говорят о личности самого правителя, чем о времени или о государственной политике. Иногда на его страницах можно встретить необычный всплеск эмоций. Отметим октябрь 1905 года: революционная волна набирает силу, достигнув уже уровня «десятого вала», судьба монархии висит на волоске.

Царь под воздействием событий и своего ближайшего окружения соглашается пойти на уступки революции и подписывает манифест о «даровании народу незабываемых основ гражданской свободы», что было крупным шагом на пути превращения России в конституционную монархию. Этот «росчерк пера» дался царю очень тяжело. Пришлось превозмочь себя, переступить через принципы и согласиться на то, что всегда считал неприемлемым для страны.

Выдержка и хладнокровие в этом случае с трудом выдерживали напор событий. Вот страница, относящаяся к 17 октября 1905 года: «Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!».

Однако уже на следующий день настроение стало близким к обычному, и записи приобретают традиционный характер: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное – хорошее предзнаменование. Принимал все время до завтрака. Гуляли вдвоем. Читал весь вечер. Получил много телеграмм. Стана (великая княгиня Анастасия Николаевна. – А. Б.) обещала унас».

Во многих своих проявлениях авторитарная самодержавная система замыкалась на высшей власти: всякое сколько-нибудь значительное решение почти на любом уровне требовало ее одобрения. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций и от отдельных подданных на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции по самым различным вопросам. Вся эта лавина оседала в Императорской канцелярии и различных управлениях дворцового ведомства. Определенная часть попадала к Николаю II.

Все, что к нему поступало, он читал очень внимательно, и это занятие практически ежедневно отнимало у него несколько часов. Удивительное усердие в ознакомлении с деловыми бумагами просто поражает, особенно если учесть, что эти занятия никогда ему радости не доставляли.

Почти каждый день бывали министры, крупные военные чины, родственники, занимавшие различные должности в госаппарате, русские и иностранные послы и многие другие. И каждый нес «свой вопрос», ставил какую-то проблему, которую надо было решать и очень часто незамедлительно. Если за этим приходили крупные, широко мыслящие и деятельные сановники (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, А. В. Кривошеин и некоторые другие), то принятие решений упрощалось, так как такие деятели почти всегда знали, что и как надо было делать. Им требовалась лишь санкция. Однако в иных ситуациях именно императору приходилось формулировать решения в широком диапазоне проблем: от поиска места под строительство царскосельской оранжереи до формы и времени объявления войны.

По своим деловым способностям и интеллектуальному развитию император вполне соответствовал для предназначенной ему исторической роли. Хорошо знавшие его люди из близкого окружения неоднократно отмечали его незаурядные способности. Многолетний министр финансов, а затем премьер-министр С. Ю. Витте, человек в высшей степени амбициозный и самолюбивый, имевший достаточно оснований для недовольства Николаем II, признавал, что император «несомненно очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и быстро понимает».

Очень многое в жизни императора Николая II объясняет его вера в Бога, простая и глубокая. Это по сути дела своеобразный ключ к пониманию его душевных состояний и поступков. Мир верующему человеку представляется иным, чем приверженному атеистическому мировоззрению. Здесь своя шкала ценностей и особое мироощущение, основанное на глубоком чувстве, не поддающемся простому рациональному объяснению. Бог олицетворял для Николая Александровича Высшую Прав-

ду, знание которой только и делает жизнь истинной, в чем он уверился еще в юности. В 1894 году, еще цесаревичем, писал матери: «Во всем волен Бог один, он делает все для нашего блага и нужно с молитвой покориться Его святой воле! Это верно, но иногда чрезвычайно тяжело!».

Тему веры последний император часто затрагивал в письмах, но только самым близким людям. Вот, например, характерное в этом смысле утверждение из его послания матери, датируемого летом 1898 года: «Я с покорностью и уверенностью смотрю в будущее, известное только Господу Богу. Он всегда все устраивает для нашего блага, хотя иногда Его испытания и кажутся нам тяжелыми; поэтому надо с верою повторять: «Да будет воля Твоя».

Вера наполняла жизнь царя глубоким содержанием, помогала переживать многочисленные невзгоды, а все житейское часто приобретало для него характер малозначительных эпизодов, не задевших глубоко душу. Она освобождала от внешнего гнета, от рабства земных обстоятельств.

Русский философ Г. П. Федоров очень метко назвал Николая II «православным романтиком». По словам хорошо знавшего царя протопресвитера (священника) армии Г. И. Щавельского: «Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнения. Религия дала ему то, что он более всего искал – успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды».

Спокойное отношение к окружающей действительности не означало, что император был безразличен к судьбе России. Государь всегда чувствовал и был в этом уверен, что любые резкие изменения в течении общественной жизни чреваты непредсказуемыми последствиями, способными оказаться губительными для страны. Все годы своего правления он стремился к тому, чтобы нововведения утверждались постепенно, при обязательном соблюдении и учете государственных традиций и прошлого опыта.

Последнего самодержца нельзя, в отличие, скажем, от К. П. Победоносцева, назвать «апостолом застоя», но он, конечно же, не был инспириатором реформаторских устремлений в правящих кругах. Когда же убеждался, что та или иная мера необходима, то мог спокойно уступить и поддерживать то, что еще совсем недавно считал неприемлемым. При этом, оставаясь в тени, монарх служил опорой деятелям и течениям, выступавшим на авансцене политики.

Так было, например, с проводившимися в 1890-е годы экономическими преобразованиями, связанными с именем министра финансов С. Ю. Витте. Эта, рассчитанная на перспективу политика индустриаль-

ной модернизации народного хозяйства, была весьма враждебно встречена в различных кругах общества, а министр-реформатор превратился в объект ожесточенных нападок. И, несмотря на это, избранный курс не был изменен исключительно благодаря царскому покровительству, хотя все последующие лавры преобразователя достались целиком С. Ю. Витте.

То же самое произошло и позднее, когда П. А. Столыпин начал осуществлять программу аграрного переустройства, став мишенью разнужданного поношения со всех сторон правых, левых, монархистов, либералов, радикалов. Только опора на волю монарха позволяла премьеру выстоять и осуществлять намеченные меры.

Очевидна роль Николая II и при учреждении Государственной Думы. Под напором драматических событий 1905 года возникла необходимость изыскать приемлемую форму созыва народного представительства. Император первоначально поддерживал идею о законосовещательном органе при верховной власти. Осенью, по мере усиления смуты, этот проект претерпел существенные изменения. Была принята концепция законодательного собрания, что и нашло отражение в царском Манифесте 17 октября. Это не отвечало личным воззрениям монарха, но он, во имя умиротворения страны, принял то, что многим казалось необходимым.

Прошло полгода и собрался первый российский парламент. Возникновение этого учреждения, деятельность которого была вне юрисдикции царя, меняло вековой уклад политической жизни России. Народился новый центр власти, что Николай II решительно не одобрял и чему противился до последней возможности. Но вот все свершилось. И что же император?

В дневнике Николая II за 27 апреля 1906 года читаем: «Знаменательный день приема Гос. Совета и Госуд. Думы и начала официального существования последней. Мама приехала в 8 час. из Гатчины и отправилась с нами морем в Петербург (из Петергофа. – А. Б.). Погода была летняя и штиль. На “Петергофе” пошли к крепости и оттуда на нем к Зимнему. Завтракали в 11 1/2. В час и 3/4 начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я прочел приветственное слово. Государственный совет справа, а Дума – слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на «Александррию», пошли обратно. Приехали домой в 4 1/2. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества. Вечером покатались».

В подобных записях, относящихся к каким-то переломным моментам царствования, поражает незлобивость царя и удивительное смирение, являющиеся уделом лишь истинно верующих людей.

Несмотря на то, что Первая и Вторая Государственные думы больше походили на антиправительственный митинг, чем на работу важного законодательного органа, и их пришлось распустить, Николай II никогда не проявлял желания раз и навсегда покончить с выборным представительством, к чему его много раз призывали записные блюстители чистоты самодержавия из рядов «профессиональных монархистов». В 1907 году были изменены избирательные правила, в результате чего в Третьей думе преобладали состоятельные и, естественно, более ответственные элементы общества, не склонные все кругом крушить и переиначивать.

6 января 1908 года в Большом Царскосельском дворце император принял 300 депутатов (группы правых и центра) и обратился к ним с речью, в которой изложил программу первоочередных задач и свое видение исторической судьбы России.

Среди прочего он сказал: «Помните, что Вы созданы Мною для разработки нужных России законов и содействия Мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов, внесенных по Моим указаниям в Думу, Я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян и напоминаю о Своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит моего одобрения; права собственности должны быть священны и обеспечены законом.

Я знаю с какими мыслями и чувствами явились Вы ко Мне. Россия росла и крепла в течение тысячи лет горячей верой русских людей в Бога, преданностью своим царям и беспредельной любовью к своей Родине. Пока это чувство живо в сердце каждого русского человека, Россия будет счастлива, благоденствовать и укрепляться. Молю Бога, вместе с Вами, чтобы эти чувства постоянно жили в сердце русских людей и чтобы солнце счастья засияло над нашей могучей, родной землей».

В повседневной жизни, в своих привычках и наклонностях царь был простым и бесхитростным. Неприхотливость в одежде и еде его всегда отличали, как и почти полное безразличие к роскоши и комфорту.

Старался жить всегда по определенному распорядку: ложился спать и вставал в одно и то же время и практически ежедневно совершал продолжительные пешие прогулки, преодолевая многокилометровые расстояния. В молодости любил плавать на байдарке, затем увлекся теннисом и бильярдом.

Последние годы с удовольствием коротал свободное время за игрой в карты или домино. Всю жизнь любил охоту, которую считал настоящим мужским занятием, «освежающим душу». Выезжал на охоту часто и всегда с большой радостью. Хотя он курил и мог выпить рюмку, другую водки, но до конца своих дней отличался физической крепостью и лишь один раз серьезно болел: брюшным тифом в 1900 году.

Среди разнообразных обязанностей и занятий особую тягу и любовь Николай Александрович питал к военному делу. Смотры, парады, ученья никогда его не утомляли, и он мужественно и безропотно переносил случившиеся неудобства армейских буден на лагерных сборах или маневрах. Последний император был, что называется, прирожденным офицером; традиции офицерской среды и воинские уставы он неукоснительно соблюдал, чего требовал от других. Любой командир, запятнавший недостойным поведением мундир офицера, для него переставал существовать. По отношению к солдатам чувствовал себя покровителем-наставником и не чурался общаться с ними, а в пасхальные дни обязательно христосовался со служащими конвоя.

По старой имперской традиции Николай Александрович был шефом основных частей гвардии, и это звание унаследовал от своего отца. В семилетнем возрасте, в 1875 году, он был зачислен в лейб-гвардейский Эриванский полк и в том же году произведен в прапорщики, а через пять лет получил поручика. В день совершеннолетия, 6 мая 1884 года, как сказано в послужном списке, «произнес клятвенное обещание в лице наследника всероссийского престола в большой церкви императорского Зимнего дворца и при торжественном собрании, бывшем в Георгиевском зале, принял воинскую присягу под штандартом лейб-гвардии Атаманского имени его императорского величества полка, по случаю вступления в действительную службу».

В 1887 году последовало производство в штабс-капитаны, в 1891 году – в капитаны и, наконец, 6 августа 1892 года он получил звание полковника. На этом офицерское производство закончилось, и в чине полковника он оставался до конца, даже тогда, когда вынужден был отречься от престола.

Он имел множество наград и воинских званий чуть ли не всех государств Европы, а в годы Первой мировой войны удостоился высшего воинского звания Великобритании. «Вообрази, – писал он с чувством удивленного восхищения жене в декабре 1915 года, – Джорджи (король Англии Георг V, двоюродный брат Николая. – А. Б.) произвел меня в фельдмаршалы британской армии».

О том, какие радостные чувства вызывала у Николая Александровича воинская служба, свидетельствует множество документов. Прочитируем его письмо своему другу юности и confidentу, великому князю Александру Михайловичу («Сандро»). Оно относится к 1887 году, ко времени вступления в лейб-гвардии Преображенский полк – самое известное и наиболее престижное подразделение императорской гвардии: «Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить

мою радость: я уже давно мечтал об этом и однажды зимой объявил папа и он мне позволил служить. Разумеется, я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерн-офицера. Ура!!!».

О службе наследника в Преображенском полку сохранилось свидетельство полкового командира (с 1891 года), двоюродного дяди Николая II, великого князя Константина Константиновича, записавшего в своем дневнике 6 января 1894 года: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, вырывает его».

Юношей Николай Александрович много и напряженно занимался; почти ежедневно были или занятия, или самоподготовка по различным предметам: математике, физике, химии, географии, русской словесности, иностранным языкам, астрономии, русской и иностранной истории, политической экономии, фортификации, черчению. Это был усердный ученик, что отмечалось всеми учителями, и хотя «звезд с неба не хватал», но имел неплохие знания по всем предметам.

Прекрасно владел немецким, французским и английским языками (датский знал хуже), писал очень грамотно по-русски. Кроме того, в молодости неплохо играл на фортепиано, рисовал, обучался игре на скрипке. Усидчивость и аккуратность – эти важные черты характера, сформировались под неусыпным вниманием «дорогих папа и мама».

Николай Александрович вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой, и можно сказать, почти спартанской обстановке. Отец и мать принципиально не допускали никаких слабостей и сантиментов в деле воспитания детей. Для них всегда устанавливался жесткий распорядок дня, с обязательными ежедневными уроками, посещениями церковных служб, непременными визитами к родственникам, обязательным участием в многочисленных официальных церемониях. Дети воспитывались в духе уважения старших и беспрекословного послушания. Патриархальный нрав родителей унаследовала и семья последнего царя, где любые экстравагантные выходки, пустые траты средств и праздное времяпрепровождение всегда осуждались.

Приведем выдержку из письма пятнадцатилетнего цесаревича великому князю Александру Михайловичу, посланного из Дании, где он с родителями почти каждое лето гостил у своих деда и бабки (первый раз его вывезли туда в двухлетнем возрасте): «Вот описание дня, который мы проводим здесь, – писал наследник русского престола, – встаем поз-

же чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс и все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 наш второй урок; иногда от 11 – половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три - гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день».

К числу чувствительных и слезливых натур Николай Александрович не относился, и открытое проявление обычных человеческих слабостей ему не было присуще с детства. Скажем, на людях он всего несколько раз плакал, причем почти все эти случаи связаны со смертью «дорогого папа», которая его просто потрясла. «Боже мой, Боже мой, что за день! – с горечью восклицает он на страницах дневника. – Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет... Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!». Уже, будучи императором, Николай Александрович писал матери в октябре 1895 года: «...вчера на прогулке вместе с дядей Сергеем мы только и разговаривали о Ливадии и вспоминали все наши надежды и отчаяния с мельчайшими подробностями, я не мог удержаться от слез, сразу начавших душить меня!». Двадцатое октября навсегда осталось в памяти Николая II черным днем.

Его отношение к родителям – пример искренней сыновьей любви. Всегда он сохранял светлую память об отце и нежное отношение к матери. В его жизни было несколько адресов постоянной любви: Россия, жена, дети, но и, конечно же, на все времена – мать. «Моя дорогая душа – Мама» и «навекы любящий тебя твой Ники» - эти первые и последние строки его многочисленных писем матери не были лишь традиционными лексическими оборотами. К ней он всегда относился как к близкому человеку, как к надежному советчику, с которым у него было полное взаимопонимание. Правда, со временем появилась тема, которая была изъята из обсуждения – Распутин, но это пришло уже в конце.

Царствующая, а после смерти мужа «вдовствующая императрица» Мария Федоровна (1847–1928) была сильной личностью, женщиной властной, наделенной природным обаянием, которая пользовалась авторитетом и уважением среди большинства представителей Дома Романовых. Помимо характера ее отличали и темперамент, и за глаза некоторые родственники называли ее «Гневной». Всех своих детей она ценила и любила, и те платили ей взаимностью.

Эта женщина-мать испытала все горести, которые только можно вообразить: мужа и двоих сыновей, Александра и Георгия, похоронила в России, а двоих, Николая и Михаила, как и пятерых внуков оплакивала почти десять лет в изгнании. Ее жизнь, наполненная удивительными превращениями, радостями и потрясениями, достойна отдельного описания.

Николай Александрович родился 6 мая 1868 года. Событие произошло в Александровском дворце Царского села. До нас дошло его описание, которое оставил радостный отец в своем дневнике.

«Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начнутся сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 час. утра. Наконец, мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще, и сильнее. ...Я скорее написал Мама записку об этом и Мама с Папа приехали около 10 часов и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в 1/2 3 часа пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была – это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно».

В семье Александра III родилось еще пятеро детей: Александр (1869–1870), Георгий (1871–1899), Ксения (1875–1960), Михаил (1878–1918) и Ольга (1882–1960). Трудно сказать, кого Мария Федоровна особенно любила. Несколько лет неотступно находилась при больном Георгии (после воцарения Николая Александровича – наследник престола), умиравшим мучительной смертью от чахотки. Жалела и сочувствовала младшему, Михаилу, который вел рассеянный образ жизни, ничем серьезно не занимался, мало думал о престиже династии, хотя и был пять лет (с 1899 по 1904 годы) цесаревичем. В 1912 году он «ранил сердце матери», женившись на женщине «низкого происхождения и весьма сомнительной репутации». Позднее Марии Федоровне пришлось, превозмогая себя, признать этот мезальянс и даже принимать нежеланную невестку, дважды разведенную и новоиспеченную «графиню Брасову» (урожденная Шереметьевская Наталья Сергеевна; по первому браку Мамонтова, по второму – Вульферт).

К своему старшему сыну вдовствующая императрица относилась всегда с ровной симпатией, которая с годами, под влиянием происшедших событий, стала даже усиливаться. До нас дошло много посланий Николая II к матери, в которых он подробно рассказывал ей о событиях своей жизни, просил совета. По долгу правителя и по обязанностям родственника последний Романов постоянно и много писал писем. Однако, в отличие от всех прочих, за исключением корреспонденции к жене, письма к матери – это особая статья. Они самые пространные, в них он естественен, прост и откровенен.

На время правления Николая II пришлось неудачная русско-японская война 1904 – 1905 годов, на которую он с такой легкостью согласился под влиянием, как оказалось, непорядочных и неумных советников. Испытанием стали и революционные потрясения 1905 – 1907 годов, когда тихая и мирная держава превратилась в кипящий котел недовольства и вражды, и эта страшная и сокрушительная сила чуть было не смела и трон и порфиноносного его хозяина.

Откуда в стране столько ненависти? Этот вопрос много раз возникал перед императором и часто приходил на ум один и тот же ответ, который ему постоянно подсказывали «знающие люди» из ближайшего окружения. Это заговор кучки социалистов, масонов, евреев, которые, укрывшись в разных заграничных центрах, инспирировали отсюда смуты и волнения. Как было бы все просто, если бы было именно так. Причины лежали внутри страны, они коренились во всем строе российской жизни, в многочисленных напластованиях несуразностей и противоречий, которыми была так богата действительность России.

Летом 1906 года, анализируя неудачу проправительственных сил на выборах в Первую Государственную думу, П. А. Столыпин писал императору: «У нас нет прочно сложившегося мелкого землевладения, которое является на Западе опорой общественности и имущественного консерватизма; крестьянство в большинстве не знает еще частной собственности на землю и, освоившись в условиях своего быта с переделом общинной земли, весьма восприимчиво к мысли о распространении этого начала и на частное землевладение. Нет у нас и тех консервативных общественных сил, которые имеют такое значение в Западной Европе и оказывают там свое могучее влияние на массы, которые, например, в католических частях Германии, сковывают в одну тесную политическую партию самые разнообразные по экономическим интересам разряды населения: и крестьян, и рабочих, и крупных землевладельцев, и представителей промышленности; у нас нет ни прочной и влиятельной на местах аристократии, как в Англии, ни многочисленной зажиточной буржуазии, столь упорно отстаивающей свои имущественные

интересы, как во Франции и Германии. При таких данных в России открывается широкий простор проявлению социальных стремлений, не встречающих того отпора, который дает им прочно сложившийся строй на Западе и не без основания представители международного социализма рассматривали иногда Россию как страну, совмещающую наиболее благоприятные условия для проведения в умы и жизнь их учений».

Николай II был убежден, что простой народ, благочестивый и богобоязненный русский крестьянин чтит Бога, а, следовательно, и любит своего государя. Крестьянские волнения он не рассматривал как выступления против «всей системы» и венценосного верховного правителя. Эта вера в искреннюю народную любовь к нему Николай Александрович сохранял всю свою жизнь и не избавился от этой иллюзии даже после отречения. В то же время взаимосвязь между общественным недовольством и неудовлетворительным экономическим положением широких слоев населения Николай II прекрасно осознавал. После 9 января 1905 года, о кровавых событиях которого он горько сожалел, принимая рабочую депутацию, заявил: «Знаю, что не легка жизнь рабочего. Много надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение».

Особенно его занимало неблагоприятное положение многомиллионной крестьянской массы, страдавшей от малоземелья. Он считал этот вопрос первостепенным и «несравнимо существенным, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России (речь идет о Манифесте 17 октября. – А. Б.). Правильное и постепенное устройство крестьянства на земле обеспечит действительное спокойствие внутри на много десятков лет». Однако он категорически возражал против всех форм насильственного отчуждения помещичьей земли, считая, что «частная собственность должна оставаться неприкосновенной». Это был важнейший его мировоззренческий принцип, которым он не мог поступиться.

Вместе с тем в 1905 году стало уже окончательно ясно, что для укрепления основ власти нужны преобразования в области крестьянского землевладения и землепользования. Николай II одобрил и поддержал курс столыпинских аграрных реформ, направленных на развитие и укрепление индивидуальных крестьянских хозяйств на свободных землях. О царской поддержке столыпинских преобразований почти никогда не говорят, хотя само их возникновение и осуществление без этого было бы невозможно. О Петре Аркадьевиче царь был очень высокого мнения, считал его крупным государственным деятелем. «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю», – писал он в конце 1906 года о нем матери.

Царь всегда находился в эпицентре, где перекрещивались интересы многих и многих персонажей из числа тех, кто или действительно играл историческую роль, или тех, кто не был различим на политическом небосклоне, но кто желал потешить свое самолюбие у подножия трона. В почти двадцатитрехлетней истории царствования Николая II обращает на себя внимание одна черта, которая не была характерна для правления ни отца, ни деда, ни прадеда и высвечивающая самым неожиданным образом малоприметные, но весьма существенные стороны личности императора и окружающей его среды.

С первого дня воцарения и буквально до последнего мгновения приближенные всех уровней часто считали возможным использовать свое положение для воздействия на венценосца. Делалось это иногда довольно беззастенчиво. Мотивы и методы были различны: «наставить на путь истинный», «открыть глаза», «предупредить об опасности», «засвидетельствовать свою преданность», «добиться милости», но суть всегда оставалась одна – получить от царя угодное отдельным лицам или группам решение.

Трудно найти в истории России другой пример подобного натиска на верховную власть. Такому положению в большой степени способствовала мягкость и деликатность натуры Николая Александровича, его неспособность сказать резкость или грубость и напомнить своему очередному собеседнику-просителю о том, кто есть кто.

Шумную и порою довольно надоедливую компанию, от общения с которой царь не мог уклониться, представляли те, кто по праву рождения был вхож в императорские апартаменты: многочисленные члены «Дома Романовых».

Николай Александрович вступил на престол, когда здравствовали влиятельные четыре брата отца: Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Сергей (1857–1905), Павел (1860–1919) и двоюродный дед Михаил Николаевич (1832–1909).

Кроме Павла, все остальные имели видные должности в государственном управлении. Владимир с 1884 по 1905 год занимал посты главноуправляющего гвардией и командующего войсками Петербургского военного округа. Алексей в 1880 – 1905 гг. являлся главным начальником флота и морского ведомства; Сергей с 1891 по 1905 год был московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа, а Михаил Николаевич (сын Николая I) с 1881 по 1905 год исполнял обязанности председателя Государственного Совета.

Воспитанный на правилах почитания старших, Николай II первые годы во многом находился под влиянием старших в роду, хотя далеко не всегда внутренне одобрял навязывавшиеся ему решения, но боялся

отказом обидеть дорогих родственников. Недоразумения начались сразу же после воцарения.

Уже 22 октября 1894 года молодой император записал в дневнике: «Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу. Мама, некоторые другие и я находим, что все же лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере. Это мне кажется совершенно неудобным».

Однако мнение молодого царя не сыграло решающей роли. Дяди, особенно Владимир и Алексей, беззастенчиво использовали уступчивость молодого императора в угоду своему самолюбию и амбициям и часто в определенно корыстных интересах. Безумное и абсурдное «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года – во многом результат деятельности первого, а в позорных поражениях русского флота в годы русско-японской войны – большая доля «усилий» второго.

Со временем Николай II преодолел свою неспособность противостоять домогательствам даже ближайших родственников, однако их попытки воздействовать «на милого Ники» не прекращались до самого конца.

В XX веке в составе императорской фамилии имелось несколько параллельных родственных линий, степень родovitости которых определялась их близостью к правящим «александровичам». Были еще «владимировичи», «павловичи», «николаевичи», «константиновичи» и «михайловичи» (последние три ветви – от сыновей Николая I). К 1917 года Росийский императорский дом насчитывал более шестидесяти человек.

Наивысший статус родovitости имели великие князья, которых насчитывалось пятнадцать. Приведем полный их состав: Михаил Александрович (брат царя), Кирилл, Борис, Андрей Владимировичи (двоюродные братья Николая II); Павел Александрович (дядя Николая II), Дмитрий Павлович (двоюродный брат царя), Николай и Дмитрий Константиновичи, Петр и Николай Николаевичи; Николай, Михаил, Георгий, Александр и Сергей (двоюродные дяди царя). Уместно здесь напомнить, что из всех перечисленных лиц лишь семеро великих князей умерли своей смертью в эмиграции, а остальные были убиты создателями «нового общества».

Различные представители императорской фамилии были связаны матримониальными связями со многими владетельными монархическими домами Европы. В правление Николая II эти узы были столь многочисленны и запутаны, что в них не всегда бывает просто разобраться. Отметим несколько случаев. Женой Владимира и матерью пятерых «владимировичей» была принцесса Мария Мекленбург-Шверинская (1854–1920), принявшая в России имя Марии Павловны

(«старшая»); дядя Николай, Сергей, состоял в браке с сестрой императрицы Елизаветы Гессенской, в православии – Елизавета Федоровна (1864–1918); Павел был мужем греческой принцессы Александры Георгиевны (1870–1891).

Число кузенов, кузин, племянников, племянниц, не говоря уже о более дальних степенях родства, у последнего императора исчислялось десятками человек. В их числе были лишь несколько близких по духу, тех, с кем император и императрица общались в интимной обстановке. Хотя состав этих особо приближенных лиц менялся со временем, было несколько человек родственников-друзей, остававшихся длительное время. Это дядя Сергей (убитый в феврале 1905 года), дядя Павел, двоюродный дядя Александр Михайлович («Сандро») и великая княгиня Елизавета Федоровна. Очень тесные и теплые отношения Николай Александрович поддерживал со своими родными сестрами и братом Михаилом. Последнего, наряду с Павлом, Николай II считал верным себе до конца, в то время как в лояльности большинства остальных Романовых стал сомневаться.

Отношения с родственниками отнимали много времени и сил. Без понимания специфического характера этих связей и их большого места в жизни Николая II трудно представить окружающий мир императора. Здесь существовали строгие нормы, своя шкала ценностей, и ближайшим родственникам надлежало жениться или выходить замуж за представителей «владельческих домов», хотя и здесь были исключения. Сестра Ксения после нескольких лет сложных переговоров в 1894 года стала женой своего дальнего родственника великого князя Александра Михайловича. Николай Александрович, тогда еще цесаревич, принимал ближайшее участие в устройении их семейных дел и был тогда убежденным сторонником брака по любви, радостно приветствуя «счастье Ксении», питавшей глубокое чувство к своему будущему мужу, платившему ей взаимностью. Со временем Николай II стал в таких делах руководствоваться исключительно династическими интересами и никакие сентиментальности в этой области уже не одобрял.

Вообще отношения с родней были непрременной рутинной обязанностью, вызывавшей далеко не только положительные эмоции.

Судьба представителей правящей фамилии не всегда была счастливой, и им, во имя соображений династического величия, сплошь и рядом приходилось перешагивать через желания, симпатии, наклонности и приносить в жертву политическим интересам собственную жизнь и личное благополучие. Однако постепенно пуританские нравы в среде императорской родни стали испытывать сильный натиск нового времени, несшего с собой более простые и искренние отношения.

Различные брачно-семейные неурядицы с конца XIX века стали обычным явлением в Доме Романовых. Николай Александрович, его жена и мать очень серьезно всегда относились к таким историям, внимательно обсуждали каждый случай и непременно выступали на стороне традиции и престижа власти. Обязательному осуждению подвергались те, кто личные интересы ставил на первый план. Однако осуждение монархом адюльтеров, разводов и мезальянсов ничего не меняло: волна подобных скандалов в царском окружении постоянно нарастала.

Еще когда Николай Александрович был наследником, его двоюродный дядя, великий князь Михаил Михайлович (1861–1929) позволил себе недопустимое: влюбился и женился по любви в 1891 году на внучке А. С. Пушкина графине С. Н. Меренберг, что вызвало гнев его кузена, императора Александра III, заявившего: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующих моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имеющий места». Возмущенные таким решением супруги навсегда поселились в Англии, и хотя через десять лет Николай II их простил, в Россию они уже больше не вернулись.

Много неприятностей доставляли последнему царю семейные дела брата Михаила и сестры Ольги. О выборе первого вскользь уже говорилось выше. Николай Александрович был солидарен с матерью в неприятии этого выбора, который, как они были убеждены, умаляет достоинства высшей власти. После получения известия о тайном венчании брата в Вене царь писал матери 7 ноября 1912 года: «Я собирался написать Тебе по поводу нового горя, случившегося в нашей семье, и вот Ты уже узнала об этой отвратительной новости... Между мною и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он сам мне говорил, не я его просил, а он сам давал слово, не ней не жениться. И я ему безгранично верил! ...Ему дела нет ни до Твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в то же время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело». Через несколько дней уже более спокойно продолжал: «Бедный Миша, очевидно, стал на время невменяемым, он думает и мыслит как она прикажет и спорить с ним совершенно напрасно... Она не только читает, но и снимает копии с телеграмм, писем и записок, показывает своим и затем хранит все это в Москве вместе деньгами (отцом избранницы Михаила был присяжный поверенный С. А. Шереметьевский, игравший заметную роль в финансовом мире Москвы, – А. Б.). Это такая хитрая и злая bestия, что противно о ней говорить». Михаилу был воспрещен въезд в Россию, он

был уволен от службы, лишен званий, а над его имуществом была учреждена опека. Доброта и отходчивость Николая в этой истории довольно быстро дали о себе знать. После начала Первой мировой войны брат императора был прощен и вернулся в Россию.

Отметим еще два случая, имевших в свое время большой резонанс и сильно занимавших последнего самодержца. В 1905 году высшие круги России помимо революционных потрясений волновала и интересовала еще одна тема: брак кузена Николая II, великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938), женившегося в том же году без разрешения на своей двоюродной сестре Виктории Федоровне (1876–1936), урожденной принцессе Саксен-Кобург-Готской, которая в 1894 году вышла замуж за брата царицы Эрнеста-Людвига Гессенского, а в 1901 году развелась с ним.

Бравый морской офицер Кирилл Владимирович, участник войны с Японией, в октябре 1905 года был лишен звания флигель-адъютанта (звание члена императорской свиты), исключен со службы, и ему было приказано в 24 часа покинуть Россию. Царь и царица настолько были возмущены поступком родственника, что Николай II даже неофициально обсуждал вопрос о лишении его великокняжеского достоинства. Правда, через несколько лет император сменил гнев на милость. Кирилл был прощен, восстановлен в службе, ему были возвращены звания и должности, а его с женой стали принимать при дворе (после революции, находясь в эмиграции, этот великий князь провозгласил себя императором).

Много лет слухами и сплетнями была окружена личная жизнь дяди Николая II, великого князя Павла Александровича (младшего из шести сыновей императора Александра II), входившего в последние годы монархии в ближайшее царское окружение.

Этот великий князь заметной политической роли не играл, но имел престижные посты командиров лейб-гвардии Конного полка и гвардейского корпуса. Первым браком был женат на греческой принцессе и имел двоих детей: Дмитрия (1891 – 1943) и Марию (1890 – 1977). Павел овдовел, когда ему было всего 31 год. В 1893 году он увлекся женой гвардейского офицера Ольгой Валерьяновной Пистолькорс (урожденная Карнович). В доме Пистолькорсов на Большой Морской в Петербурге и на даче в Красном Селе часто собирался тогда цвет дворянских фамилий из числа чинов гвардии. Бывал здесь и цесаревич Николай Александрович, питавший симпатии к хозяйке этого салона. Приведем выдержку из одного его писем к ней, относящегося к лету 1893 года: «Милая Мама-Леля! Очень прошу простить меня, но ввиду более раннего моего отъезда в Англию, я не буду иметь удовольствия завтракать у вас

в городе, как было условлено раньше. Я тем более сожалею, что завтрак у вас мог бы служить продолжением того прекрасного вечера 8-го июня, который так весело прошел у вас в Красном».

Со временем «дядя Павел и замужняя «Мама-Лея», презрев светские условности, стали появляться вместе на людях. Все это служило темой бесконечных пересудов, но внешне не вызывало нареканий, так как «романтические отношения» сами по себе были в порядке вещей; надо было лишь только блюсти матримониальные каноны. Положение изменилось тогда, когда влюбленные, имевшие к этому времени сына Владимира, «рожденного во грехе», решили узаконить свои отношения.

Все вышеуказанные истории, как и ряд других, волновали придворные круги и так или иначе затрагивали династические интересы, к чему последний царь был очень внимателен. Чувство долга и общественная обязанность стоять на страже престижа власти были для него превыше всего и здесь личные симпатии не играли определяющей роли. Будучи примерным семьянином и образцовым отцом, он и в душе не одобрял, как казалось, легкомысленное отношение к супружеским узам и считал такое поведение предосудительным.

Николай II был искренне счастлив в своей семейной жизни, и хотя вокруг императорского дома носилось множество сплетен и слухов, значительная часть которых беззастенчиво фабриковалась «приличными господами» из либеральной среды, он никогда не позволял себе ничего, что могло бы бросить хоть тень на добропорядочный образ его как мужа и отца.

Ранее, в молодости, Николай Александрович вел обычную жизнь для столичных гвардейских офицеров, большая часть которых происходила из известных дворянских семей. Здесь были и пирушки в дружеском кругу, и посещения различных зрелищ, и непременно романтические увлечения. Он любил театр, особенно музыкальный, и его искренне восхищала музыка П. И. Чайковского, почитателем которой остался навсегда. Любимыми сценическими постановками были оперы «Пиковая дама», «Иоланта» и «Евгений Онегин», а балетами – «Щелкунчик», но, в первую очередь, «Спящая красавица». Эти спектакли он смотрел много раз и всегда испытывал радостное чувство. Интерес к балету сохранил на всю жизнь. В молодости этот интерес носил особый характер: в начале 1890-х годов он испытывал серьезное увлечение прима-балериной Императорского Мариинского театра Матильдой Феликсовной Кшесинской (1872–1971).

Это был серьезный роман в жизни цесаревича. Продолжался он около двух лет и довольно длительное время служил темой оживленных пересудов в столичном обществе. Хотя встречались возлюбленные

скрытно, большей частью на частной квартире «Великолепной Матильды», но сохранить эти встречи в тайне не могли.

На публике, за кулисами после спектакля, или на светском рауте, например, у своего дяди, великого князя Алексея, общеизвестного любителя «муз и граций», Николай Александрович никаких симпатий не высказывал, сохранял ровно-спокойное отношение. Но поздним вечером, особенно зимой 1892 – 1893 годов, бывал у своей сердечной привязанности чуть ли не ежедневно и часто оставался на всю ночь.

Дневник Николая Александрович позволяет довольно точно установить «хронологию» любовного увлечения молодого наследника престола.

Здесь постоянно встречаются записи такого рода: «В 12 час. отправился к М. К., у которой оставался до 4 час. Хорошо поболтали, посмеялись и повозились»; «отправился к М.К.; провел чудесных три часа с ней»; «Закусывали в 7 1/2 час., как раз в то время начиналась «Спящая красавица» и думы мои были там, так как главным действующим лицом являлась М. К.», «посетил мою М. К., где оставался до 6 часов»; «провел большую часть вечера у М. К.»; «отправился к М. К., где ужинал по обыкновению и провел прекрасно время» и т.д.

Об увлечении своего старшего сына скоро узнали родители. Но какое-то время Александр III и Мария Федоровна смотрели на них как на обычные «шалости» молодого человека и не придавали им особого значения. Однако по мере роста сплетен и слухов, царь и особенно царица стали проявлять признаки беспокойства.

Состоялось несколько неприятных объяснений, после которых Николай Александрович прекращал свои визиты и все как будто успокаивалось. Однако через какое-то время отношения цесаревича с танцовщицей, приобретшие характер скандального «моветона», возобновлялись.

Окончательный разрыв наступил лишь в самом конце 1893 года, после категорического требования родителей и их согласия на брак сына по его выбору.

Николай Александрович женился по любви в 26 – летнем возрасте, причем руки своей избранницы, Алисы Гессенской, добивался долго, преодолевая множество препятствий, в том числе и стойкое отсутствие интереса у отца с матерью к этой партии. Симпатии двух молодых людей развивались «крещендо» десять лет – познакомились они на свадьбе Сергея Александровича и старшей сестры Алисы, Эллы, в 1884 году.

Через пять лет уже возникли разговоры о помолвке, которая тогда не состоялась. Описывая свое состояние в то время, цесаревич писал своему «дорогому Сандро»: «Ты разумеется слышал, что моя помолвка с

Аликс Гессенской будто состоялась, но это сущая неправда, это вымысел из ряда городских и газетных сплетен. Я никогда так внутренне не страдал, как эту зиму; даже раньше чем они приехали в город, стали ходить слухи об этом, подумай, какое было мое положение перед всеми на вечерах, в особенности, когда приходилось танцевать вместе. Она мне чрезвычайно понравилась, такая милая и простая, очень возмужала, если можно так выразиться...».

В течении последующих нескольких лет циркулировали всевозможные предположения о невесте для цесаревича. Назывались и обсуждались потенциальные претендентки чуть ли не из всех владетельных домов Европы (одно время, например, настойчиво говорили о Маргарите Германской, сестре императора Вильгельма).

Брак наследника российской короны – это было крупное политическое событие, затрагивавшее интересы не только России, но многих других государств. Оно могло внести коррективы в расстановку сил на мировой арене. Сам цесаревич был готов к браку и признался Сандро в 1891 году: «Я знаю, что мне пора жениться, так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица. При том мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить свое гнездышко».

Однако всех претенденток отвергал, кроме той, с которой был уже так давно знаком. Отец и мать в конце концов уступили.

В апреле 1894 года наследник поехал в Германию в Кобург на свадьбу герцогини Саксен-Кобург-Готской (той самой, которая потом стала женой великого князя Кирилла Владимировича) и здесь 8 апреля состоялась помолвка с Алисой Гессен-Дармштадтской.

Это было для Николая Александровича настоящей радостью и он писал матери: «Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и также, как я грустен, что не с вами и не могу обнять Тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, все кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись... хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другой: веселою и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое его благодеяние».

Свою избранницу Николай Александрович всю жизнь любил и ценил и всегда считал свой брак великим счастьем. Не может не вызывать восхищение то ровное восторженно-любовное отношение, которое питал Николай II к жене на протяжении всего супружества.

Через десять дней после свадьбы записал: «Каждый день, что происходит, я благословляю Господа и благодарю его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большого и лучшего благополучия на

этой земле человек не в праве иметь. Моя любовь и почитание к дорогой Аликс растет постоянно». Прошло два десятка лет, и тональность дневниковых признаний не меняется: «Не верится, что сегодня двадцатилетие нашей свадьбы! Редким семейным счастьем Господь благословил нас; лишь бы суметь в течение оставшейся жизни оказаться достойным столь великой Его милости».

Брак принес четырех дочерей и долгожданного сына Алексея, которого Николай II просто боготворил и с которым занимался каждую свободную минуту. После женитьбы у Николая Александровича стали меняться привычки: из любителя шумных встреч и продолжительных дружеских застолий он постепенно превратился в человека, для которого семья и Бог составляли главное содержание жизни, ее истинный смысл, а душевный покой он обретал в общении с «милой Аликс» и детьми.

С трепетным ожиданием Николай II встречал появление своего первенца, под знаком рождения которого прошел почти весь первый год царствования. Алиса и Николай решили: если будет мальчик, то назовут Павел, а если девочка – Ольгой. Этот выбор имен был согласован с «дорогой мама», которая его одобрила.

Мы не знаем, какое состояние духа было у царицы накануне родов, но в душе молодого императора в это время перемешивались тревога и радость. И, наконец 3 ноября 1894 года в Царском Селе в императорской семье появилась на свет девочка. Вот как описал это событие счастливый отец: «Вечно памятный для меня день, в течение которого я много выстрадал! – писал он в дневнике. – Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях – бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 час. дорогая Мама приехала из Гатчины; вторым с ней и Эллой находились неотступно при Аликс. В 9 час. ровно услышали детский писк и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой (имя трижды подчеркнуто. – А. Б.). Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс пережила рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодро».

Рождению следующих дочерей Николай Александрович всегда радовался, но реагировал на эти события уже значительно спокойней. И лишь появление пятого ребенка, сына Алексея, опять стало для отца радостным потрясением. «Незабвенный великий день для нас, в который так явно посетила нас милость Божья, – свидетельствовал царь 30 июля 1904 года в дневнике. – В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно

скоро, для меня, по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама, затем принял доклад Коковцова и раненого при Вафангоу арт. офицера Клепикова. Она уже была наверху и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы суметь отблагодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к которому собралось все семейство. Писал массу телеграмм». Легко догадаться, что эта радость была вызвана не только естественным чувством отца, получившего известие о рождении сына. На свет появился наследник престола, человек, к которому должно перейти вековое «семейное дело Романовых» - управление великой империей.

По существующей традиции Алексея Николаевича с малолетства приобщали к государственным занятиям монархов, и цесаревич присутствовал на приемах, парадах, смотрах еще тогда, когда не начал говорить и ходить. В годы мировой войны он уже неоднократно сопровождал отца в Ставку и выезжал в различные действующие воинские подразделения. В октябре 1915 году, как сказано в приказе, «за посещение армий Юго-Западного фронта в близи боевых позиций» ему даже была пожалована Георгиевская медаль 4-й степени. В мае 1916 года цесаревич получил свой первый и последний воинский чин – был произведен в ефрейторы.

Общение с Алексеем было для Николая II всегда радостным занятием.

Хотя этот ребенок и рос болезненным, но не был капризным и отличался живым умом, непоседливостью, упрямством и шаловливостью. Родители боролись с двумя последними качествами, но в душе, особенно отец, всегда радовались проделкам и забавам сына и относились к ним снисходительно.

Маленький принц был ласковым сыном, которого очень любили родители и сестры. Все были обеспокоены его здоровьем и считали необходимым заниматься его воспитанием, что мальчика часто тяготило. Особенно он любил общаться с отцом, с которым они ловили рыбу, катались на лодках, пекли на костре картошку и яблоки, зимой обязательно строили в царскосельском парке ледяную башню, – такими интересными и приятными для мальчика вещами.

Когда с отцом бывали в разлуке, а в годы мировой войны это происходило много раз, он очень скучал и почти каждый день писал. Приведем несколько его писем (уже с десяти лет наследник писал хорошо по-русски и по-французски).

«Дорогой Папа. Сегодня я долго катался на моторе и много правил. Я очень хочу видеть Тебя. Да хранит Тебя Бог. Любящий Тебя Алексей» (24 сентября 1914 г.); «Милый душака Папа. Очень я обрадовался, когда узнал, что мы победили. Я чувствую себя хорошо. Как ты поживаешь? Пиши! Да хранит тебя Бог! Целую Тебя. Алексей» (25 октября 1914 г.); «Дорогой мой Папа! У нас погода поганая. Холод такой, что вода вся замерзла. Изредка идет снег. Башня цела, но свод уже растаял. Вчера я получил интересный подарок: мне прислал один офицер из действующей армии стальную стрелу. Я теперь читаю очень интересную книгу про Петра Великого, которую мне подарила Мама. Все, слава Богу, здоровы. Да хранит Тебя Бог. Любящий Тебя Алексей» (16 апреля 1915 г.). «Дорогой Папа! Башня еще больше обвалилась. Грязи много. Вчера я с Мама и сестрами был у Ани (Вырубовой. – А. Б.). Там были два акробата – отец с сыном, две девочки, которые играли на ксилофоне и фокусник. Еще пела одна дама, а потом играли на балалайках раненые. Это все продолжалось полтора часа. Надеюсь, что приедешь к Пасхе! Кланяйся всем и, если дедушка там (министр двора В. Б. Фредерикс. – А. Б.), то и ему. Да хранит Тебя Господь Бог. Любящий Тебя и целующий Тебя покорный сын Алексей» (22 марта 1916 г.).

В приведенных строках нельзя не заметить глубокое религиозное чувство, присущее Алексею, что было характерно и для других членов царской семьи. Их также отличала и удивительная человеческая симпатия и уважение друг к другу, и не существует никаких свидетельств того, что этот мир хоть единожды был нарушен ссорой или размолвкой. В этой атмосфере взаимного согласия и покоя Николай Александрович всегда отдыхал душой и черпал здесь силы для своих многотрудных и постоянных обязанностей.

Обязательным элементом жизни в Царском стали продолжительные прогулки главы семейства с кем-нибудь из дочерей по живописным паркам и совместные посещения с детьми различных мероприятий. Когда же выдавался семейный вечер, то они проводили его, как правило, все вместе за чтением вслух (в большинстве случаев читал сам Николай Александрович) или художественной литературы, или религиозно-духовной, с обязательным обсуждением прочитанного.

Вне семьи откровенных и близких общений было всегда мало, а в последние годы их уже почти не оставалось совсем. Великий князь Николай Михайлович (двоюродный дядя Николая II) писал в этой связи, что «после 23 лет царствования Николай II не оставил ни одного друга среди своих родных, ни в высшем обществе, ни в среде приближенных». Утверждение отчасти верно. Это есть удел многих политических деятелей. Уникальность данного случая лишь в том, что сознание по-

следнего российского императора, как, пожалуй, ни у кого среди главных персонажей мировой истории начала XX века, было целиком погружено в религию, в православие, озарявшее жизнь особым светом.

И все же несколько друзей у самодержца было. Последние годы им явился офицер, а затем командир императорской яхты «Штандарт», капитан первого ранга и флигель-адъютант (с 1912 года) Николай Павлович Саблин, которого царь и царица искренне любили и ценили, и который держался рядом с ними достаточно независимо. Человек он был спокойный, уравновешенный, и царская чета охотно и часто с ним общалась, тем более, что он никогда не затрагивал острых политических вопросов и не разговаривал на неприятные темы. В январе 1916 года, имея в виду Н. П. Саблина, царица заметила: «У нас так мало истинных друзей, а из них он – самый близкий». Близость безродного офицера к царской семье многих удивляла; эти отношения порождали различные пересуды. Однако никакой тайной подоплеки здесь не было. Все дело было лишь в том, что Николай и Александра видели в нем простого и преданного им человека, а именно таких людей они искали и особенно ценили в последние годы. Сам Н. П. Саблин – человек весьма небогатый, никогда не имел и не искал никаких преимуществ от этого «высочайшего знакомства», но после начала революции никак не засвидетельствовал своей преданности развенчанным самодержцам.

Начиная с марта 1917 года, газеты переполнила скандальная информация о поверженных правителях. И чего только не писали, тиражируя самый безумный вымысел. Русская печать и русская журналистика не выдержали достойно «экзамен свободой». Те весенние месяцы 1917 года страницы газет заполнила «горячая информация» о царе и его окружении, почти сплошь лживая. Лгали не только многочисленные газетки и листки эсеро-большевистской ориентации и бульварные издания. Этим промыслом охотно занимались и «гранды» отечественной прессы: «Русское слово», «Речь», «Утро России», «Русские ведомости».

На страницах «самых уважаемых и серьезных» газет можно было прочитать о том, как царица работала в пользу Германии, что существовала целая система передачи оперативно-стратегических данных из Петрограда в Берлин, о том, как «пьяный Распутин» назначал и смещал высших должностных лиц, какими венерическими болезнями страдали сановники империи, в каких оргиях участвовали приближенные царя. О многом другом подобном писали и писали, смаковали и возмущались без конца. Никто ничего не доказывал, и ни за что не отвечал, и не нес даже моральной ответственности. Многие эти клеветнические измышления дожили до наших дней.

После отлучения императора от власти в стране «зацвели цветы свободы»! Возник кабинет князя Г. Е. Львова, куда вошли известнейшие «этуали прогрессивной общественности», так долго и так страстно разоблачавшие режим павшей монархии. Убожество этого синклита стало достойным финалом скабрёзно-кровавого анекдота под названием «русское освободительное движение». Милюков, Гучков, Шингарев, Коновалов, Керенский, В. Н. Львов... Все – «первые номера», имена которые гремели и сотрясали. И сотрясли.

Забегали, заволновались, когда выяснилось, что царская власть доживает срок. Некоторые в последнюю минуту стали носиться с абсурдной идеей регентства, и все их судорожные усилия здесь лишь показали, насколько плохо они знали и свою страну, и свой народ, и ту власть, для свержения которой сделали все возможное и невозможное. Понадобились лишь какие-то исторические мгновения, чтобы со всей очевидностью стало ясно, что в России либералы есть, а либерализма нет. Политически значимой, конструктивной и социально весомой либеральной политической величины просто не существовало.

Стало проясняться и другое: те, кто считал себя либералом и конституционалистом (октябристско-кадетско-прогрессистский сегмент) имели возможность заседать в русском парламенте лишь потому, что власть ввела систему цензовых выборов, ту систему, которая и позволяла попасть в Государственную Думу, опираясь лишь на группу единомышленников. Установление «широкой демократической выборной процедуры», о чем так много говорили и чего так на словах желали, вынесло бы смертельный приговор либерализму как политическому течению. (И в конце 1917 г., на выборах в Учредительное Собрание, либералы получили считанные проценты – максимум, на что могли рассчитывать в самом благоприятном случае).

Если бы в 1905 г. у власти не хватило бы упорства, и она бы пошла дальше того, на что реально пошла в области политических новаций, то не исключено, что возникло бы правительство, скажем, во главе со знатоком римского права профессором председателем Первой Думы Сергеем Муромцевым. Он был такой умный, такой честный, такой «душка»! Он был «за свободу»! Но этот кабинет, эта либерально-кадетская интермедия, вряд ли имела иную судьбу, чем случилась с кабинетом князя Львова в 1917 г. И бежать за границу всем этим «выразителям чаяний несчастной России» пришлось бы значительно раньше. Историческая же заслуга именно Николая II состоит в том, что он на двенадцать лет продлил жизнь России.

Тогда, в 1905 г., хулители не уразумели истины, которая оставалась таковой и через десяток лет: у них, у всей этой шумной «общественно-

сти», есть шанс жить и шуметь лишь при «самодержавной деспотии», что они могут выжить, лишь оставаясь в буквальном смысле «оппозицией при Его Величестве», что их судьба неразрывно связана с судьбой монархического авторитаризма. Но они все сделали для дискредитации национально-монархического начала. Когда Гучков тиражировал якобы письма императрицы Александры Федоровны, где прозрачно намекалось на интимную близость между ней и Распутиным, когда Милюков лгал с трибуны Государственной Думы, обвиняя правительство в государственной измене, когда Рябушинский бросал в лицо премьеру незабвенное «пью за народ, а не за правительство», когда Керенский громил на всю страну «распутинское самодержавие», когда многие другие винили и клеймили власть и ее носителей лишь только за то, что это власть, то, что же не ведали, что творят?

Ведали. Знали. Но они прекрасно понимали и другое. Никакое серьезно наказание в «царстве самовластья» им не грозит. И распаяли свое воображение, зажигали души своих сподвижников «праведным гневом» непримиримой ненависти. В этом своем маниакальном «кипении и горении» игнорировали одну очевидность: при авторитарной системе сила власти и престиж власти вещи неразрывные. Умаление престижа неизбежно вело к ослаблению того, на чем держался не просто «режим», а вся отечественная государственность и культура. И в этом смысле Павел Милюков (это имя используется лишь как титул мировоззрения, стратегии и тактики салонно-либеральной фракции) повинен в крушении России, и во всем последующим отнюдь не меньше, чем Владимир Ленин. Либерализм объективно в России играл и сыграл роль передового отряда радикализма, проложив последнему дорогу к рычагам власти.

Конечно, кто же будет спорить с тем, что по меркам европейской политической культуры конца XIX – начала XX века самодержавная система была архаичной, являлась продуктом эпохи, оставшейся позади у большинства западноевропейских стран. Естественно, что «в благоустроенном доме» – правовом государстве жить комфортней. Но, признавая подобную аксиому, необходимо признавать и другую: любая система имеет право на существование лишь там, где она исторически обусловлена, где существуют необходимые возможности для ее реализации. В России подобные условия не успели сложиться ни в 1905 г., ни даже в 1917 г. Они, эти условия, уже начали возникать, но мера их была недостаточной для безусловной репродукции западной правовой модели. Но за эволюцию ратовали лишь представители «реакционной власти»: Николай II, П. А. Столыпин. Либералы же и прогрессисты хотели всего и сразу, хотели значительно больше того, что могли удерживать в своих дряблых руках.

Надеяться же на то, что в России некий декларативный Основной Закон станет нормой жизни, что отмена административно-иерархической власти утвердит сказочные «Либерте, Эгалите и Фратерните», на это могли рассчитывать лишь люди с буйно-богатой фантазией. «Властители дум» видели Свободу в облике Прекрасной Дамы, а когда же вместо этого столкнулись с полупьяным матросом, то содрогнулись, оцепенели, а, придя в себя, забыв обо всех своих принципах и декларациях, стали ратовать «за сильную власть», «за наведение порядка», начали грезить о сильной руке. И такая сила действительно пришла к управлению страной. Но эта была уже другая страна, где не нашлось места никому из тех, кто слыл законодателем общественной моды и настроений в дореволюционной России.

Потом уже, вдалеке от России, размышляя о прошлом, некоторые сделают удивительные открытия. Семен Франк, например, написал: «Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть – власть царя; все же остальное сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями – казалось, неизбежно – могучее древо монархии; все остальное, что было в России, – вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура произрастала из ее ствола и держалась только им; ...Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное – вся русская общественность и культура – ибо мужицкой России она была непонятна, чужда и – по его сознанию – не нужна».

Прошли многие десятилетия, давно ушли живые свидетели, заросли могилы, а многие авторы и поныне все еще продолжают писать русскую историю или «по Ленину» или «по Милюкову», что по сути дела – две ипостаси одной мировоззренческой модели.

Истинную Россию знали и понимали русские монархисты задолго до крушения и первый среди них – Николай II. В декабре 1904 г. князь П. Н. Трубецкой услышал от монарха следующее: «Мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда – я вас поздравляю, господа!». Это знание базировалось на глубоком чув-

стве, на интуиции, которые всегда отличали православного человека от атеиста и прагматика. Выросший в атмосфере патриархальной русской семьи, последний царь с младенчества усвоил принципы Любви и Веры, которым оставался предан до конца.

Это был по настоящему православный человек, у алтаря, в молитве соединявшийся с другими русскими, с миллионами простых мужиков и баб, так же честно и бесхитростно уповавшими на Бога, так же надевавшимися на Его милость.

Царь был таким, каким был, и народ был таким, каким был. Страна и люди ее могли воспринимать то, что могли, а не то, что хотели силой навязать носители европейского политического просвещения и утомленного русского интеллекта.

Поразительно, насколько отечественные либералы были далеки от критической самооценки собственных взглядов и деятельности даже тогда, когда со всей очевидностью обрисовалась нежизненность всех их призывов, представлений и дел. Лишь единицы находили в себе мужество подняться над мелкими сиюминутными политическим амбициями и говорить то, что никогда не признавалось в среде «европейцев и джентльменов».

Летом 1918 года Петр Струве написал: «Один из замечательнейших и по практически-политической и по теоретически – социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере “режим” низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, а с другой – в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях, не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа, или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались порядками и учреждениями».

В России всегда имелось слишком много уникального, эндемичного и эта неповторимость, в конечном итоге, и сотворила судьбу России. Любой мало-мальски ответственный политик не имел права игнорировать реальность и выдавать желаемое за действительное. Правители это понимали. Даже Александр II, которого потом традиционно противопоставляли сыну и внуку, в своем завещании, составленном в конце 1876 года, после многолетних опытов по коренному реформированию, обращаясь к наследнику престола восклицал: «Заклинаю Его, не увлекаться модными теориями, пещись о постоянно его (Отечества. – А. Б.) развитии, основанном на любви к Богу и на законе. Он не должен забывать, что могущество России основано на единстве Государства, а потому все, что может клониться к потрясению всего единства и к от-

дельному развитию различных народностей для нее пагубно и не должно быть допускаемо».

Как верно и просто сказано. Любовь к Богу и Закон, который всегда в России являлся волей Государя. Но в кругах «образованного общества» в начале XX века эти вещи ценностями больше не являлись. Здесь не было Бога, и не было никакого уважения к Русскому Закону.

Николай II являлся настоящим русским человеком. Русским не в вульгарно-генетическом смысле, а по своей душевной организации, по строю своих мыслей, представлений, чувств. В этой русскости заключена непреходящая притягательность образа этого человека и правителя. Всем сердцем чувствовал боли и нужды страны. Во имя России последний монарх неоднократно переступал через собственное «Я» и принимал новые реальности, которые далеко не всегда соответствовали личным желаниям и устоявшимся представлениям.

Когда пал Царь, то на Земле Русской многие забыли и Бога. Самое недопустимое становилось дозволенным; самое грубое, темное, звериное начало вылезать на передний план. Жизнь в стране начала приобретать те очертания, тот характер, который только и могла приобрести. Парадоксальный Василий Розанов выразил это бессмертной метафорой: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. Представление окончилось. Публика встала. Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Последний царь всегда помнил слова Спасителя, наставлявшего: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:13). Николай II и царская семья испили горькую чашу своей судьбы до дна. Они испытали все мыслимые и немыслимые несчастья и разочарования и при жизни, и после смерти. И даже самые лютые враги не смогли бы ничего уже добавить. Трагедией своей жизни и смерти император искупил свои вольные или невольные, действительные или мнимые ошибки и заблуждения. Он не нуждается в нашем прощении. Мертвым почести и признание не нужны. Правда нужна живым, тем, кто хочет национально самоидентифицироваться, понять свое происхождение и предназначение в этом мире, тем, кто жаждет благополучия свой Родине.

История Дома Романовых: веки служения России

3 марта 2013 г. по новому стилю исполнилось 400 лет со дня избрания на царство Земским собором Михаила Фёдоровича Романова. Начиная с 1613 г. и на протяжении более 300 лет Романовы были правящей династией России¹ – с их именами связано укрепление Московского царства в XVII в. и создание Российской Империи, которая стала одним из высших взлётов российской государственности, а сама Россия – полноправной и значимой частью европейской цивилизации.

Сам род Романовых принадлежал к числу родов старомосковского боярства и известен на службе московских князей с 1347 г. Именно тогда в летописях упоминается самый ранний предок Романовых – Андрей Иванович Кобыла, служивший Семёну Гордому, старшему сыну Ивана Калиты. Таким образом Романовы, можно сказать, «коренной» род московской аристократии. Более ранние предки Романовых, до Андрея Кобылы, летописным источникам неизвестны. Уже много позже, в XVII–XVIII вв., когда Романовы находились у власти, возникла легенда об их иноземном, якобы «прусском» происхождении, однако, она носит явно искусственный характер и не может считаться достоверной.

¹ Курукин И. В. Романовы. М., 2012. С.36.

Согласно этой легенде, Андрей Иванович Кобыла был князем, происходившим из Пруссии², а его генеалогия восходила ко временам Римской империи. Якобы, в IV в. н.э. прусский король Прутено отдал своё королевство брату Вейдевуту, а сам стал верховным жрецом этого языческого племени в городе Романове. Город этот находился на берегах рек Дубиссы и Невяжи, при слиянии которых рос священный, вечнозелёный дуб, необыкновенной высоты и толщины (изображение этого дуба в качестве нащлемника вошло в герб однородцев Романовых – Шереметевых). Перед смертью Вейдевут разделил своё королевство между двенадцатью сыновьями. Четвёртым сыном был Недрон, потомки которого владели самогитскими (т. е. жмудскими) землями. В девятом поколении потомком Недрона был Дивон, живший в XIII в. и оборонявший свои земли от вторжения рыцарей-меченосцев. Наконец, в 1280 г. его сыновья Руссинген и Гланда Камбила приняли крещение, а в 1283 г. Гланда (Гланда или Гландус) Камбила приехал на Русь служить московскому князю Даниилу Александровичу. Здесь он принял крещение и стал называться Кобылой. По другим вариантам родословной легенды, Гланда принял крещение с именем Иван в 1287 г., а Андрей Кобыла был его сыном³.

Искусственность этого рассказа очевидна, и хотя некоторые историки пытались проверить его подлинность⁴, эти попытки оказались безуспешными. Начало легенды аналогично балтийскому преданию, возникшему, по всей видимости, не раньше XV–XVI вв., в котором упомянуты братья Брутевь и Вайдевут, по происхождению варяги. Вайдевут стал королём литовцев и разделил свои владения на 12 частей, правителем одной из которых был его сын Литво⁵. В рассказе о предках Романовых очевидно желание автора связать начало рода Романовых на Руси с самыми первыми московскими князьями. Ведь Даниил Александрович не только был основателем Московского княжества, но и родоначальником московской династии, преемниками которой являлись Романовы. Вероятно, на формирование легенды повлияла и существовавшая с рубежа XV–XVI вв. легенда о прусско-римском происхождении Рюриковичей, ставшая официальной идеологией Москов-

² Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам, собранный Н.Н. Селифонтовым. Часть 1. СПб., 1901. С.50 – 51.

³ Там же.

⁴ Боханов А. Н. Николай II. М., 1998. С. 75–80.

⁵ Филошкин А. И. Легендарные родословия Великих князей Литовских и Великих князей Московских: принципы построения // Русский родословец. № 1. 2001. С.6.

ского царства⁶. В действительности же Кобыла, по-видимому, происходил из московских или переяславских⁷, а возможно, тверских⁸ землевладельцев.

У Андрея Кобылы было пять сыновей – Семён Жеребец, Александр Ёлка, Василий Ивантей, Гаврила Гавша и Фёдор Кошка, четверо из которых оставили большое потомство – от них пошло несколько известных русских дворянских родов⁹, так что среди потомков Андрея Кобылы есть и митрополит Филипп (Колычѐв), убитый при Иване Грозном, и петровский фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, и генерал 1812 г. Пётр Петрович Коновницын, и изобретатель электрической лампы накаливания Александр Николаевич Лодыгин, и драматург Александр Васильевич Сухово-Кобылин, и писатель и общественный деятель Александр Иванович Герцен, и многие другие выдающиеся люди. От младшего сына Андрея Кобылы – Фёдора Кошки, происходят Романовы.

Потомки Кошки находились на службе у московских князей, занимая значимое положение при дворе. Более того, Кошкины породнились и с некоторыми ветвями династии Рюриковичей, сначала с тверской династией, а затем с боровско-серпуховской. В 1407 г. на внучке Фёдора Кошки – Марии Фёдоровне Голтыевой – женился один из сыновей серпуховского князя Владимира Андреевича – Ярослав-Афанасий Владимирович, князь Малоярославецкий. Одна из дочерей от этого брака, Мария, в 1433 г. была выдана замуж за юного московского князя Василия II Васильевича, внука Дмитрия Донского, будущего Василия Тёмного. Следовательно, все потомки Василия II – то есть вся московская династия, начиная с Ивана III, являлись также потомками и Фёдора Кошки¹⁰. Иван III приходился Фёдору Кошке праправнуком по материнской линии, поэтому брак Ивана Грозного и Анастасии Романовны был браком между тёткой и её пятиюродным племянником, то есть браком в одиннадцатой степени родства. Конечно, это родство было отдалённым, но оно показывает близость Кошкиных к московским Рюриковичам и на родственном уровне.

⁶ Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010. С. 39–41.

⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 175.

⁸ Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV–первой трети XV в.: (Ч. I: Всеволож-Заболоцкие, Вольнские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 710.

⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 175–190.

¹⁰ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 72.

Ко времени Ивана Грозного собственно фамилия Романовых ещё не сформировалась, потомки внука Фёдора Кошки – Захария Ивановича, прозывались Захарьинными, его сын Юрий был отцом Романа Юрьевича Захарьина, а уже от имени Романа образовалась фамилия Романовы. По сути это всё были родовые прозвища, происходившие от отчеств и дедичеств. Роман Юрьевич Захарьин, которого часто и совершенно неверно называют боярином (он имел «только» чин окольничего), был отцом Анастасии Романовны, в 1547 г. ставшей первой женой Ивана Грозного. Подчеркну, что это был очень важный брак, поскольку Анастасия Романовна стала первой русской царицей.

Брак царя вводил родственников его жены в круг ближайшей родни царской семьи. Брат или племянник царицы становился своего рода царским братом или племянником. В благоприятных для него условиях он даже мог выступать претендентом на престол, подобно тому, как это было характерно для византийской императорской традиции. Широкое византийское влияние на символику русского двора (когда сама Византия уже прекратила историческое существование), как известно, проявлялось в целом ряде существенных явлений и церемоний – переход на сентябрьское летосчисление, обряд выбора царской невесты, появление на Руси двуглавого орла в качестве знака родства с императорской семьёй, возможность наследования престола через свойство – всё это явления из наследия византийской традиции. Уже при Василии III, до рождения Ивана Грозного, наследником престола, вероятно, некоторое время считался татарский царевич Пётр (Куйдакул Ибреимович), женатый на родной сестре Василия¹¹. После смерти Фёдора Ивановича Борис Годунов, как шурин царя, стал царём как раз в соответствии с этой византийской традицией. Точно так же престол, в конечном итоге, оказался в руках Романовых, хотя по родству они отнюдь не принадлежали к потомкам Рюрика.

После смерти Ивана Грозного царём стал его сын от царицы Анастасии – Фёдор Иванович. Дядя нового государя, воевода Никита Романович Захарьин-Юрьев сделался одним из пяти своего рода регентов Московского государства, составивших верховную думу при царе Фёдоре, не слишком способном к самостоятельному правлению. Однако Никита Романович вскоре скончался в иночестве и старшими в роду Романовых оказались его сыновья – двоюродные братья Фёдора Ивановича, среди которых выделялся Фёдор Никитич Романов, впоследствии московский патриарх Филарет, отец Михаила Фёдоровича. При Борисе Годунове на Романовых обрушились репрес-

сии по обвинению в злом умысле на жизнь царя и «реабилитированы» они были только в правление «Дмитрия Ивановича», то есть Лжедмитрия I – Григория Отрепьева, служившего на романовском дворе. Романовы играли существенную роль в событиях Смуты. Филарет возглавлял великое посольство к королю Речи Посполитой Сигизмунду III с приглашением его сына Владислава на русский престол, которое, впрочем, было в Польше задержано, а брат Филарета Иван Никитич Романов, по прозвищу Каша, входил в состав семибоярщины – правительства, образованного в Москве после свержения с престола Василия Шуйского. Михаил Фёдорович тоже находился в Москве в период так называемой польско-литовской «оккупации» и пережил все бедствия и голод за осаждёнными кремлёвскими стенами. После того как Кремль был освобождён силами земского ополчения во главе с князьями Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским, мать Михаила Фёдоровича увезла сына в Костромской уезд, где у неё были владения. Оттуда Михаил Фёдорович и был призван на московский престол.

На соборе звучали имена нескольких претендентов. Наиболее авторитетным боярином на тот момент был князь Фёдор Иванович Мстиславский, возглавлявший Семибоярщину. По свидетельствам источников, на престол претендовали руководители земского ополчения князь Трубецкой и князь Пожарский, а также другие представители знатных родов. Причина избрания Михаила Фёдоровича заключалась не столько в том, что Михаил по молодости лет стоял вне разных соперничавших политических группировок или что им можно было, якобы, легко управлять, сколько в непосредственной родственной связи Михаила с последним законным царём из династии московских Рюриковичей – Фёдором Ивановичем (после смерти которого наступила череда выборных и самозванных царей). Личность и время правления царя Фёдора идеализировались, а сам он воспринимался символом той прерванной традиции, к которой следовало вернуться теперь. Михаил Фёдорович был племянником царя Фёдора – он представлял собой своего рода «реинкарнацию» Фёдора, продолжение его эпохи. Именно Михаил Фёдорович был старшим царским племянником, сыном старшего двоюродного брата царя Фёдора Иоанновича.

Для первых Романовых на московском престоле родство с последними царями из династии Рюриковичей служило важным фактором легитимации. Романовы активно поддерживали культ царевича Дмитрия, царь Фёдор Иоаннович воспринимался потом в качестве деда царя Алексея Михайловича (у которого таким образом оказывалось как бы два деда по мужской линии одновременно – это зафиксировано

письменными источниками), а имена последних московских Рюриковичей из царской семьи – Дмитрий, Фёдор и Иван стали именами сыновей Алексея Михайловича¹². Так, прежняя царская династия как бы генеалогически и символически оказывалась продолжена династией новой, и Романовы становились законными преемниками царского корня Московского государства.

На плечи новой царской династии легла забота о восстановлении страны после разорения Смуты – надо сказать, что Романовы успешно справились с этой задачей, и период правления Алексея Михайловича можно считать эпохой расцвета Московского царства. Конечно, выход государства из столь масштабного и затяжного кризиса был невозможен без восстановления системы государственного управления и единства страны. Михаилу Фёдоровичу удалось завершить войны с Речью Посполитой и Швецией, благодаря чему Россия хоть и понесла некоторые территориальные потери на западных рубежах, но смогла отстоять Новгород, отделившийся от основной части страны в период Смуты. Были подавлены и внутренние очаги Смуты, в частности пленены в южном Поволжье Марина Мнишек с сыном Иваном и атаман И. М. Заруцкий, ликвидированы самозванческие угрозы. Первые годы своего правления Михаил Фёдорович опирался на широкую поддержку «всей земли» – такой важнейший орган государственной власти, как Земский собор, действовал почти непрерывно. После возвращения из польского плена митрополита Филарета и поставления его патриархом в 1619 г., началось своего рода соправительство сына и отца – патриарх играл важную роль в государственном управлении, помогая сыну в его нелёгкой царской «работе». Результатом правления Михаила Фёдоровича была восстановленная страна с чётко отлаженным государственным аппаратом¹³.

Перед новым царём Алексеем Михайловичем (годы правления 1645–1676 гг.)¹⁴ встала задача создания нового свода законов Московского государства, к необходимости которого правительство подтолкнула череда мятежей, прокатившаяся по крупным городам (Соляной бунт в Москве и др.). В 1649 г. был создан грандиозный по своему масштабу и фундаментальный по содержанию свод законов – Соборное уложение Алексея Михайловича, заменивший устаревшие судебники

¹² Пчелов Е. В. Антропонимия династии Романовых: основные тенденции и закономерности // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 309–310.

¹³ См.: Козляков В. Н. Михаил Фёдорович. М., 2010.

¹⁴ Общий очерк его царствования см.: Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003.

XVI в. и остававшийся основой российского законодательства чуть ли не до эпохи Николая I (попытка создать новое Уложение Екатериной II успеха не имела). При Алексее Михайловиче постепенно наметились и тенденции к сближению с европейскими традициями, особенно явно проявившиеся в период царствования его наследника Фёдора Алексеевича (1676–1682) и регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) при царях Иване Алексеевиче и малолетнем Петре Алексеевиче¹⁵. Воспитанница Симеона Полоцкого, она, как и её брат Фёдор, уделяла большое внимание распространению при дворе просвещения, а также православной культуры земель Речи Посполитой, благодаря чему (а также связям с православным Востоком) начала свою деятельность, в частности, Славяно-Греко-Латинская Академия.

Однако в XVII в. династия Романовых находилась в международной династической изоляции – попытки установления родственных связей с европейскими династиями закончились неудачей, а особенности матримониальной политики не позволяли Романовым вписаться в контекст европейской монархической «семьи». С другой стороны, демографическая ситуация, связанная с количеством и гендерным соотношением детей, а также и продолжительностью жизни, делали династию Романовых допетровской Руси преимущественно семьёй женщин. Некоторые из этих женщин, однако, сыграли значительную роль в политической и культурной истории страны. Так уже упоминавшаяся царевна Софья Алексеевна являлась фактической правительницей государства на протяжении семи лет. Царевна Наталья Алексеевна продолжила увлечение своего отца, став одной из основательниц русского придворного театра¹⁶.

Эпоха Петра Великого – период глубоких, коренных преобразований, сделавших Россию Империей и введших её в контекст ведущих европейских держав¹⁷. Собственно то, чем известна русская культура и наука в мире, есть результат имперского существования России в виде европейской страны. Роль представителей династии Романовых в этом процессе, начиная с Петра Великого, невозможно переоценить.

Реформы Петра Великого охватили практически все стороны жизни тогдашнего общества. Успешная Северная война со Швецией способствовала обретению Россией нового статуса – статуса Империи, то есть государства равного Священной Римской Империи Германской

¹⁵ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 49.

¹⁶ См.: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.

¹⁷ Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1998. С. 2.

нации и империям древности и средневековья. Россия теперь не просто воспринималась как продолжательница Византии, а через неё и «первого Рима» (формирование идеологемы «Москва – Третий Рим» относится к рубежу XV и XVI вв.), а как империя в европейском смысле этого слова, включившаяся в имперский «диалог» не только на Востоке, но и на Западе¹⁸. Эта претензия на имперский универсум продемонстрировала сложный характер самой российской цивилизации – православно укоренённой, с одной стороны, и европейски ориентированной, с другой.

Создание Империи ознаменовалось созданием новой, регулярной армии, созданием флота, введением европейских культурных традиций, начиная с самых основополагающих категорий культуры (счёт лет, новолетие, гражданский алфавит, европейские цифры и т. д.) и коренным преобразованием работы всего государственного аппарата. На смену старым органам государственного управления – Земскому собору, Боярской думе, приказам и др., приходят принципиально новые. Сословно-представительский характер русской монархии меняется в пользу самодержавного абсолютизма (того, что было верно названо в предшествующей историографии «просвещённым абсолютизмом»). Высшим органом власти становится Сенат, созданный в момент практической необходимости времени Прутского похода Петра, само название этого учреждения отсылает к традициям Рима – первой универсальной Империи западного мира. Место приказов занимают коллегии, сформированные по несколько другому принципу организации, – прообраз будущих министерств, создаётся сеть новых учреждений и на местах. Для лучшего территориального управления Пётр проводит губернскую реформу, меняя административно-территориальное деление страны. Созданная Петром машина государственного аппарата Российской империи, подкреплённая «Табелью о рангах», открывшей возможность массового пополнения дворянского сословия выходцами из других социальных слоёв и поставившей социальный статус в прямую зависимость от личных заслуг, оказалась столь продуктивной, что продолжала действовать на протяжении всего XVIII века, вне зависимости от того, насколько способными, с точки зрения управления государством, оказывались преемники императора.

При Петре Романовы прорвали и династическую изоляцию, и благодаря новым принципам брачной политики, прежде всего, религиозной терпимости в этом отношении, установили родственные связи со многими европейскими правящими родами. Этому процессу сопутствовал

¹⁸ Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 48–50.

генеалогический кризис самого рода Романовых. Трагическая коллизия, закончившаяся гибелью царевича Алексея Петровича в 1718 г.¹⁹, привела к появлению нового Устава о наследовании престола (1722), принцип которого стал спасением для исчезающего рода, но и послужил известным основанием для череды так называемых дворцовых переворотов²⁰. Род Романовых на русском престоле, фактически закончившийся в мужском поколении в 1730 г. со смертью Петра II и в женском – в 1761 г. со смертью Елизаветы Петровны, «преобразовался» сначала в ветвь герцогов Брауншвейгских (1740–1741), а затем, начиная с Петра III, в ветвь герцогов Голштейн-Готторпских – отрасль древнего Ольденбургского Дома (с 1761).

Екатерина Великая, урождённая принцесса Анхальт-Цербстская, стала своего рода образцом монарха эпохи Просвещения²¹. Воспитанная на идеях просветителей, Екатерина начала своё царствование с реформаторских устремлений, связанных с реорганизацией Сената, секуляризацией церковных владений и созывом Уложенной комиссии, призванной выработать новое законодательство, на основе нового духа времени. Однако масштабное движение Е. Пугачёва, охватившее огромную территорию и большие массы населения, показало императрице слабость государственного аппарата на местах. В результате Екатерина осуществила губернскую реформу (1775), совершенно изменившую административно-территориальное деление страны и создавшую стройную систему власти на местах, в основных своих чертах действовавшую вплоть до революции 1917 г. Большой расцвет провинциальной культуры, которая стала характерной чертой общественной жизни дореволюционной России, во многом являлся следствием екатерининских преобразований. Венцом екатерининских реформ стали Жалованные грамоты дворянству и городам (1785), которые предоставили городам более широкие права самоуправления, а дворянству – возможность непосредственного участия в местной администрации и усиление роли в общественной жизни губерний и уездов, благодаря созданию дворянских собраний. Период правления Екатерины был также началом мощного подъёма отечественной культуры, созданной во многом трудами и попечением первого свободного сословия России.

Сами взгляды императрицы, отвечавшие идеалам просветителей, способствовали развитию системы просвещения и воспитания в России,

¹⁹ См.: Павленко Н. И. Царевич Алексей. М., 2008.

²⁰ См.: Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань, 2003.

²¹ Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010. С. 10.

созданию сети воспитательных домов и других подобного рода учреждений (Смольный институт благородных девиц). Вне всякого сомнения, воспитание наследника престола с той поры приобрело особенное государственное значение и велось в духе высокого гуманизма и культуры (пример В. А. Жуковского здесь особенно показателен).

Не будет преувеличением сказать, что всё то, чем была династия Романовых на протяжении XIX – нач. XX в., было заложено личностью, воспитанием, образованием и даже политикой Великой императрицы. Именно начиная с эпохи Екатерины Российская Империя стала полноправным европейским государством, одной из ведущих держав Европы, встала в ряд с другими передовыми, цивилизованными странами. Просвещение, высокий культурный и интеллектуальный уровень, подлинный гуманизм – вот то, что оставила Екатерина в наследство своим потомкам.

Вхождению в европейский контекст, в том числе и культурный, способствовала и матримонимальная политика династии Романовых²². Русские Великие князья женились на европейских принцессах, как правило, из небольших немецких княжеств лютеранского вероисповедания (что облегчало переход в православие). Эти принцессы привносили в императорскую фамилию утончённую европейскую культуру, образованность, высокие морально-этические нормы сдержанности, скромности, ответственности, дисциплинированности, умения владеть собой. Примеры императрицы Марии Фёдоровны, второй супруги Павла I, императриц Елизаветы Алексеевны, Александры Фёдоровны (жены Николая I), Марии Александровны, великой княгини Елены Павловны и многих др. говорят сами за себя.

Эти женщины многое сделали для русской культуры, достаточно вспомнить «гения вкуса» императрицу Марию Фёдоровну²³ или великую княгиню Елену Павловну, сыгравшую большую роль в музыкальной, литературной и художественной жизни России первой половины XIX в.²⁴.

Но происходил и обратный процесс. Русские великие княжны выходили замуж за европейских принцев (некоторые из них, как семья принцев Ольденбургских, внёсших большой вклад в отечественную

²² О династических связях Романовых см.: Манько А. В. Брачные союзы Дома Романовых. М., 2010. С. 47.

²³ Ёлкина А. С. Венценосная художница. Творческое наследие императрицы Марии Фёдоровны. СПб., 2007. С. 12.

²⁴ См.: Крылова А. В. Великая княгиня Елена Павловна. СПб., 2001.

медицину и благотворительность²⁵, поступали на русскую службу), и в конечном итоге обоюдное династическое взаимопроникновение создало единую европейскую монархическую семью, в которой более-менее были общими многие нормы воспитания, образования и в целом жизни – ту семью, в которой даже семейные прозвища возникали на единый манер, ту семью, которая олицетворяла собой «старую Европу» позапрошлого века и которая ушла в небытие в столь трагическом для всего европейского мира 1914 г. Культурные импульсы и взаимосвязи пронизывали всю Европу от Британии и Голландии до России, создавая единый культурный фон для истории высшего слоя России и в целом для её образованных кругов. Бесспорно, династия Романовых в XIX веке была династией европейской.

С другой стороны, династия Романовых была династией русской и православной. Вне России и вне православной веры она себя не мыслила – религиозность была общей чертой представителей Императорского Дома, причём она была абсолютно органична, а потому несколько не носила показного, демонстративно-внешнего характера. Это была сущность, личная духовная жизнь, а личное в образованном и культурном обществе старой России не было принято выставлять напоказ. И, конечно, все Романовы органично воспринимали русскую культуру как культуру свою, родную – в этом плане пример Екатерины Великой («я больше русская была, чем многие цари по крови вам родные», – такие слова вложил в её уста А. Н. Апухтин) задал образец и для всех её потомков на многие поколения. Русской культуре Романовы отдали много сил и их коллективный вклад в это колоссальное явление мирового масштаба ещё предстоит по достоинству оценить. Итак, династия Романовых в XIX веке была, безусловно, династией русских европейцев – русских, православных монархов, органично входивших в контекст европейской цивилизации.

Вот это то, что и сделало Романовых образцом личности, долга, чести, ответственности, воспитания, образования, культуры. В этом культурном контексте, на этом культурном фоне, нет ничего удивительного в том, что XIX и начало XX века дали нам яркие примеры выдающихся представителей этого рода.

Восшествие на престол Павла I ознаменовалось новым законом о престолонаследии и императорской фамилии 1797 г., будущему которой уже ничто не могло угрожать. Большая семья Павла служила залогом начала нового периода в истории династии, когда род Романо-

²⁵ См.: Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб., 2004.

вых, став относительно многочисленным, превратился в стабильную правящую династию европейского уровня. В то же время недолгое царствование Павла I, попытавшегося восстановить авторитарный стиль правления, закончилось последним дворцовым переворотом. Непопулярный в дворянской среде император был убит заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в недостроенном Михайловском замке, который должен был стать его новой резиденцией.

Царствование императора Александра I (1801–1825) явилось блестящим продолжением славного царствования его венценосной бабки – громкие победы и слава освободителя Европы от Наполеона выдвинула Александра в ряд ведущих монархов Европы, а Россию – в ряд ведущих её держав²⁶. После этого до середины XIX в. Россия оставалась гарантом стабильности в Европе, выступая в союзе с Австрией и Пруссией. Правление Александра, как и правление Екатерины началось с реформаторских дел – система государственного управления укрепилась путём учреждения Государственного совета, созданием министерств и очередной реформой Сената. Был сделан и самый первый, но символически важный шаг к отмене крепостного права – в 1803 г. был обнародован Указ о «вольных хлебопашцах», позволявший помещикам отпускать крестьян на волю с наделением за выкуп землёй. И хотя практическое значение этого указа не было столь велико, он положил начало череде различных шагов к отмене крепостного права, окончательно осуществлённой лишь Александром II в 1861 г. Нужно отметить, что воспитание и принципы Александра I играли ведущую роль в реформаторских устремлениях первого десятилетия его правления. Вторая часть его царствования ознаменовалась постепенной стагнацией и усилением консерватизма, что в немалой степени объяснялось изменениями в системе его мировоззрения, склонностью к религиозному мистицизму и разочарованием в возможности изменений действительности. Трагическая коллизия личности государя способствовала появлению легенды о нём, якобы, отказавшемся от власти и ушедшему «в народ»²⁷.

Неопределённость династической ситуации, связанная с морганатическим браком следующего наследника – великого князя Константина Павловича и его необъявленным официально отказом от наследования престола (1822), спровоцировала восстание декабристов, с ликви-

²⁶ О противостоянии двух императоров см.: *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.

²⁷ См.: *Файбисович В. М.* Александр I и старец Фёдор Кузьмич. История одной легенды. СПб., 2005.

дании которого началось тридцатилетнее царствование Николая I. После Екатерины Великой именно Николай I был второй грандиозной фигурой, оказавшей существенное влияние как на саму историю династии, так и на характер личностей многих её представителей²⁸. Настоящий рыцарь чести и долга, человек строжайшей самодисциплины, чувства повышенной ответственности перед Богом, страной и самим собой, человек высоких моральных принципов и безупречной жизни – он стал примером, образцом для многих своих потомков. Показательный факт – все старшие внуки во всех четырёх ветвях его потомства, в обязательном порядке получали имя «Николай» – имя своего державного предка. Именно от Николая Павловича и императрицы Александры Фёдоровны (ей русская культура обязана тем изысканным готическим стилем, который нашёл пусть недолгое, но довольно яркое отражение в России²⁹) династия Романовых разделилась на четыре ветви – Александровичей, Константиновичей, Николаевичей и Михайловичей (Николай I назвал своих сыновей точно так же, как и Павел I, как бы воспроизводя в поколении своих сыновей своё собственное поколение)³⁰.

Последний по времени мощный период реформ – эпоха Великих реформ – в дореволюционной России связан с именем сына Николая I – императора Александра II (правил в 1855–1881)³¹. Центральным событием этой эпохи, бесспорно, явилась отмена крепостного права в 1861 г. Университетская (1863), судебная (1864), городская (1870), военная (1874) реформы, создание земского самоуправления (1864) – всё это существенным образом преобразило государственную, общественную и военную жизнь России, поставило её развитие на рельсы современного, европейского пути. Однако сохранявшийся самодержавный характер царской власти, ставящий государственную жизнь в прямую зависимость от личных идейных предпочтений того или иного монарха, всё более и более вступал в разительное противоречие с веяниями времени. Период правления Александра III, вступившего на престол после трагического убийства его отца, охарактеризовался внутренней и внешней стабилизацией, мощным развитием производительных сил страны, подъёмом науки и национальной культуры³². Это время было недолгим затишьем перед бурями и потрясениями начала следующего

²⁸ См.: *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 31.

²⁹ Императрица Александра Фёдоровна / ГМЗ «Петергоф». СПб., 2008. С.30.

³⁰ О генеалогии Дома Романовых см.: *Пчелов Е. В.* Генеалогия Романовых, 1613–2001. М., 2001. С. 21.

³¹ См.: *Толмачёв Е. П.* Александр II и его время. Т. 1–2. М., 1998.

³² См.: *Бочков В. Н.* Камбила Дивонович // Мир источниковедения. Сборник в честь С. О. Шмидта. М., Пенза, 1994.

столетия. Александр III заслужил от современников и потомков замечательное прозвание – «Миротворец». Надо сказать, что до сих пор он остаётся фактически единственным правителем России, во время правления которого не было ни одной войны. Эта мирная передышка самым благотворным образом сказалась на состоянии государства и положении народа.

А на долю наследника Александра III – Николая II выпали самые тяжкие испытания³³. Трагическое несоответствие его представлений о власти и роли российского государя с политической, экономической и общественной реальностью рубежа XIX–XX вв. обусловило очевидное запаздывание реформ. Даже Манифест об усовершенствовании государственного порядка (1905) и последующие законодательные акты, в соответствии с которыми в России были провозглашены основные свободы, разрешена деятельность политических партий, осуществилась реформа Государственного Совета и была создана Государственная Дума, «успешная» проработать 4 созыва, не могли полностью сгладить эти противоречия. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война стала катализатором общественных нестроений и, в конечном итоге, привела к революционным событиям и крушению Российской империи (а вслед за нею и ещё трёх мировых империй – Германской, Австро-Венгерской и Османской).

Нет необходимости говорить об определяющей роли Дома Романовых в политике и государственном строительстве. Однако сами личности и культурные предпочтения монархов, безусловно, влияли на культурные ориентиры своего времени. Поворот к национальному наследию, наметившийся в середине 1830-х гг. при Николае I, сменился более широкой разночинной культурой, связанной с демократизацией и реалистичным пониманием народности. Увлечённость античностью составила одну из существенных линий общего культурного контекста николаевского царствования. Новый поворот к национальным традициям при Александре III и Николае II ознаменовал расцвет «русского стиля». В эту палитру вплеталось и множество других, более «мелких» влияний, направлений и ориентиров, составлявших живую ткань русской культуры XIX–начала XX в.

Главным для мужчин рода Романовых в XIX веке считалась военная и сопряжённая с ней государственная служба. Военная служба находилась на первом месте – именно этот военизированный образец особенно почитался Николаем I и через императора Павла I, в конечном итоге, восходил к традициям, заложенным Петром Великим. Однако в этой

службе была и как бы своя «династическая специализация». Так, представители первой ветви Романовых – Александровичи – служили по инфантерии (преимущественно гвардейской), представители второй ветви, Константиновичи, должны были посвятить себя флоту, представители третьей, Николаевичи, отличились в области военно-инженерного дела, представители четвёртой, Михайловичи – «заведовали» военной артиллерией. Конечно, это лишь некое общее представление – жизнь неумолимо вносила свои коррективы, и флот во второй половине XIX–нач. XX в. стал судьбой представителей и ветви Александровичей (Вел. кн. Алексей Александрович) и ветви Михайловичей (Вел. кн. Александр Михайлович), в то время как Вел. кн. Константин Константинович, готовившийся к флотской службе, по состоянию здоровья вынужден был перейти в гвардию, а затем стал начальником военно-учебных заведений Империи. Но как бы то ни было, Армия в целом представляла собой систему, в которую прежде всего была вписана императорская династия. Именно эта упорядоченная структура служила образом высшей государственной власти, и все Романовы в мужском представительстве получали военное образование (исключения были крайне редки) и состояли на действительной военной службе.

Служба государственная была уделом Государя, а также наиболее близких к нему и авторитетных Великих князей. Ближайший сподвижник императора Александра II его младший брат Константин Николаевич был председателем Государственного Совета. Впоследствии эту должность исполнял в течение многих лет при Николае II его единственный дядя, старейший на тот момент член династии – Вел. кн. Михаил Николаевич. Вел. кн. Владимир Александрович, брат Александра III, командовал войсками гвардии и Петербургского военного округа, выполняя своего рода роль военного губернатора столицы. Вел. кн. Сергей Александрович на протяжении без малого 15-ти лет был московским генерал-губернатором. Наместником в Царстве Польском был некоторое время тот же Константин Николаевич (как не вспомнить здесь пример Александра I и Константина Павловича), а Михаил Николаевич был наместником на Кавказе – в одном из важнейших регионов Империи (именно при нём завершилась Кавказская война). Но в целом гражданские (или, вернее, военно-гражданские) должности не были уделом династии – эта сфера государственного управления всецело сосредотачивалась в руках самого Императора.

Однако, начиная с поколения внуков Николая I, мы видим в Императорской фамилии целую плеяду выдающихся людей. В этом поколении военная служба династии как бы дополнилась и очень существенно новыми сферами, прежде всего, культурной и отчасти научной. И

действительно, Вел. кн. Владимир Александрович, как и впоследствии его супруга Мария Павловна старшая, возглавляли Академию художеств. Вел. кн. Сергей Александрович внёс большой вклад и в религиозную (будучи председателем Православного Палестинского общества), и в культурную жизнь России (в качестве председателя Исторического музея и главы Комитета по устройству Московского музея изящных искусств)³⁴. Вел. кн. Константин Константинович стал выдающимся поэтом, переводчиком, пробовал силы в музыке и драматургии, четверть века стоял во главе русской науки, будучи президентом Академии наук³⁵. Вел. кн. Николай Михайлович стал выдающимся историком и крупным зоологом (энтомологом), и его научные труды в этих областях до сих пор не потеряли своей ценности³⁶. Вел. кн. Георгий Михайлович внёс большой вклад в русскую научную нумизматику и в течение многих лет возглавлял Русский музей имп. Александра III, много сделал для развития музея и пополнения его коллекций³⁷. Менее заметны личности Вел. кн. Петра Николаевича и Дмитрия Константиновича, но и они каждый в своей области (архитектура и фортификация, коннозаводство) также оставили важный след, до конца ещё не оценённый. Вел. кн. Александр Михайлович, увлекающаяся и деятельная натура, был основоположником русской военной авиации, дела совершенно нового для того времени³⁸. Эти традиции культурной, научной и общественной работы продолжали и последующие поколения Дома Романовых.

Так, в старшей ветви, Александровичей, мы видим и одного из основателей русского олимпийского движения Вел. кн. Дмитрия Павловича, и организатора астрономических исследований Вел. кн. Георгия Александровича, и замечательную художницу (второго профессионального художника в династии Романовых после императрицы Марии Фёдоровны (старшей)) Вел. кн. Ольгу Александровну³⁹.

В ветви Константиновичей как бы наследственной стало покровительство музыкальной жизни (представители этой семьи возглавляли

³⁴ См.: *Гришин Д. Б.* Трагическая судьба великого князя. М., 2006.

³⁵ *Соболев В. С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПб., 1993. С. 29.

³⁶ См.: *Исмаил-Заде Д. И.* Великий князь Николай Михайлович – судьба и книги // Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999.

³⁷ *Спасский И. Г.* К истории создания Корпуса русских монет XVIII и XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 40.

³⁸ *Коршунов Ю. Л.* Первый главнокомандующий ВВС России (Вел. кн. Александр Михайлович) // Новый часовой. № 5. СПб., 1997. С. 297–304.

³⁹ О её художественной деятельности см.: *Куликовская-Романова О. Н.* Царского рода. М., 2010.

Русское музыкальное общество), а литературные традиции были продолжены одним из сыновей К. Р. – Кн. Олегом Константиновичем⁴⁰ (как и его троюродным братом из старшей ветви рода – кн. Владимиром Палеем⁴¹).

Ряд женщин Императорской Династии стали примером высокой религиозной жизни, а их духовное подвижничество уже в наше время ознаменовалось канонизациями – это Вел. кн. Елизавета Фёдоровна и Вел. кн. Александра Петровна.

Разумеется, только этим огромная работа в различных сферах государственной, военной, общественной, научной и культурной жизни династии Романовых не ограничивается. Императорская Фамилия, обладавшая значительным культурным багажом, оставила такой след буквально во всех сферах истории России, что её вклад как частный, так и общий заслуживает ещё и своего осмысления, и более глубокого осознания. Это была деятельность одной большой семьи, и многие из её членов являлись поистине выдающимися фигурами, значение которых ещё предстоит оценить.

После трагических революционных событий, унесших жизни 18 представителей рода Романовых, среди которых были великая подвижница веры и благотворительности, выдающийся биолог и историк, выдающийся нумизмат и администратор в области музейного дела, талантливый поэт и другие, не менее замечательные люди, династия Романовых оказалась в эмиграции, где продолжила свою историю в новых условиях. Этот эмигрантский период жизни Романовых ещё не стал предметом целостного исторического рассмотрения, однако и здесь Романовы новых поколений дали несколько замечательных примеров силы духа и общественной значимости – такие имена, как игумения Тамара (Княжна Татиана Константиновна), Княжна Вера Константиновна, кн. Теймураз Константинович Багратион-Мухранский, Тихон Николаевич Куликовский-Романов и др. составили гордость русской эмиграции первой волны. И это, конечно, результат того культурного фундамента, который был характерен для династии «русских европейцев», стоявшей во главе Российской Империи.

⁴⁰ См.: *Кульман Н. К.* Князь Олег. Пг., 1915.

⁴¹ См.: *Саенс Карбонель Х.* Поэт из рода Романовых. Князь Владимир Палей. М., 2004.

М. А. Емельянов-Лукуянчиков

Три служения Константина Леонтьева / Троичность цивилизации в наследии К. Н. Леонтьева / Трехфункциональность исторического развития в наследии К. Н. Леонтьева

Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), в иночестве Климента, часто называют гениальным мыслителем – и он действительно им был, именуют талантливым дипломатом – и это правда, точно также как и то, что он был прекрасным писателем, публицистом, врачом, переводчиком и цензором. Наследие леонтьевской «разнопородности» (В. Розанов) изучают историки и философы, богословы, литературоведы, социологи, культурологи, политологи и представители других научных специальностей.

Так что же такое «Леонтьев» для русской цивилизации? Для понимания этого необходимо обратиться к наследию самого мыслителя, в частности, к одной из его работ, в которой он писал о таких произведениях Платона, как «Государство» и «Тимей». Греческий историкософ и его собеседники «пришли к... выводу, что в государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково» – три, а также о том, что государство (в широком смысле *цивилизации*) может быть «признано справедливым в том случае, если каждое из трех его сословий выполняет в нем свое дело»¹. Эта схема Платона – «жрецы, воины и труженики», как справедливо отмечал Леонтьев, «в простом схематизме своем приложима... ко всем временам, ко всем нациям, ко всем культурам». Например, она находила свое воплощение в современном Платону Египте, в «религиозно-воинственном состоянии Персии, отчасти в современном же богомольно-казарменном строе Спарты», а

позднее – в Риме, «где воин царь стал богом; в Византии, где преобладало священство ученостию и умом; еще несколько более ясное в старой России (православной, дворянской и крепостной); ... в романо-германском мире», где проявилась в феномене «молящихся, воюющих и трудящихся». Платон настолько точно описал строение цивилизации, что к ней «можно прибавить многое, но существенно расстраивать ее трехосновный план нельзя». Составляя свой идеальный план для греческих республик, он, по сути, больше взял в свою теорию реальную жизнь, чем придумал теорию для воплощения в жизнь. Леонтьев был уверен, что если миру предстоит ещё произвести на свет новые цивилизации, эта трехосновность, пусть в новом и более сложном виде опять даст себя знать: «...духовное рассуждение, храбрость и власть, вещественный труд и повиновение» неотделимы от феномена цивилизации².

Необходимо подчеркнуть, что представление о том, что внутри каждой цивилизации наличествует три основных вида служения было характерной чертой всей леонтьевской историософии 1871–1891 годов, то есть наиболее зрелого ее периода. Собственно говоря, обращение к Платону было именно поиском аналогий своим собственным размышлениям, а не заимствованием идеи эллинского философа. Для Леонтьева вообще было характерно постоянное самоуничижение при сравнении себя с другими мыслителями, – это следствие его внутренней христианской борьбы (по слову Евангелия «егда сотворите все повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есте» (Лк. 17:10)). Так он готов был признать за Н. Я. Данилевским открытие феномена цивилизаций (культурно-исторических типов), хотя пришел к подобному открытию независимо от него и даже несколько ранее; всячески возвышал своего молодого друга В. С. Соловьева, хотя в ряде своих интуиций был на порядок гениальнее его и т. д.

Яркой иллюстрацией того, насколько все мышление Леонтьева было проникнуто идеалом трех служений является его рассказ о прогулке с приятелем по Петербургу: «В это время мы были уже на Аничкином мосту или около него. Налево стоял дом Белосельских... за ним по набережной Фонтанки видно было Троицкое подворье ..., а направо на самой Фонтанке стояли садки рыбные... и видны были рыбаки в красных рубашках. Я указал Пиотровскому на эти садки, на дом Белосельских и на подворье, и сказал ему:

– Вот вам живая иллюстрация. Подворье во вкусе византийском – это церковь, *религия*; дом Белосельских вроде какого-то «рококо» – это

² Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. М., 1996. С. 473–474.

знать, *аристократия*; желтые садки и красные рубашки – это живописность *простонародного быта*. Как все это прекрасно и осмысленно!...

– Как вы любите картины! – воскликнул Пиотровский.

– Картины в жизни, – возразил я, – не просто картины для удовольствия зрителя: они суть выражение... внутреннего высокого закона жизни – такого же нерушимого, как и все другие законы природы... (выделено нами. – М. А. Е.-Л.)³.

Леонтьев применял индуктивно-дедуктивный метод мышления, совмещая анализ истории как посредством перехода от общего к частному (свою теорию трех служений он применял к изучению реальных фактов), так и посредством перехода от частного к общему – представление об этих трех цивилизационных служениях (религия, культура и государство) вписывается во мнение о трехфункциональности исторического развития, характерное для целого ряда исторических традиций.

Так, вся ветхозаветная история пронизана трехчастной системой, представленной первосвященниками, пророками и царями: как писал святитель Иоанн Златоуст о служении Израиля, «одно было помазание, но три дара, один рог, но тройкая благодать; ибо помазывались священники, цари и пророки»⁴. Согласно блаженному Феофилакту, цари-волхвы Мельхиор, Каспар и Вальтасар принесли родившемуся Христу соответственно: «золото как Царю, ливан – как Богу, смирну – как смертному человеку»⁵, и именно эти три достоинства Христос Сам в Себе признавал: «Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны? Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма» (*Бог*; Мф. 12:5–6); «Царица южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (*Царь*); «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы» (*Человек-Пророк*; Лк. 11:31–32). Таким образом Христос несет в Себе служения первосвященника Аарона, царя Соломона и пророка Ионы.

Знаменитый представитель александрийской школы Ориген первым в христианской мысли развил присущее для апостола Павла различение в каждом человеке духа, души и тела (1 Сол. 5:23) в так называемый «аллегорический метод» познания. Он включает в себя телесный

³ Александров А. // Русский вестник. 1892. № IV. С. 266–268.

⁴ Катаев Н. О священном венчании и помазании Царей на Царство. СПб., 1847. С. 21–22.

⁵ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского: В 12 кн. (репринт). Кн. 4. М., 1906. С. 689–715.

(буквально-исторический, ср.: государство), душевный (нравственный, культура) и духовный (мистический, религия) разряды. Влияние оригеновской мысли на все последующее развитие Византии, Европы и России столь велико, что по сию пору, оперируя представлениями о прямом (буквальном) и переносном смысле, и о соответствии каких-либо высказываний определенному «духу», сами того не замечая, мы пользуемся методологией этого жителя эллинистической Александрии II–III вв.

В Византии теория трех функций проявилась в знаменитой идее симфонии, которая приобрела законченную форму в «Эпанагоге»: «так как государство, наподобие человека, состоит из частей и членов, то наиболее важными и необходимейшими членами являются *царь* и *патриарх*, почему мир и благоденствие *подданных* и зависит от единомыслия и согласия царской и патриаршей власти (выделено нами. – М. А. Е.-Л.)»⁶.

Византийской цивилизации Леонтьев посвятил немало места в своих исследованиях.⁷ Отметим, что его представления о «русском византизме» зачастую неверно интерпретируются исследователями, которые говорят о России как части уже не *европейской* или «*славянской*» цивилизации, но как части *Византии*. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В исследовательской и публицистической литературе немало сказано о «византизме» Константина Леонтьева, но в подавляющем числе случаев авторами совершенно игнорируется тот факт, что ввести этот термин его побудили конкретные современные ему реалии. Во-первых, это огульное посрамление Византии в Европе и европеизированной мысли России, и во-вторых, неуёмное, чисто этническое, восхваление «славянской идеи». Вот, что писал о термине «византизм» сам Константин Николаевич в письме к отцу Иосифу Фуделю: «Это слово “византизм” употреблено мною изо всех статей моих только в одной (“Византизм и Славянство”); опасаясь (тогда, в 72–73 гг.) каких-то туманных и обманчивых либерально-славянских новшеств на старой греко-российской церковной почве, я захотел пояснее указать на то, что даже и помимо сферы личной веры того или другого из нас, православие (греко-византийцами развитое) имеет для России и культурно-государственное значение (просветительное, обособляющее и утверждающее). И только! После этого я

⁶ Сокольский В. О характере и значении Эпанагоги // Византийский временник. СПб., 1894. № 1. С. 29.

⁷ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. М., 1996. С.480–481.

нигде ни разу не говорил “византизм” (поищите-ка!), а всегда уже говорил “Православие”, “Самодержавие” и т. д.»⁸.

Поэтому было бы суцей насмешкой истории, совершенным непониманием духа леонтьевской историософии воспринимать его «византизм» так, как это нередко происходит – как констатацию «несамостоятельности» России, ее «второсортности» или некой «неважности» по сравнению с самой Византией. Напротив, если бы вдруг кто-то из современников Леонтьева так проникся его идеями, что заговорил бы о русской области византийской цивилизации, Леонтьев (как и в случае со «славянской» и «туранской» цивилизациями) сразу бы обратил внимание на европейские связи Руси. Во всем необходима гармония, стратегия золотой середины, поэтому-то он иногда позволял себе делать акцент больше на византийскости России, чем на ее славянскости: «Уменьшатся только наши лжеславянские претензии; наше культурно-национальное сознание примет только с этой стороны более правильное и добросовестное направление»⁹.

Константин Николаевич достойно ответил на вопрос Данилевского о том, чем была богата жизнь Византии, не только выделив Византию в отдельную цивилизацию, но и описав высокий уровень разных ее составляющих¹⁰. Имея греческие, римские и израильские корни своей национальной идеи эта цивилизация сплотила их в едином порыве, и на их базе создала сложную, величественную и одухотворенную композицию религиозной, культурной и государственной составляющих своей цивилизации. Леонтьев рассматривал византизм, в первую очередь, как идею, основанную на православии, то есть христианстве «с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов». Вследствие этого византийский идеал чужд «крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом», чужд хилизму – «всякой надежде на всеобщее благоденствие народов», а потому «он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства». Византизм в государстве несомненно означает иерархию, а в культуре весьма ясные представления о эстетике, искусстве, науке, модах, обы-

⁸ Леонтьев К. Н. Pro et contra. Антология: в 2 кн. Кн. 2: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. СПб., 1995. С. 657.

⁹ Леонтьев К. Н. Кто правее? // Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 667.

¹⁰ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. М., 1996. С. 480–481.

чаях, вкусах и одеждах¹¹. Он писал о ее богатой литературе (исторической, философской, догматической, богослужебной, нравственно-аскетической), неподражаемых и недостижимых образцах искусства: св. Софии, иконописи Панселина, бесчисленных церковных песнопениях, «коиими оглашаются и – как можно верить – до конца мира будут оглашаться во всей вселенной православные храмы», характеризуя все это как «в высшей степени самородное, оригинальное, новое»¹². А потому величайшее значение византийской цивилизации для Леонтьева было очевидно. Как отмечал В. В. Кожин, «как раз тогда, когда Леонтьев писал эти строки, достигли своей научной зрелости выдающиеся творцы русского византиноведения – академики В. Г. Васильевский (1838–1899), Ф. И. Успенский (1845–1928) и Н. П. Кондаков (1844–1925), труды которых подтверждали полную правоту Леонтьева»¹³.

Отношения между идеей «Третьего Рима» и «византизмом» таковы, что та идея, которую Леонтьев обозначил как «византизм», является тем, благодаря чему Россия стала «Третьим Римом». Суть этой идеи не только в преемственности по отношению к Империи ромеев, но и в самобытности России.

Таким образом, как «славянская» часть наследия Леонтьева призвана продемонстрировать самобытность России, точно также, писал он, и всякая защита русского цивилизационного идеала, служение ему, «есть в моих глазах служение моему же идеалу, моему греко-россиянству, моему «византизму»¹⁴.

Вернемся к теории трех функций. В Европе подобное мировосприятие было известно уже в вольном переводе трактата Боэция «Утешение философией», сделанном в конце IX в. английским королем Альфредом Великим («jebedmen», «fyrdmen», «weorcmen» – «люди молитвы», «конные люди», «люди труда»); в X–XII вв. встречается у прозаика Эльфрика, в «Поэме» епископа Адальберона Ланского, адресованной королю Роберту Благочестивому Капетингу («oratores», «bellatores», «laboratories» – «молящиеся», «воюющие» и «трудящиеся»), у Эадмера Кентерберийского (притча об «овцах», «псах» и «быках») и у Герарда Камбрейского. Реальная организация западного общества соответствовала этой схеме в X–XIII веках (деление на духовенство, дворян-

¹¹ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 94.

¹² Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. М., 1996. С. 480.

¹³ Кожин В. История Руси и русского слова. М., 1999.

¹⁴ Леонтьев К. Н. Кто правее? // Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 673.

ство и «третье сословие», в рамках которого объединялись все, кто не принадлежал к первым двум), что отметил К. Н. Леонтьев, который писал, защищая разряды Данилевского от «теократии» В. Соловьева: «...то состояние Романо-германского мира, в котором теория Платона нашла свое осуществление, продолжалось, примерно... до реформации и возрождения»¹⁵. После XIII в. эта схема начала разрушаться, и особенно со времен Французской революции 1789 г. (однако, рудименты этой идеи просматриваются в либерально-демократическом принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную).

Освальд Шпенглер, развивая традиционную европейскую формулу «*oratores – bellatores – laboratores*», посвятил немало места в «Закате Европы» обоснованию теории трех сословий. Он не столько писал о том, из чего состоит цивилизация, сколько развивал представление о том, как носители всех трех составляющих цивилизации (духовенство, знать и народ) осуществляют свою историческую функцию в рамках собственно государства.

Благодаря идее, заложенной в них, сословия переживают свой ранг как назначенный Богом и потому не подлежащий критике. Это – их право, но ранг вменяет им в обязанность также и «жесточайшую самоуштривку, а при некоторых обстоятельствах превращает в долг даже смерть и наделяет ... историческим превосходством, обаянием души, которое не предполагает власть, но её порождает». Очень важно – представители сословий не захватывают власть, а именно благодаря им, власть как таковая появляется на исторической сцене, впоследствии производя из своей среды ещё более высокий ранг – правителя. А привилегии – лишь сопровождение власти, а не её самоцель¹⁶.

Шпенглер отмечал, что фактически существует только три сословия – как проекция трех составляющих цивилизации на государство. Как носитель религии здесь выступает в первую очередь духовенство, государства – государственные мужи, а культуры – вся остальная часть нации, народ. Тот факт, что для цивилизационного подхода преимущественными носителями культуры являются не только художники и ученые, а именно народ, частью которого они являются, весьма знаменателен. Во-первых, это говорит против выделения и противопоставления «богемы» и ученого мира народу как таковому, а во-вторых, яв-

¹⁵ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. М., 1996. С. 471, 479.

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М., 2003. С. 350.

ляется следствием того, что высшая часть культуры – это эстетика, то есть нерerefлексированная, еще не заключенная в музей красота.

Шпенглер писал, что подлинная история цивилизации начинается с образования двух сословий – знати и духовенства, которые «возвышаются» над крестьянством, которое будучи рассмотрено с позиций знати, оказывается «народом» (что, конечно, не говорит о тождестве народа и крестьянства), а с позиций духовенства – «мирянами»¹⁷.

Иногда немецкий историософ был максималистом, и в отношении трех сословий он чаще отдавал должное духовенству и знати (с большей симпатией – последней) чем крестьянству, которому он, нередко, вообще отказывал в сословности. Между тем, существуют прекрасные отзывы Шпенглера о народе. Так он писал, что надо погрузиться в душу крестьянина, закрепившегося кровью на родной земле, чтобы великие периоды кровообращения, зачатия, рождения и смерти приобрели всё свое метафизическое очарование. Крестьянин ближе всех к земле, он укоренился как потомок предков и предок будущих потомков, его дом означает «непрерывный и искренний союз вечной земли и вечной крови». Поэтому крестьянство – не только отдельное сословие, но и сословие питающее, оно «служит великой жизни не только, обеспечивая добываемое на земле пропитание, но и ... своей собственной кровью, которая течет на протяжении столетий из деревень в высшие сословия, принимает там их формы и поддерживает их уровень жизненных сил»¹⁸. Арнольд Тойнби также писал о том, что два высших сословия существуют не столько за счет естественной рождаемости, сколько «рекрутированием» представителей крестьянства¹⁹.

Леонтьев полагал складывание сословий признаком расцвета цивилизации, то есть, собственно говоря, того периода, который Шпенглер именовал «культурой». Поэтому высказывание немецкого историософа о том, что «государство большого стиля не как не старше прасословий, знати и духовенства: они возникают с культурой, с ней же они и гибнут, их судьбы в значительнейшей мере тождественны» – полностью совпадает с мнением Леонтьева по этому поводу²⁰. О том же писал Тойнби: «...растущие цивилизации отличаются от примитивных обществ поступательным движением за счет творческого меньшинства», то есть сословного меньшинства. Выступая как закваска, «твор-

¹⁷ Там же. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск, 1993. С. 97, 348.

¹⁸ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. URL: http://www.aha.ru/~andrew_r/spengler

¹⁹ Тойнби А. Дж. Постижение истории: Избранное. М., 2003. С. 173.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – М., 2003. С. 380.

ческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»²¹. Так и хочется добавить, что в числе подобных личностей были сами Леонтьев, Данилевский, Шпенглер и Тойнби, – творческое меньшинство, то есть элита.

Тойнби, обосновывая то, как *не должна* функционировать цивилизация, тем самым демонстрировал, как *должно* быть в идеале. Так кризисное состояние «господствующего (правящего, творческого) меньшинства», «внутреннего пролетариата» и «внешнего пролетариата», которые порождают, соответственно, «универсальное (смешанное) государство», «вселенскую церковь» и «варварские века», по Тойнби, есть показатель утраты чувства самодетерминации, которое, пробуждая разные служения, одновременно спланивало их в единую нацию.

Одним из самых последовательных проводников представления о трехфункциональности исторического бытия был французский ученый Жорж Дюмезиль (1898–1986) – ведущий индоевропеолог Европы. В 1938 году, на основании изучения Махабхараты, Дюмезиль определил «три потребности, которые любое человеческое общество должно удовлетворить для того, чтобы выжить – управление священным, защита, питание»²². Как пишет один из крупнейших представителей исторической антропологии (активно использующий в своих работах трехфункциональный методологический принцип Дюмезиля) Ж. Ле Гофф, Дюмезиль «блестяще обосновал гипотезу о том, что трехчастное деление свойственно всем индоевропейским обществам»²³, досконально изучив идеологию трех служений у индийцев (брамины, раджи и вайшья), у римлян («служения» бога небесного света Юпитера, бога войны Марса, формула гражданства «*pronus Romanus-Quirites*»)²⁴ и у осетин (в нартском эпосе различаются три основных рода, которые олицетворяют собой три вида служения – Алагата, Ахсартагката и Бората)²⁵.

Отметим, что последующие исследования обнаружили трехфункциональность даже там, где ее не нашел Дюмезиль: например, в некоторых африканских цивилизациях (в Египте и Бенине царь изображался в виде сокола, льва и быка, то есть как символ, соответственно, веры, силы и плодородия)²⁶.

²¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Избранное. М., 2003. С. 268–269.

²² Dumézil G. Mythe et épopée. I. P., 1995. P. 74.

²³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 239.

²⁴ Dumézil G. Mythe et épopée. I. P., 1995. P. 49.

²⁵ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 161.

²⁶ Кобищанов Ю. Африканские системы письма//Африка еще не открыта. – М., 1967. С. 180.

На Руси теория трех функций заметна уже в «Повести временных лет». Троичность – характерная черта русских былин, в том числе цикла об Илье Муромце; наличествует она в посланиях старца Филофея о «России – Третьем Риме», в «Домострое» иерея Сильвестра, в Стоглаве, в книге инок Еразма Прегрешного «О Святой Троице» (тракуется как повсеместное проявление Триипостасного Бога в тварном мире: «Бог убо Творец Сам вообрази во всяком сотворении Своем разумети троическую ипостась»²⁷ и других произведениях допетровского любуудрия. В XIX–XX вв. трехфункциональсть возникла в делении А. С. Хомяковым «географической науки» по верам, государствам и племенам, трех последовательных «факторах русской жизни» (церковь, монархия, народ) И. Солоневича.

В этой связи, конечно, нельзя не вспомнить о знаменитой формуле министра народного просвещения графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855) «Православие. Самодержавие. Народность», о которой он впервые упомянул в 1818 году в речи, произнесенной на торжественном собрании Главного педагогического института²⁸. Этой формуле предстояло стать легендарной, при чем не только в том смысле, что тот кто ее произнес, впоследствии имел возможность провести свой идеал в жизнь, но и в том значении, что эта формула стала символом «официоза» как для либеральной, так и для социалистической мысли. В любом случае, она реально отражала русский цивилизационный идеал. В Манифесте 14 марта 1848 года записано: «...древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество и ныне предскажет нам путь к победе...», и действительно, триединый идеал «Православие. Самодержавие. Народность» «восстановил в русском сознании тот духовный смысл, который закладывался в существование Российского царства еще в XVI веке... Этот идеал восстановил духовную связь России с собственным прошлым, утерянный было в XVIII столетии, и связал настоящее и будущее России с ее духовно-историческими корнями»²⁹. Эту работу продолжили М. П. Погодин, С. П. Шевырев и Н. Г. Устрялов.

Подтверждением того, насколько глубоко заложена в русском самосознании эта трехфункциональность, является теократическая теория В. С. Соловьева. Он писал, что «русская идея, исторический долг России требует от нас... трех главных органических единств – церковь, государ-

²⁷ См.: *Еразм* [Прегрешный], инок. О Троице // Попов А. Н. Книга Еразма о Святой Троице. // Чтения Общества истории и древности российских. 1880. Кн. 4.

²⁸ *Уваров С. С.* Речь президента Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года. СПб., 1818. С. 53.

²⁹ *Перевезенцев С. В.* Россия. Великая судьба. М., 2006. С. 516.

ство и общество... Восстановить на земле этот верный образ Божественной Троицы – вот в чем русская идея»³⁰, видимо, и не подозревая, что что-то похожее имело место в прошлом. Конечно, неприемлемой составляющей этой теории является попытка привести русского царя к целованию туфли римского папы, но как справедливо отмечает А. Л. Дворкин, «насколько же глубинно теократическая идея вошла в сознание русского человека, если даже тот, кто ее отрицал и боролся с ней, неизбежно упирался в нее же?»³¹

То, что Леонтьев писал о трех служениях, возможных в рамках любой цивилизации, – духовном, культурном и государственном, важно как для понимания того, что он считал определяющим для русской цивилизации, так и для понимания личности самого Леонтьева. В настоящее время леонтьевское наследие активно изучается представителями самых разных служений, однако налицо не только разобщенность, но и явное недопонимание как между различными стратами нашего общества (духовенством и государственниками, духовенством и представителями культуры), так и внутри конкретных страт (высокомерная «местечковость» мышления ярко представлена среди историков, философов и филологов, зачастую нежелающих сотрудничать с другими научными специальностями и игнорирующими их наработки). Константин Леонтьев, напротив, совмещал в себе все эти три служения. Достоинство его наследия и заключается в том, что, с одной стороны, в личности мыслителя сосуществовала гармония духовного, культурного и государственного служения, а с другой стороны, присутствовала иерархия ценностей, и верхнее место в ней занимала вера.

На религиозность Леонтьева пристальное внимание обратил такой известный представитель русской эмиграции как архимандрит Константин Зайцев. Он писал: «...перед нами единственный ... в истории литературы пример длительного светского писательства, духовно окормляемого высоким, непререкаемым церковным авторитетом ... несомненно и то, что направленность воли, находящая свое выражение в писательстве Леонтьева, признавалась старцами правильной и встречала их полное и одобрение, и даже ободрение – в отличие, например, от отношения их к писательству Владимира Соловьева и даже Достоевского»³².

³⁰ Соловьев В. С. Русская идея. М., 1996. С. 246.

³¹ Дворкин А. Л. Идея Вселенской теократии в поздней Византии. М., 2005. С. 247.

³² Кирилл Зайцев, священник. Любовь и страх: Памяти Константина Леонтьева. СПб., 1995. С. 210.

Историософ Е. Л. Шифферс (1934–1997) живописал леонтьевскую гениальность в тесной связи с его послушанием преподобному Амвросию Оптинскому: «Пушкин описал красоту русского мировидения в художественной целостности, улавливая во вдохновении светлое безмолвие старца Серафима [Саровского], монах Климент попытался осуществить эту красоту русского мировидения в «эстетике жизни» – он нашел старца во плоти и радостно положил пред стопы его свои сочинения... Вот как бы Пушкин встретился со старцем Серафимом, и, радостно обретя красоту своего Пимена во плоти, склонился перед ним, – это Леонтьев перед старцем Амвросием. Да: Пушкин, ставший монахом, – таково измерение Константина Николаевича Леонтьева, настоящего русского»³³.

В проекции культуры Леонтьев – блестящий мастер большой и малой прозаической формы. Это вполне обнаружило издание леонтьевского художественного цикла «Из жизни христиан в Турции». Неудивительно поэтому, что Лев Толстой, узнав в художественных произведениях Леонтьева что-то такое, чего так не хватало русской литературе второй половины XIX в., но было присуще ей в первой половине столетия, как-то спросил его: «Отчего меня не коробит только от ваших повестей; – а самые лучшие авторы наши чем-то претят?»³⁴

Священник Сергей Дурылин (известный литературовед и театровед) сравнивал прозу Леонтьева с такими пушкинскими произведениями как «Стамбул гяуры нынче славят» и «Подражание арабскому», отмечая, что они «имеют только одну параллель в русской литературе – «Пембе», «Хризо», «Хамид и Маноли» и другие восточные повести К. Леонтьева: та же свобода, та же прекрасная ясность, тот же подлинный, великий, прекрасный мусульманский Восток». Нельзя не отметить, что параллель «Пушкин – Леонтьев» – постоянна среди почитателей наследия Константина Николаевича: к ней обращалась Т. Глушкова, а Е. Л. Шифферс отмечал, что Леонтьев гениален не только «как политический писатель и ученый монах»: язык его сочинений, «особенно письма и политические открытия, равногениален Пушкину»³⁵. Дурылин, отзываясь о леонтьевской мысли, соглашался с В. А. Тернавцевым в том, что «Леонтьев – это Лермонтов русской философии»³⁶. Н. Ганина также пишет о

³³ Шифферс Е. Л. Аргушти. I: О поведении царей // Кремнев Г.Н. Личный архив.

³⁴ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 3: Произведения 1864–1876 гг. СПб, 2001. С. 716.

³⁵ Шифферс Е. Л. Аргушти. I: О поведении царей. // Кремнев Г.Н. Личный архив.

³⁶ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 134, 204, 350, 739.

том, что «в русской прозе после Пушкина и Лермонтова ему нет равных...»³⁷

Примечательно, что эстетически прекрасные произведения Леонтьева для того времени были также и политическим руководством к действию. Он основывал практически все свои художественные образы на реальных характерах и особенностях жизни на православном «Востоке». Эта его особенность не раз была отмечена другими профессиональными дипломатами. Так, барон А. Г. Жомини «из 200 консульских донесений меньше понял политическое настроение Греческой среды в [18]70-х годах, чем из одной «Аспазии [Ламприди]»³⁸, а М. К. Ону, в течение двенадцати лет бывший российским посланником в Греции, писал Леонтьеву по поводу его «Одиссея»: «...говорили о Вас ...с А. И. Нелидовым и он соглашался со мною, что даже политически Вы оказались дальновиднее нынешних государственных людей наших»³⁹. Леонтьев понимал это, когда писал о себе, как о человеке, подготовленном «долгою политическою деятельностью в среде восточных христиан», привычном и к «политической практике, и к пониманию общегосударственных вопросов»⁴⁰. Неудивительно поэтому, что 1 июня 2006 года на здании генерального консульства России в Стамбуле министр иностранных дел России С. В. Лавров открыл мемориальную доску, посвященную Леонтьеву.

Константин Николаевич Леонтьев не только последовательно провозглашал идею троичного состава любой цивилизации, но и воплощал ее в своей собственной жизни посредством религиозного, культурного и государственного служения России и ее традиционным ценностям. Такое представление мыслителя об историческом развитии органично для исторических традиций прошлого, и видится нами как необходимая составляющая научной методологии будущего.

³⁷ Ганина Н. Из жизни христиан в Турции: «восточные повести» К. Н. Леонтьева. Цит. по: URL: [http:// www.pravaya.ru](http://www.pravaya.ru)

³⁸ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 3: Произведения 1864–1876 гг. СПб, 2001. С. 744.

³⁹ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 4: Одиссей Полихрониадес. – СПб., 2002. С. 1029.

⁴⁰ Леонтьев К. Н. Кто правее? М., 1996. С. 668.

С. В. Алексеев

Кумиры падают...

Христианские мотивы в картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи»

С автопортрета 1848 года на нас смотрит изнуренное долгой болезнью лицо. Растрепанные, подернутые сединой кудри... Безвольно повисшая правая рука, некогда державшая одну из самых виртуозных кистей русской живописи начала XIX столетия. Карл Брюллов... «Великий Карл», как называли его современники – «модный» художник-портретист, баловень судьбы, посетитель великосветских салонов – на этом полотне предстанет как человек, подводющий итоги своего творческого и жизненного пути. За плечами и успех, и слава, знакомство с выдающимися современниками – Пушкиным, Жуковским, Крыловым, Глинкой, Гоголем, Белинским, Лермонтовым и Баратынским.

Но вместе с тем и творческие неудачи, зависть коллег по живописному цеху, высокомерное пренебрежение великосветской знати.

Но многочисленные коллизии судьбы художника – не главное, что можно уловить в пристальном взгляде с автопортрета. Перед нами бессловесная исповедь человека, стремящегося найти свой духовный идеал, человека, разочаровавшегося в суетной земной славе. Какой идеал, какую истину он ищет? Какие общепризнанные кумиры рухнули в его сознании? И что открылось ему на закате жизни?

Карл Павлович Брюллов – «Карл Павлов Брюлло, сын академика» – родился 23 декабря 1799 года в семье художника Павла Ивановича Брюлло, выходца из Франции.

С 1809 по 1821 годы Карл Брюллов успешно обучался в Академии художеств. Получив золотую медаль по классу исторической живописи,

он был откомандирован в Италию на средства Общества поощрения художников. Вначале он посетил Германию, а затем обосновался в Риме, где выполнил два замечательных жанровых полотна: «Итальянское утро» (1823) и «Итальянский полдень» (1827). Для выпускников российской Академии, которых наставляли в традициях «героизации» художественного образа, подобная живопись была определенным новшеством. Мягкая лирика бытовой сцены, глубокий психологизм женских образов, новые приемы освещения, обилие рефлексов, предельно оточенный рисунок получили высокую оценку как западных, так и российских ценителей живописи. Можно сказать, что именно эти жанровые портреты положили начало творчеству Брюллова-портретиста, которое достигнет своей вершины в тридцатые и сороковые годы XIX века.

Но главным его произведением все же останется историческое полотно «Последний день Помпеи», замысел которого возник летом 1827 года, когда художник посетил раскопки римского города Помпеи, погибшего при извержении Везувия 24 августа 79 года. Карл Брюллов начинает изучать исторические документы, относящиеся к этому трагическому событию, в частности письма очевидца, Плиния Младшего, римскому историку Тациту, посещает музейные залы, где представлены новые археологические находки.

Раскопки Помпеи начались еще в 1748 году, а к началу XIX века были изданы серьезные научные труды. В 1829 году вышел в свет альбом «Thermes de Pompei» («Бани Помпей»), в подготовке которого активное участие принял молодой архитектор Александр Брюллов – родной брат художника.

Насколько большим был интерес к истории древнеримского города, свидетельствует и то, что в 1829 году появилась опера итальянского композитора Дж. Пачини «Последний день Помпеи». Эту, имевшую успех оперу, Карл Брюллов слушал неоднократно и некоторые моменты ее сценографии, несомненно, повлияли на композиционное решение будущей картины.

Но главное, что подвигло Брюллова на создание полотна – живое приобщение к истории. После 1815 года все основные части города были очищены от вулканических наслоений: появились улицы и здания: гражданский форум, базилика, храм Аполлона, театр и Геркуланумские ворота. Гуляя по улицам некогда цветущего города, молодой художник с трепетом ощущал, что привитая ему еще в студенческие годы любовь к античному искусству, находит реальное воплощение в виде архитектуры, сохранившихся фресок и предметов быта¹.

¹ Следует заметить, что знаменитые гипсовые отливки погибших людей и животных появились только в 1870 году, по инициативе управляющего раскопками

Посвятив в свой замысел состоятельного вельможу и мецената А. Н. Демидова, Карл Брюллов получает неожиданную поддержку: Демидов соглашается финансировать работу, а затем приобрести и саму картину.

Работая над полотном, художник поставил перед собой сверхзадачу: показать средствами живописи крушение старого античного мира и зарождение нового. Показать не через героический пафос, а через чувства и переживания обычных людей, оказавшихся лицом к лицу с всепоглощающей стихией. Задача, доступная разве что только для эпической литературы. И решение этой задачи Карл Брюллов нашел в сочетании русской классической живописной традиции с романтизмом. Этот чудесный сплав и придал произведению ощущение подлинного, а не ложно-театрального драматизма и реальности происходящего.

«...художник обратился к изображению людской массы; в его картине нет уже какого-то одного героя, как это было у исторических живописцев предшествующего поколения. Теперь картина посвящена не герою, а человечеству, его судьбе»².

В 1833 году картина впервые была представлена публике на художественной выставке в Милане и получила восторженные отзывы всей Италии. Затем – выставка в парижском Салоне и золотая медаль Французской Академии художеств.

Но самое большее впечатление шедевр Карла Брюллова произвел на родине. Выставленная в Петербурге в июле 1834 года картина «Последний день Помпеи» сразу стала предметом национальной гордости.

Поэт Евгений Баратынский написал восторженные строки:

Принес он мирные трофеи
С собой в отеческую сень.
И был «Последний день Помпеи»
Для русской кисти первый день.

Николай Васильевич Гоголь посвятил полотну целую статью, вышедшую в свет в 1835 году в сборнике «Арабески», где были следующие строки:

«Картина Брюлова – одно из ярких явлений XIX века. Это – светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полуплетаргическом состоянии...

Джузеппе Фиорелли, который предложил заливать пустоты, оставшиеся в вулканическом слое, гипсом.

² История русского и советского искусства. М., 1979. С. 186

Карл Брюллов. Последний день Помпеи. 1833. ГРМ

...Картина Брюлова может назваться полным, всемирным созданием. В ней все заключилось. По крайней мере, она захватила в область свою столько разнородного, сколько до него никто не захватывал»³.

Знатоки и ценители живописи единодушно отмечали и совершенство рисунка, и живописный колорит, и определенное новаторство по отношению к сложившейся традиции исторической живописи.

В геометрическом центре картины нет крупного изображения главного персонажа, что соответствовало бы академическому канону. В центре – пустота помпейской улицы, уходящей в пламенеющее марево, и распростертая женская фигура. Возле нее – младенец. Чуть дальше – колесо, отлетевшее от опрокинувшейся колесницы, с которой низвергается на землю возница. А ближе к зрителю, перед погибшей женщиной изображены теперь уже такие ненужные предметы роскоши: дорогая шаль, зеркальце, золотой подсвечник, цепочки и шкатулка. Эти атрибуты – аллегория бренности материальных благ перед надвигающимся катаклизмом. И поэтому самым главным в этой трагической ситуации становятся отношения между людьми, которые запечатлены несколькими группами персонажей, расположенных сле-

Фрагмент картины

ва и справа от центра. Это – юноша, бережно наклонившийся к упавшей матери и уговаривающий ее подняться⁴, муж, укрывающий от падающих обломков сына и жену, сыновья, несущие на руках престарелого отца, мать, обнимающая дочерей и припадающая к христианскому священнику. В верхнем левом углу – автопортрет Брюллова в виде молодого живописца, несущего на голове ящичек с красками.

«Его фигуры, несмотря на ужас всеобщего события и своего положения, не вмещают в себе того дикого ужаса, наводящего содрогание, каким дышат суровые создания Микелянжело...

...Нет ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотой, где бы человек не был прекрасен»⁵, – писал Гоголь.

Уже в самых первых отзывах о картине критики отмечали, что главный нерв полотна – неминуемый крах старого языческого мира и приход на смену ему мира христианского. Этот лейтмотив подчеркивается фигурой христианина с факелом, каминой и нательным крестом⁶, а также грозно низвергающимися идолами. Но, как в любом выдающемся произведении искусства, в картине «Последний день Помпеи» присутствуют и другие, не лежащие на поверхности, смысловые уровни. История изобразительного искусства убедительно доказывает, что зрители последующих поколений открывают для себя в великих полотнах новые эмоциональные переживания, на которых не делал акцент автор, и которые не усмотрели критики.

Например, историк и теоретик искусства Петр Гнедич писал: «Оппоненты обвиняли Брюллова в том, что у него слишком ярко подчер-

⁴ Юношу автор картины ассоциирует с Плинием Младшим, в письмах которого приводится описание этого эпизода.

⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 томах. М., 1986. Т. 6. С. 110–111.

⁶ В семидесятых годах по Рождеству Христову еще не было традиции ношения нательных крестиков. Это историческое допущение было необходимо Брюллову для того, чтобы подчеркнуть, что изображенный человек – один из первых провозвестников христианства.

кнута борьба язычества с христианством. Но вся борьба у Брюллова выражена в том, что изображен христианский священник, спасающий церковную утварь, и языческий жрец, на лице которого выражено отчаяние»⁷.

Христианские мотивы в картине «Последний день Помпеи» – это не просто противостояние христианства и язычества, это не только трагическая гибель старого мира и предвидение грядущего Страшного Суда. Внимательный зритель откроет для себя тему уничтожения «града нечистивого», напоминающую о Божией каре городов Содомы и Гоморры.

Традиционное отношение к античной культуре представляет ее как величественную, благородную и в чем-то безэмоциональную. Но артефакты Помпеи свидетельствуют и о другом. В помпейских домах были найдены фрески и мозаики откровенно эротического характера, низменная скульптура и фаллические амулеты. Все это было опубликовано в 1870–1880-х годах и вызвало культурный шок у ценителей античности. Карл Брюллов, конечно же, воочию видел подобные фрески, о чем свидетельствует его рисунок 1830 года «Сатир, Силен и вакханка».

На полотне «Последний день Помпеи» эта мысль о Божией каре выражена в фигурах языческого жреца и, упоминавшегося ранее, христианина, держащего пылающий факел.

Современный автор А. А. Курбановский символ факела связывает «с огнедышащим вулканом, то есть: он (факел. – С. А.) представляет грозного Бога, который подвергает каре неисправимых грешников»⁸.

Но насколько применим такой взгляд по отношению к произведению Брюллова? Не вступает ли он в противоречие с явной симпатией автора к изображенным персонажам – представителям, казалось бы, чуждого христианству миропонимания?

И здесь возникает еще один – и, пожалуй, главный – христианский мотив в полотне Брюллова. Это – идеал духовной красоты человека, который даже перед лицом неминуемой гибели сохраняет свое главное достояние – образ и подобие Божие.

И в этом случае совсем по-другому интерпретируется пылающий факел в руке христианина. Это свет Истины, которая открыта каждой человеческой душе. Необходима только метанойя – перемена сознания, перемена всей своей сущности, в которой уже не будет места кумирам, рушащимся на фоне пламенеющего зарева.

⁷ Гнедич П. П. История искусств. М., 2005. С. 121.

⁸ Курбановский А. А. Загадки «Последнего дня Помпеи» // Религоведение. № 4. 2007. С. 141.

Александр Сергеевич Пушкин зорко подметил этот момент картины:

Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

В этих строчках не просто описание бегства людей от стихии – это бегство от ложного, бездуховного мира.

Карл Брюллов в молодые годы вряд ли был глубоко верующим человеком: его отношение к религии целиком строилось на принятой большинством современников модели поведения – Церковь была для них одним из обязательных институтов государственной власти. Секуляризация уже тогда активно пронизывала и творческих людей, и разночинцев, и представителей знати. Но картина «Последний день Помпеи», замечательные росписи Исаакиевского собора – свидетельство обратного: человек, далекий от веры, вряд ли бы создал подобные произведения, вошедшие в золотой фонд христианской культуры.

В залах Русского музея выставлен автопортрет художника. Это авторское повторение знаменитой работы 1848 года.

Вглядитесь в это лицо. И может быть, вы увидите легкий отблеск пылающего факела, который держит в руках христианский священник на находящемся рядом полотне «Последний день Помпеи»...

Александр Мень: вестник Царства Божьего

*Беседа выпускающего редактора
журнала «Верующий разум» А. А. Черных
с М. В. Михайловой, профессором РГХА*

*Марина Валентиновна
Михайлова*

Тема нашей сегодняшней беседы – о. Александр Мень. Рассказать кратко об этом человеке совершенно невозможно. Он являлся настолько яркой фигурой своего времени, что до сих пор не утихают вокруг его имени и деятельности дискуссии его сторонников и противников. Но все сходится в одном: Александр Мень был харизматичной личностью. О. Александр проповедовал христианство в очень непростое время. Его пастырская деятельность происходила в то время, когда гонения на церковь уже длились десятилетиями. Тема духовного, религиозного развития не поддерживалась в то время в государстве. Тем не менее, о. Александр много

сделал для своих прихожан, духовных чад и для многих людей, которые лично с ним не были знакомы, не общались с ним, а знали его только по его книгам. Сегодня об о. Александре мы поговорим с Мариной Валентиновной Михайловой, профессором Русской христианской гуманитарной академии, автором и ведущей радио «Град Петров».

– Марина Валентиновна, как вы познакомились с о. Александром? Как произошла ваша первая встреча?

– Я познакомилась с о. Александром благодаря Льву Большакову. Сейчас он священник, служит в Карельской епархии, в городе Кондопога. Тогда он еще не был рукоположен, работал в Институте археологии, а жена его, Юлия Большакова, была уже довольно известным ико-

нописцем. Они были духовными детьми о. Александра, и у них дома собиралась молитвенная группа, что по тем временам было не просто нетипично, но и наказуемо. Так случилось, что я познакомилась с Большаковыми, благодаря им прошла катехизацию (они тогда катехизировали людей тайно, на квартирах), потом стала к ним ходить на евангельские чтения. Однажды я пришла к ним чуть пораньше и увидела на кухне. Александра, который пил кофе и беседовал с Львом и Юлей о «Мастере и Маргарите» Булгакова. К тому времени я уже прочла некоторые батюшкины книги, и меня поразило его живое слово о Христе. Увидеть человека, написавшего эти удивительные вещи, для меня было счастьем и радостью. В последние два года жизни о. Александра (мы познакомились в 1988 году, а в 1990 его убили) я приезжала к нему на исповедь в Москву – не очень часто, раз в месяц, раз в два месяца, но все-таки смогла с ним немного побыть. Это, конечно, одна из лучших встреч в моей жизни.

– С какой книги началось ваше знакомство с работами Александра Менья? В то время их не издавали свободно, как сейчас. Как вы узнали об о. Александре?

– Это хорошая история. Конечно, книги о. Александра не печатались в Советском Союзе. Они выходили в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимами Андрей Боголюбов и Эммануил Светлов. Позже, в начале девяностых, о. Александра стали активно печатать, и до сегодняшнего дня появляются не только переиздания его работ, но и новые книги, сделанные на основе аудиозаписей его бесед и лекций. В советское время книги о. Александра были большой редкостью. Их привозили наши друзья из-за границы на дне чемоданов, с большими приключениями, так как религиозная литература в СССР не приветствовалась, да и вообще распространение «тамиздата» преследовалось. Первая книга о. Александра попала мне в руки, когда я училась в Ленинградском университете. Нужно было сдавать экзамен по научному атеизму. В нашей группе была такая методика: мы обязательно ходили на первую лекцию по любой дисциплине и смотрели, надо ли туда ходить, насколько преподаватель лютый и насколько он интересный. Оказалось, на научный атеизм ходить не надо: человек был хороший, мягкий, а слушать там было абсолютно нечего. Мы туда и не ходили, но экзамен все-таки нужно было сдать, и тогда один мой приятель принес мне книгу под названием «Таинство, слово, образ» (там на обложке были изображены синие с золотыми звездами купола Троице-Сергиевой лавры) и сказал: «Прочти, будешь хотя бы что-то знать про христианство». Я прочла. Не могу сказать, чтобы эта книга

меня сильно захватила. Было понятно, что работа качественная, в ней была весть, был живой смысл, и все-таки она меня оставила совершенно холодной. Я ее приняла к сведению, сдала экзамен по научному атеизму и забыла про нее. То же самое, кстати, было с Евангелием. Я его прочитала в студенческие годы в целях изучения русской литературы, поставила галочку и забыла о нем до времени. Все это вернулось потом, в необходимый момент.

– Какое у Вас осталось впечатление от первой встречи с о. Александром? Читая его книги, вы, возможно, представляли себе его как человека, как автора. Потом увидели его в жизни...

– Когда читаешь книги о. Александра, поражает невероятное качество этих текстов. Во-первых, это очень хороший язык. Есть люди, которые прекрасно говорят, но не умеют писать, и наоборот, те, кто хорошо пишет, но не умеет говорить. О. Александр прекрасно владел и устной, и письменной речью. Очень сложные философские, богословские, культурологические вопросы он умел излагать человеческим языком – это высокое и редкое достоинство. Во-вторых, его книги очень серьезны по объему проделанной работы. Их финальная простота возникала на колоссальном фундаменте научного исследования. Если мы посмотрим в конец любой его работы, мы увидим впечатляющий список литературы на нескольких языках. Поэтому я предполагала, что Александр Мень – великий мудрец и ученый, а поскольку я училась в университете еще в хорошее время, когда многие профессора-филологи старшего поколения еще были живы, и знала, что такое академическая мудрость, чего-то похожего я ждала и в этом случае. Оказалось, что все не совсем так. Отец был человеком живым, веселым, невероятно обаятельным, легким, с прекрасным чувством юмора. Было радостно увидеть, что такая образованность и философская мощь может сочетаться с простотой, легкостью и теплотой. Он был очень приветлив. Пожалуй, не было людей, которых он отвергал. Не знаю, каким надо было быть человеком, чтобы о. Александр отдалился и прекратил отношения.

– Наверное, это говорит о сильной личности. Он собирал на свои проповеди не только церковь, полную прихожан, но и большие аудитории. Люди приходили и хотели его слушать. О. Александр находил время пообщаться с каждым, кто хотел услышать от него совет или наставление. Какие темы были в центре проповедей о. Александра? Что он хотел донести людям?

– Это хороший вопрос. Говоря об о. Александре, я бы была осторожна с терминами «сильная личность» или «харизматическая личность».

Однажды я услышала поразительные слова. Он сказал: «Я человек средних способностей». Понимаете, это говорит человек, который собирал огромные

Отец Александр был человеком, бесконечно любящим Христа и лично преданным Ему

аудитории, за которым ходили толпы людей, и это было не кокетство, он действительно так думал. Главным свойством личности о. Александра была его полная принадлежность Христу. Вся его разнообразная деятельность: книги, проповеди, пасторские труды, квартирные беседы, а в период, когда ему разрешили, и большие встречи – имела своей целью донести только одно, и не *что*, а *Кого*. У него были очень глубокие личные отношения с Господом. Он знал, что во Христе вся полнота жизни, а без Него ничто не имеет смысла. Даже церковь без Христа не имеет никакого смысла, потому что она тогда впадает в мертвую идеологическую квазизжизнь. О. Александр был человеком, бесконечно любящим Христа и лично преданным Ему. Все, что он делал, было направлено на одну-единственную цель: проповедовать живого Бога.

Батюшка считал, что есть два верных способа встречи с Богом: Евхаристия и Священное Писание

Как можно встретиться с Богом? Очевидно, не стоит рассчитывать на какие-то особые видения, таинственные голоса. Так можно оказаться не совсем

там, где собирался: захочешь стать великим святым, а обнаружишь себя в психиатрической больнице. Батюшка считал, что есть два верных способа встречи с Богом: Евхаристия и Священное Писание. И в церковных проповедях, и на квартирных встречах он говорил о том, что мы можем приблизиться к Богу через участие в Евхаристии. Однажды мы у него спросили, как далекоим от церкви людям объяснить, что нужно причащаться. Ведь человек может сказать: «У меня Бог в душе, мне не нужны богослужения». Батюшка сказал, что в таких случаях хорошо рассказать историю Тайной Вечери: вот Иисус знает, что сегодня Его должны арестовать, что Он в последний раз со своими учениками, и они за столом смотрят друг на друга, и Господь берет хлеб и вино и говорит: «Это Тело Мое, это Кровь Моя. Делайте это в память обо Мне. Пока вы это будете совершать, Я с вами». О. Александр понимал таинство Евхаристии как реальное, глубокое и личное общение со Христом. Он подчеркивал, что вне евхаристической жизни не может быть настоящего богообщения. Второй путь к встрече с Богом – чтение Писания. Мы прекрасно знаем, что человек, который регулярно посещает церковь и даже участвует в Евхаристии, может быть абсолютно далек от Бога, потому что он Слово Божие не слушает, и тогда возника-

ют фантомы в том месте, где должен быть живой Христос. О. Александр очень настаивал на том, чтобы мы читали Евангелие, изучали его, молились, опираясь на Евангелие.

– Следующий вопрос, который я хотел бы вам задать, о сложном времени деятельности о. Александра. Вы познакомились в 1988 году. Это время, когда официально к церкви относились очень холодно, предпочитали о ней не говорить вообще. От государства никакой помощи церкви не было. Как о. Александр относился к этому времени с точки зрения церкви? Как это время отражалось на прихожанах, на их духовном росте, развитии? С чем к нему приходили в это время?

Людям будет нужно живое слово, и опасался, как бы нам не оказаться пустыми, бессильными, не увязнуть в интересе к тонкостям ритуала, подробностям церковной истории, ко всему тому, что не составляет центра христианства

– О. Александр тогда больше заботился о том, что будет с нами, когда снимут запрет на церковь. В 1988 году было уже

понятно, что происходит поворот, что скоро откроются все двери. Я тогда работала экскурсоводом. Это считалось идеологической работой, за нами присматривали, чтобы мы лишнего не говорили, чтобы все правильно было. В начале 1988 года я была на курсах повышения квалификации, и нам объясняли, что в мае мы будем праздновать тысячелетие крещения Руси как тысячелетие российской государственности, письменности и культуры. Предполагалось, что ни про Бога, ни про церковь речи не будет, что вместо рассмотрения смысла события в центре внимания окажутся его последствия. Ведь понятно, что государственность, письменность и культура – это последствия принятия христианства, проповеди Евангелия. Но потом что-то случилось, и в партийных идеологических кругах решили легализовать церковь.

Батюшка понимал, что скоро все станет возможным, людям будет нужно живое слово, и опасался, как бы нам не оказаться пустыми, бессильными, не увязнуть в интересе к тонкостям ритуала, подробностям церковной истории, ко всему тому, что не составляет центра христианства. Не то, чтобы он был против этого, вовсе нет, он очень любил и церковную красоту, и богослужение, но он понимал, что без Христа это не имеет никакого смысла, становится пустым и мертвым. Он действительно предвидел трудности.

Что касается его отношения к советскому периоду, он же вырос в катакомбной церкви. Мне смешно слышать, когда люди начинают говорить: «Александр Мень – обновленец, реформатор, модернист, еще

что-нибудь такое». Те, кто его упрекает, как правило, прошли комсомольскую школу и уверовали в поздние времена, а отец Александр вырос в церкви, он там был с пеленок. Семья о. Александра принадлежала к катакомбной церкви, он был с детства наставлен такими чудесными людьми, как отец Серафим Батюков, схиигуменья Мария и многие другие подвижники. Это была русская церковь, сохранившая чистоту, крепость веры и правду до конца. Батюшка в этом воспитан, он прекрасно знал, что такое настоящее христианство. Конечно, перед ним стоял вопрос, как быть христианином в советские времена...

– *В нехристианской среде...*

– Да, в нехристианской среде, и ему это каким-то удивительным образом удавалось. Он говорил, что если человек в своей жизни действительно верен Христу и Евангелию, то все проблемы решаются сами собой. У него так и было. В его биографии многое правильно разложилось. Например, о. Александр получил прекрасное образование, но диплом ему не дали, исключили его из института на последнем курсе. Это ему позволило поступить в семинарию, в то время людей с высшим образованием не брали в духовные школы. Так что все как будто бы случайно, но правильно выстраивалось.

– *Как промысел Божий...*

– Да, промысел Божий и водительство Божьей Матери. Как только он родился, его мама Елена Семеновна посвятила его Пресвятой Богородице. Она была тогда очень молодой женщиной и утратила, что у нее неостанет мудрости и силы, чтобы воспитать ребенка. В молитве она просила Пресвятую Богородицу, чтобы Та наставляла и вела ее сына. Так и было, это видно в его судьбе. Что касается отношения отца Александра к советским реалиям, он был исключительно мирный человек. Это не значит, что он не называл вещи своими именами. Он прекрасно понимал, где подлость, где предательство, где безнравственность, но у него не было пафоса борьбы со злом. Он считал, что лучший способ борьбы со злом – умножение добра. Как можно потеснить тьму? Увеличив пространство света, любви, восхищения и радости. У него не было желания с кем-то бороться, кого-то обличать, что-то собственное утверждать. О. Александр умел мирно и честно жить в той церкви, которая была в советское время в нашей стране. Он был частью народа и страны, у него не было ощущения, что он исключительный человек, который должен всех спасти. Ему было свойственно доброе, искреннее отношение к жизни, и это позволило ему очень многое сделать. У него не уходили силы на

*Выпускающий редактор журнала «Верующий разум» А.А. Черных
и М. В. Михайлова в студии радио «Град Петров»*

борьбу, все его силы шли на служение, радость, любовь, а такие вещи исполняют силы.

– Деятельность о. Александра поражает своим масштабом. Он успевал проповедовать, читать лекции, писать книги, редактировать уже вышедшие книги. При этом он был священником в Подмоскowie.

– А еще он работал в своем саду и ходил в магазин за продуктами. Меня поразило, когда он однажды заметил, что в Питере лучше с продуктами, чем в Москве. Я тогда спросила: «Отец, а откуда вы это знаете? Разве не матушка в магазин ходит?» У меня тогда была полная уверенность в том, что священник – это почти сакральное существо, которое живет исключительно духовной жизнью, а для магазинов существуют матушки. Он ответил: «Я тоже хожу. Когда жена работает и не может, я беру сетку и иду». Он делал разную домашнюю работу, и его это не тяготило. При этом он так много успел написать, а ведь тогда компьютеров не было, он все печатал на машинке, и работа была трудна технически.

– О. Александр когда-нибудь касался темы отношений православной и католической церквей? Как он относился к расколу?

– Это очень хороший вопрос, особенно сегодня, когда должна состояться встреча нашего Патриарха и Папы Римского (интервью с

М. В. Михайловой записано 12 февраля 2016 года). Вопрос разделения церквей – один из самых серьезных, трудных и болезненных. О. Александр был человеком, который строил жизнь по Евангелию, по Писанию. Когда мы читаем в последней беседе Господа с учениками первосвященническую молитву, где Он говорит: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17: 21), после этого очень трудно, надо быть очень большим казуистом, чтобы заявить, что разделение христиан – это просто такой исторический факт, они все отпали, а мы остались верны Богу. Невозможно после этих слов Христа осознавать разделение христиан иначе, как трагедию и грех. Батюшка примерно так и думал. Мы задавали ему вопросы о разделении церквей, и он отвечал словами одного известного архиерея XIX века: «К счастью, наши перегородки не доходят до неба. Чем ближе мы ко Христу, тем ближе друг к другу». При этом о. Александр был приверженцем церковной дисциплины. Он говорил, что для нас важно послушание нашей церкви. Когда захочет Господь, тогда и будут предприняты какие-то шаги к единству. К счастью, мы сегодня при таком шаге будем присутствовать. После того, как Франциск и Кирилл сядут за один стол, труднее будет говорить, что католики – это еретики. Но не надо торопить события. Молиться о единстве, трудиться на уровне контактов между людьми – это да, и батюшка всю жизнь этим занимался. Он был очень доброжелателен к людям других конфессий, но при этом никаких революционных мер никогда не принимал. От нас зависит подготовка почвы для церковного диалога. Если в наших сердцах будет восприятие католика, протестанта, агностика как своего брата, тогда хорошо. Если же в народе Божьем нет готовности к диалогу, единству, любви, то ни один иерарх, как бы он ни был велик, не сможет ничего сделать.

– Вы общались в основном лично или вели переписку с о. Александром? Насколько мне известно, люди, знающие о. Александра, много с ним переписывались. Бывали случаи, когда о. Александр свой ответ записывал на магнитофонную пленку и присылал кассеты. Эти магнитофонные пленки сейчас составляют часть культурного фонда Александра Меня. У Вас был опыт такого общения?

– Нет. У о. Александра был огромный круг духовных чад и просто людей, которые к нему стремились. Он был невероятно теплый, живой, значительный человек. От него исходила любовь. В его присутствии, не побоюсь этого сказать, ощущалось присутствие Божие. При взгляде на о. Александра становилось ясно, что Бог есть. Наверное, поэтому за

ним ходили толпы. Я понимала, что у него мало времени, и мне не хотелось какого-то исключительного внимания.

Была одна история, когда я сопровождала его на очередную квартирную встречу и задала личный вопрос, важный для меня. Мы с ним ходили, наверное, час под мокрым снегом между домами по дворам у метро «Проспект Ветеранов». При этом я очень нервничала и сказала: «Батюшка, вас же ждут, не стоит тратить на меня столько времени». Он ответил: «Ничего, они сидят в теплой квартире, пьют чай, им хорошо. А для вас это важно, поэтому поговорим». Бывали и другие ситуации, когда я за ним бегала целый день по всей Москве, начиная с литургии в Пушкине и по всем его делам, и он особенно не разговаривал со мной, в конце дня просто благословлял и отпускал. Он понимал, когда нужно человеку уделять время, когда не нужно. Все, что батюшка делал и говорил, было очень питательно. Он хорошо благословлял, возлагая обе руки на голову. У него были прекрасные руки, сильные и при этом мягкие, отеческие. И потом, он очень много себя оставил в своих книгах. Если внимательно почитать, там есть ответы на все вопросы. До сих пор, когда мне нужно понять, что делать, я беру любую его книгу с полки, открываю на любой странице и читаю до тех пор, пока не найду ответ. Всем советую.

– В 2015 году исполнилось 25 лет с той трагической даты, когда его не стало. По прошествии четверти века можете ли вы сказать, какой след о. Александра оставил в вашей жизни? Как сейчас вы оцениваете влияние, которое он оказал на вас?

– Недавно я вернулась из Москвы, где состоялась конференция, посвященная памяти о. Александра. Она называлась «Значение трудов о. Александра Меня в наши дни». Материалы конференции можно найти на сайте церкви Космы и Дамиана в Шубине, где настоятель о. Александр Борисов, друг и ученик о. Александра Меня, и на сайте христианского клуба «Встреча». Удивительно, что люди на этой конференции были в едином духе. Никто заранее не договаривался друг с другом, и тема очень широкая, можно говорить о чем угодно. При этом была внутренняя логика, все доклады были связаны по смыслу, было видно, как разные люди независимо друг от друга развивают несколько важных мыслей. Я могу это объяснить только одним способом. Вокруг о. Александра продолжается живое духовное движение, которое не прекратилась с его смертью. Он создал сообщество, оставил школу, у него есть ученики, и это не только те, кто его видел и слышал, но и люди, которые никогда с ним не встречались. Помню, как однажды пришла в церковь свв. Новомучеников и Исповедников

Российских у нас в Петербурге 9 сентября на панихиду по о. Александру, и о. Александр Сорокин сказал: «Я никогда не видел о. Александра Меня, только читал его книги, но я считаю его своим наставником, учителем и многим ему обязан». Так могут сказать очень многие люди. Есть единство, которое создается присутствием о. Александра. Не думаю, что общение с человеком прекращается с его уходом. Когда мы читаем Пушкина, или Данте, или о. Александра, мы пребываем с ними в диалоге. Поэтому о. Александр Мень – не факт истории, а актуальная составляющая жизни русской церкви сегодня. Я знаю многих людей, которые свидетельствовали, что пришли в церковь благодаря книгам о. Александра. Возможно, у критиков о. Александра и безупречное богословие, но как-то не видно, чтобы оно кого-то питало и вдохновило. А слово о. Александра до сих пор продолжает звучать, это живое слово.

Думаю, что и тайна, и простая отгадка личности Александра Меня заключается в том, что у него были живые отношения с Богом. Через свое служение он был включен в присутствие Божие здесь и сейчас. Это одна из тем, которые батюшка часто затрагивал в своих беседах. Он говорил о том, что Царствие Небесное уже здесь, от нас требуется только открыть глаза. Это очень трудно. Мы погружены в жизнь, которая нас отвлекает, заставляет решать какие-то вопросы, мы все подвержены страстям, но о. Александр утверждал, что если мы дадим себе труд научиться радоваться, любить, благодарить, то мы обнаружим себя в присутствии Божиим, которое является не где-то, а здесь и теперь, в нас и в окружающем нас мире. Он сам так жил, и это привлекало к нему людей, потому что на самом деле все мы хотим одного – Бога. Как сказал Блаженный Августин, «Господи, Ты создал нас для Себя, и будет беспокойно метаться сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Батюшка предлагал возможность открыть глаза и жить в присутствии Божиим. Талантливых проповедников, людей образованных, остроумных очень много...

– *Александр Мень выделяется среди многих.*

– Тем и выделяется. Он очень любил апостола Павла, это была для него важнейшая фигура в первой Церкви, и любил слова апостола «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Конечно, отец так пафосно о себе бы не сказал, но он действительно был человеком, который все отдал Христу, и мученический конец его жизни показывает, что все было правильно. Пролитая кровь – это печать истинности. Но важнее всего его живое присутствие в культурном и церковном пространстве.

Проза и стихи
современных петербургских
авторов

Ирэна Сергеева

ПЕРЕД ЛИКОМ БОГОМАТЕРИ

Здесь, под сенью Никольского храма,
перед ликом небесной красы,
сын – подросток, с ним за руку – мама...
Не напрасно ль привел ее сын?
Свято верю: совсем не напрасно
в юном сердце пробился родник –
и душа ее будет прекрасна,
как святой Богородицы лик!

19 июля 2009 г.

* * *

Эти свечи, угодные Богу,
не чадят и не сгорают дотла,
Берегу их и жгу понемногу,
Славлю руку, что мне их дала.

Слава Богу, мой слог не заумен,
я в молитвах прибавлю огня,
Как там братия, авва игумен?
Помолитесь и Вы за меня!

2004 г.

ИНОКИ

*Братии
Свято-Успенского
Орловского
монастыря*

Я люблю тесноватые дворики,
стены древние монастырей.
Много слов наболтали историки,
а молитва доходит быстрей.

Жизнь мирская доводит до ужаса –
Благодать не удержишь в горсти...
Сколько надо терпенья и мужества
ежедневную битву вести!

За молитвой идут к вам безчинники,
 храбрецы, простецы, гордецы...
 Наши юные русские иноки!
 Сыновья вы мои!... И отцы!...

2004 г.

* * *

Часы мои такие точные,
 часы свечные, не песочные!
 Свеча – на час, на два часа...
 Елико посчитаю вчерне я –
 Как раз на правило вечернее –
 В молитвах славить небеса.

16 мая 2004 г.

г. Орел.

* * *

Вышли с внуком
 под яблони вешние,
 плакал он, не стихал
 – Окрестите ребеночка,
 грешные! –
 странник тихо сказал.
 А и в вправду, пора, православные!
 Не в грехе он рожден.
 Отзвучали и речи заздравные
 уж тому десять дён...

Март 1993 г.

* * *

На старости не стать, увы, мне схимницей,
 как внуков не поняничить – я не мать.
 Но радостно мне быть странноприимницей,
 паломников под кровом принимать.

Приедут и пойдут по храмам Питера,
 голодные, усталые придут.
 Свои, родные... Рада, слезы вытерла.
 Свои родные поселились тут.

Псалмы читают. Каждый тихо молиться.
 Я в комнате своей не вытру слез.
 Казанская сияет Богородица.
 И милосердно дарует Христос.
Сентябрь 2005 г.

«ПРИХОЖАНИН»

Священник вышел на амвон,
 а «прихожанин» вышел вон.
 Но проповедь звучала...

«Поставил я свою свечу,
 а речи слушать не хочу...
 не ввали б для начала
 все про каких то нищих, но
 там денег у самих полно,
 и про «живых, что мертвы...» -
 дух окаянный говорит...

Гладишь, а свечка не горит, -
 Господь не принял жертвы.
2005 г.

* * *

Идти до лавры с крестным ходом
 ей тяжелее год за годом,
 и все-таки идет.
 И вспоминает как в блокаду
 идти за хлебом было надо –
 вот-вот и упадет.

Бог день дает. Дает и пищу.
 А мы иного хлеба ищем
 с молитвою до слез.
 Едва стопы переставляя,
 идем, себя не заставляя...
 Хлеб веры – сам Христос.
2004 г.

* * *

Жалко в стужу Божьих птах.
 Но Господь их не оставит –
 Руку Он твою направит.
 И с улыбкой на устах
 утром встав,
 подашь им явств...
 И тебе Господь подаст.
 1996 г.

* * *

Горит икона золотая,
 не увядает райский сад.
 Ах, мама, ты совсем седея,
 и у тебя печальный взгляд!
 Ах, мама! Горести растают,
 как майский снег,
 как невский град,
 где есть икона золотая
 и для страдальцев райский сад.
 1991 г.

* * *

*Человек яко трава...
 Пс. 102*

Страшно смотреть на движенье машин,
 вечно куда то спешащих.
 Вовсе не так достигают вершин! –
 В келье монашеской чаще...
 В слезной молитве... Над книгой склоняюсь...
 Нищему грош подавая...
 Посторонюсь. Не обрызгает грязь кроткого...
 Яко трава я ...

*31 марта 2007 г.
 Лазарева суббота*

Протоиерей Александр ДЯГИЛЕВ

Настоятель храма св. Александра Невского в Красном Селе С.-Петербурга. Председатель С.-Петербургской епархиальной комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства. Преподаватель Исторической Литургики на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Один из ведущих программы «Пастырский час» на радиостанции С.-Петербургской митрополии «Град Петров». Закончил Государственный Горный Институт и С.-Петербургскую духовную семинарию.

Священник Игорь ИВАНОВ

Выпускник РГПУ им. А. И. Герцена и ПСТГУ, кандидат философских наук, доцент, и.о. проректора по научной работе, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия в С.-Петербургской Духовной Академии; ответственный редактор научного журнала «Христианское чтение»; преподаватель религиоведения на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; штатный клирик храма Преображения Господня в Лесном (С.-Петербург).

Протоиерей Михаил БРАВЕРМАН

Магистр богословия. Выпускник С.-Петербургской Духовной Академии. Настоятель храма свв. равноапостольных Константина и Елены на улице Доблести (С.-Петербург). Автор книг «Литургия», «Евангельская история в проповеди» и др. Сотрудник епархиального Отдела религиозного образования и катехизации С.-Петербургской епархии.

БОБРОВ Давид Анатольевич

Закончил Педагогический колледж № 8 (С.-Петербург), Епархиальные курсы религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Сейчас является студентом С.-Петербургской Духовной Академии. Сотрудник пресс-службы С.-Петербургской Духовной Академии.

КАПИТОНОВ Владислав Алексеевич

По окончании школы поступил в Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». Окончил Епархиальные курсы религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Сейчас является студентом С.-Петербургской Духовной Академии. Сотрудник Отдела религиозного образования и катехизации С.-Петербургской епархии и пресс-службы С.-Петербургской Духовной Академии.

ЕМЕЛЬЯНОВ-ЛУКЬЯНЧИКОВ Максим Александрович

Историк, журналист, путешественник, кандидат исторических наук, специалист по русской истории и истории цивилизаций Тропической Африки, автор книги «Иерархия радуги».

МЕЖОВ Игорь Дмитриевич

Главный специалист Сектора катехизации Отдела религиозного образования и катехизации С.-Петербургской епархии. Преподаватель катехетики, куратор Отделения повышения квалификации катехизаторов Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Автор и ведущий программы «Огласительные беседы» на «Радио Мария». Катехизатор Князь-Владимирского собора. Зам. директора Межцерковного партнерства «Апостольский город – Невская перспектива».

ДОБЫКИН Дмитрий Георгиевич

Кандидат богословия, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии, преподаватель Института богословия и философии. («Библейская история Нового Завета», «Экзегетика Нового Завета»), преподаватель Ветхого Завета на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Секретарь кафедры библеистики.

ТЕЛЬПИС Николай Георгиевич

Преподаватель С.-Петербургской Духовной Академии, преподаватель Духовно-просветительского центра при храме Тихвинской иконы Божией Матери г. Сестрорецка. С 1999 года преподает в С.-Петербургской Духовной Академии курс «Общecerковной истории и Миссиологии».

Протоиерей Игорь АКСЕНОВ

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации Выборгской епархии Русской Православной Церкви, настоятель Свято-Ильинского храма в г. Выборге, аспирант Русской христианской гуманитарной академии, преподаватель Основ социальной концепции Русской Православной Церкви на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ТАРАСОВ Борис Николаевич

Заведующий кафедрой Литературного института имени А. М. Горького, доктор филологических наук, профессор, член Правления Союза писателей России. Лауреат Международной литературной премии имени Ф. М. Достоевского, Всероссийской литературной премии им. Ф. И. Тютчева, Всероссийской премии им. А. С. Хомякова. Книги и статьи переведены на литовский, французский, немецкий, английский и польский языки.

КУДРИНА Юлия Викторовна

Ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, автор монографий: «Императрица Мария Федоровна. 1847–1928»; «Дневники императрицы Марии Федоровны. 1914–1920, 1923 годы»; «Императрица Мария Федоровна и Император Николай II».

БОХАНОВ Александр Николаевич

Доктор исторических наук. Автор более 20 монографий и около 200 статей.

ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович

Кандидат исторических наук (1997), доцент (2005), заведующий кафедрой вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ. Автор более 650 опубликованных работ.

ЧЕРНЫХ Аким Анатольевич

Магистр политологии, выпускающий редактор журнала «Верующий Разум».

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович

Член Творческого союза художников России. Закончил РГПУ им. А. И. Герцена, факультет изобразительного искусства. Преподаватель иконологии на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Автор книг («Зримая Истина», «Иконописцы Святой Руси», «Мати, рождающая Бога», «Как устроить домашний иконостас» и др.), газетных и журнальных статей, а также цикла радиопередач по основам богословия православной иконы.

СЕРГЕЕВА Ирэна Андреевна

Поэт, прозаик, литературовед. Член Союза писателей России с 1976 г. Окончила Библиотечный институт им. Н. К. Крупской. Автор нескольких книг стихов и четырех книг прозы. Редактор, составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы». Лауреат премий: Союза писателей России «Традиция» (1996), Святого Благоверного князя Александра Невского, «Ладога» им. А. А. Прокофьева (2015) и других. Действительный член Международной славянской и Петровской академий наук, искусств и культуры.

От редакции

Как часто мы задумываемся о том, в какое удивительное время мы живем? Каждый день в мире происходят научные открытия, меняющие наше представление об окружающем нас мире, результаты научно-технического прогресса делают нашу жизнь комфортной и безопасной, где медиа технологии стали определять наше мировоззрение. Для того чтобы не раствориться в многообразии идей и мнений, необходимо помнить кто мы есть. Номер журнала, который Вы держите в руках, ориентирован на возрождение интереса к истории своего народа, лишенной искажений, уважение своей культуры, и, самое главное, сохранение нашего духовного стержня – Православия.

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

*Журнал Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54457 от 17. 06. 2013

Поддержка: Союз православных предпринимателей (СПб) –
объединяет предпринимателей единых в вере
и направляет усилия на соборное решение духовно-просветительских,
культурных и социальных задач

Художественное оформление: С. В. Алексеев

Логотип на титуле: М. Стаборовская

Редактор: *А. А. Черных*
Верстка: *С. В. Алексеев*
Корректор: *С. С. Атапин*

Подписано в печать 18. 05. 2016
Формат 60x90/16
Объем 15 п. л.
Печать офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 1000 экз.
Заказ № 0137

ООО «Август»
Россия, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр. д. 54
e-mail: aspor@yandex.ru